

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
АЛЬБОМ

А. КОУЛ К. БАНЧ

ИСТОРИЯ ВОЙНА

**Аллан Коул
Кристофер Банч
История воина**
Серия «Антеро», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122994

История воина: Фантастический роман: Издательство Альфа-книга;

Москва; 1996

ISBN 5-7632-0141-8

Аннотация

Очередной роман из цикла об Антеро известных американских фантастов Аллана Коула и Кристофера Банча вновь увлекает читателя в волшебную страну магии, демонов и необыкновенных героев. На этот раз в центре событий – сестра Амальрика Антеро, женщина-воин Рали. Одолев в изнурительной войне своих заклятых врагов ликантианцев, она вместе со спутниками отправляется в погоню за властителем Ликантии архонтом – злобным суперволшебником. Рали попадает чуть ли не на край света, побеждает архонта и находит свою необыкновенную любовь – прекрасную принцессу Ксиа.

Содержание

Книга первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	44
Глава третья	70
Глава четвертая	107
Глава пятая	126
Глава шестая	150
Глава седьмая	168
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Аллан Коул, Кристофер Банч История воина

СЮЗАН И КАПЕН

Книга первая ПОГОНЯ

Глава первая ДЕМОН У ВОРОТ

Я – бывший капитан маранонской гвардии Рали Эмили Антеро. Я солдат и останусь солдатом, пока старуха с косой не придет за мною. Как и большинство солдат, я молюсь о твердой земле под ногами, о хорошо сделанном и хорошо заточенном оружии, о горячей бане и горячей еде после долгого марша. Короче, я больше доверяю здравому смыслу, чем магической чепухе.

Однако два года мне пришлось топтать деревянную палубу линейного корабля, сражаться ржавым оружием и радо-

ваться, что хоть оно у меня есть, пришлось мыться холодной морской водой, есть редко и что придется. Мы носились по таинственным западным морям и сомневались, что когда-либо снова увидим дом. А что касается здравого смысла, то он едва не погубил меня, если бы магия и чародейство не принесли спасение.

Мои подвиги – и подвиги моих солдат – восхваляли многие. Историки уже сложили роскошные мифы о нашей необыкновенной многомильной погоне, положившей конец величайшему в мире злу. Они пишут, что на карту было поставлено само существование рода человеческого. Выдумка почти победила правду в мифах, и кровавые уроки были забыты, а ведь без них, без накопленного опыта, мы останемся безоружными, если зло и тьма вернутся снова. Кроме того, я считаю, что правда окажется более интересной, чем ее красивая сестра – ложь.

Но мне надо предупредить вас, до того как вы углубитесь в чтение: я – женщина. Если вам это не по нраву, захлопните книгу и уходите, я не стану по вас скучать. Все остальные – добро пожаловать к моему очагу. Если вам холодно, разведите огонь и согрейтесь. Если вы испытываете жажду – вот рядом с камином кувшин подогретого вина. Если вы голодны, позовите ленивого официанта – он принесет вам заказанное мною холодное мясо. Я рада, что вы здесь.

Мой писец только что посоветовал мне упомянуть в этом месте повествования богов и богинь, покровительствующих

писателям и поэтам. Но я поклоняюсь другим богам, и они ревнивы. Я сказала старому дурню, что меч всегда победит перо, поэтому изнеженным богам чернил и бумаги придется отойти в тень. Мои молитвы тем, кто не дает пролиться моей крови, кто хранит мою плоть и мои кости.

Приступая к повествованию, я даю писцу еще один наказ. Слова, которые он пишет, должны быть моими, и только моими. Мне нет дела до того, нравятся ему мои фразы или нет. Я буду говорить только правду – неприкрашенную, как лысина писца, как его лицо, лишенное подбородка. Правде не нужно цветистое красноречие, чтобы облегчить путь. Но этот писец упрямый и склочный, он похож на трех его предшественников, которых я выгнала. Я сказала ему, что, если он будет упрямиться, я отрежу ему голову и насажу ее на шест у моей входной двери как предостережение его преемнику. Писец говорит, что он больше боится за свою репутацию, чем за свою голову. Он что-то бормочет об искусстве. Он говорит, что это история, а не байки, рассказываемые в казарме.

Я не согласна с ним и не стыжусь этого. В казарме все началось и в казарме закончится. В середине будет много убитых воинов, которых я оплакиваю, и много подвигов, которые я восславлю.

Плохая примета – убивать писца. Кроме того, он принадлежит моему брату, и я обещала Амальрику вернуть его в хорошем состоянии. В интересах семейного согласия я остав-

лю его в живых. И тем самым я возлагаю на себя все последствия, которые вызовет моя повесть.

Я начинаю ее.

Некоторые люди утверждают, что, когда моя история только начиналась, в тот день поутру много нехороших знаменений наполнили сердца людей страхом: испортилось молоко у кормящих матерей, свинья владельца таверны родила двухголового поросенка, в оружейной заточенные накануне мечи без видимой причины затупились, стаканчик для бросания костей у одной гадалыщицы раскололся, едва она встряхнула его. И даже будто бы один воскреситель сошел с ума и превратил свою жену и тещу в пару волов.

Я не могу на это ничего сказать. В тот день я проснулась после страшного похмелья. Долго и болезненно я осознавала, где нахожусь. В более счастливые времена я бы лежала в огромной, мягкой постели в уютном доме, который полагался мне как командиру маранонской стражи. Рядом со мной лежала бы прекрасная Трис. Потом после объятий и поцелуев следовал бы обильный завтрак и час воинских упражнений вместе с могучими женщинами, из которых состояла стража. Вместо этого я проснулась в маленькой холостяцкой комнате в караулке — я спала, скрючившись на каменном лежаке. И... я была одна. Я ушла из собственного дома три недели назад после нашей последней, самой злой из всех, ссоры. А за день до того я увидела свою теперь уже бывшую

любовницу в компании своей подчиненной, у которой была нехорошая репутация. Некоторые считали ее привлекательной, но мне она казалась жирной, нуждающейся в продолжительном мытье, и на верхней губе у нее пробивались усики. Она без сомнения растоптала бы мою невинную Трис.

Я попыталась вылечить разбитое сердце сначала одной кружкой горячего ароматного вина, потом другой, пока вечер не сменился ночью, смутными воспоминаниями о пьяной песне, шаткой походке, кажется, драке и в конце – бессознательным падением на это жесткое ложе.

Я люблю крепкие напитки, но не чрезмерно. Богиня благословила меня быстрым, сильным телом, глазами, которые могут сосчитать блох в перьях летящего воробья, и трезвой, ясной головой. Это не похвальба, все, о чем я говорю, было дано мне от рождения. Я ничего не сделала, чтобы заслужить эти дары, поэтому всегда считала своим долгом держать свое тело в хорошей форме, как и оружие, которое я ношу. Вино – страшный враг тела, такой же, как грязь и ржавчина – враги оружейной стали.

Все это я сказала себе, когда госпожа Стыд подняла меня с постели и я опустила голые ступни на холодный каменный пол. Словно тысяча солдат маршировала в моей голове, другая тысяча колола бесчисленными копьями мой язык, а в желудке поднялось восстание, и мне пришлось срочно отступить к ночному горшку, где я освободилась от вчерашней пищи. Когда я стояла возле горшка на коленях в позорной

позе пьяницы, мне в голову внезапно пришло, что сегодня день пира в честь моей матери. Каждый раз на годовщину ее смерти моя семья собирается на вилле Амальрика, чтобы почтить ее память. Меня опять вырвало, а мадам Стыд уколола меня снова.

– Напиться в такой день! Пить все эти дни! – шипела она.

– Я не пьяна, проклятье! Я только страдаю с похмелья. Это Трис виновата, дрянь такая!

– Давай, давай, обвиняй бедную девочку, – ухмыльнулась госпожа Стыд. – А тем временем дух твоей матери бежит от твоего зловонного дыхания, не видя вокруг ни одного знакомого лица. Она, ее душа, будет бродить по свету, оплакивая свою падшую дочь.

– Прочь, прочь! – закричала я. Потом живот свело новой судорогой, и мне снова пришлось склониться над горшком. В этот момент за моей спиной открылась дверь.

– Смотрю, поклоняешься фарфоровой богине, – раздался ехидный голос. – Ты служишь примером всем нам, капитан.

Я вытерла подбородок, встала на ноги и с достоинством обернулась. За моей спиной стояла Корайс, одна из моих легатов. Она была тонкой и жилистой и напоминала кошку – особенно когда улыбалась и играла со своими жертвами, перед тем как расправиться с ними. В тот момент я была ее мышью, и ей нравилось играть со мной.

– Выйдите вон, легат, – проворчала я. – Я не в настроении для шуток.

Ухмылка Корайс стала еще шире, за ее чувственными губами сверкнули белые зубы, темные глаза засветились от удовольствия.

– Надо же, а я бы никогда не подумала – так хорошо ты скрываешь свои беды. Наверное, ни одна женщина в гвардии и не подозревает, что Трис спит теперь с другой.

Я еще ниже склонилась над проклятым горшком, мне хотелось провалиться от унижения.

– Только не говори мне, – простонала я, – что я кричала вчера об этом с крыш городских зданий.

– Ну-у, не совсем так, – ответила Корайс. – Но вчера ты была, без сомнения, в голосе. И, несмотря на то, что крыши нашего славного города были вчера в безопасности, Полилло пришлось стащить тебя с водонапорной башни на землю.

Не успела я оправиться от нового удара, как из коридора раздался могучий голос, напоминавший далекий гром:

– Кто упомянул мое имя? – Послышались тяжелые шаги, и в дверном проходе возникла необъятная фигура. – Клянусь богиней, сотворившей меня, если я поймаю ту, кто говорит обо мне за моей спиной, я отрежу ей левую грудь и сделаю из нее кошелек.

Это была Полилло, одна из моих легатов, как и Корайс. Она, пригнувшись, вошла в комнату. Полилло была более семи футов ростом, ее гармоничная фигура с удивительно длинными, красивыми ногами поражала мягкостью очертаний, скрывающих железные мускулы, которые вздувались

громадными узлами, когда она поднимала свой боевой топор. Ее кожа была почти так же прекрасна, как и моя, а ее волосы, в отличие от моих – золотых, по цвету были близки к светло-коричневому. Если бы она стала куртизанкой, а не воином, то очень скоро добилась бы успеха.

Когда она увидела, что это я сижу на кровати, она мгновенно отпрянула назад.

– Ох, простите, капитан. Я не знала...

Я махнула рукой.

– Это мне надо просить прощения. Но если ты и вправду хочешь извиниться – очередь начинается у ночного горшка.

Полилло гулко расхохоталась и хлопнула меня по спине, от избытка чувства юмора едва не сломав мне плечо.

– Хорошая драка – вот что вам нужно, капитан. Это приведет вас в чувство. А если эти сопливые ликантианцы не струсят, вы скоро получите ее.

Упоминание о ликантианцах напомнило мне о моих обязанностях. Я со стоном поднялась на ноги, скинула ночную тунику и заковыляла к ванной. Пока я спала, в комнату тихо вошел слуга, и теперь все было готово: ванна оказалась до краев полна еще горячей водой, смешанной с очистительными благовониями. У подножия ванны стояла переносная ступенька.

Я спросила Корайс через плечо, не оборачиваясь:

– Что нового?

В зеркале я увидела, как Корайс пожала плечами.

– Почти ничего. Много слухов... некоторые хорошие... некоторые – не очень. Ясно одно – скоро быть войне.

Три недели назад архонты Ликантии бросили нам вызов – послали свой военный флот, чтобы рассорить нас с союзниками и захватить наши торговые корабли. Это случилось как раз в тот день, когда я разошлась с Трис. И теперь, когда я говорю эти слова писцу, я понимаю, что это не было совпадением. Моя профессия – война, и вести из Ликантии обрушились на нас как удар меча.

– Война будет, в этом нет сомнения, – мрачно заявила я Корайс, – но, кажется, наше безмозглое начальство не потребует службы от маранонской стражи.

Полилло сплюнула.

– Но мы же лучшие солдаты в Ориссе. Любая из нас выстоит против десяти мужчин из казарм. Почему, во имя Маранонии, они не дадут нам сражаться?

Она совсем немного преувеличила наши возможности, а ответ на ее вопрос я видела перед собой в зеркале, где отражалось мое тело. В душе я была воином. Но в мире, где правят мужчины, тело значит больше, чем душа. Я видела изгиб своей шеи и понимала, что она кажется очень изящной – если не вспоминать, как на ней вздуваются жилы, когда мне приходится действовать топором. Своей кожей я всегда гордилась: она приятна на глаз и на ощупь и в то же время прекрасно защищает меня от жары и холода. Несмотря на то, что я видела уже тридцать зим, моя грудь высока и упруга,

соски розовы, как у девственницы, талия тонка, бедра хотя и узки, изгиб их крут, и между бедрами я видела золотистый треугольник, обозначающий мой пол.

Вероятнее всего, Магистрат не позволит нам сражаться по трем веским – для них – причинам: 1) мы – женщины, 2) мы – женщины, 3) мы – женщины.

Все в Ориссе знают о маранонской страже, но почти никто не знает многого – кроме разве очевидного факта, что все стражницы – женщины. Мы являемся элитным подразделением, история которого уходит далеко в глубь забытого прошлого города. Обычная численность стражи – пятьсот душ, но в военное время наш состав удваивается. Мы поклоняемся и служим Маранонии, богине войны. Мы не принимаем мужчин в наши ряды, тем более что для большинства из нас это не большая потеря. Я не одинока в своем пристрастии к женской компании и женской любви. И кроме того, в цивилизованном мире, в котором мы живем, стража – единственное убежище для тех женщин, кто не хочет быть женой, матерью или шлюхой. Для тех, кому нужно спать с мужчиной, игра вряд ли стоит свеч.

Я молчала, а Полилло продолжала ворчать. Когда я закончила умываться и оделась, она продолжала обсуждать все ту же тему, как уличная собака, грызущая кость.

– Но они, конечно, разрешат нам маршировать с мужчинами, – настаивала она. – Ведь так, Корайс?

Корайс в очередной раз изящно пожал плечами. Она все-

гда так отвечала на вопросы, для которых еще не придумала ответа. Она была невысока, тонка, смуглое лицо ее было красиво. Корайс вовсе не была слабой, но ее козырем была скорость, вернее – скорость и хитрость. Только одна я в страже лучше ее владела мечом – и я не хвастаюсь: за все годы моей службы я так и не встретила фехтовальщика, способного одолеть меня.

– Если мы будем маршировать, значит, будем, – ответила я. – Если нет, значит, будем выполнять все, что они прикажут нам. Мы должны быть готовы ко всему.

Мое внешнее спокойствие было напускным. В душе у меня бушевал огонь, как после бокала крепкого вина. Маранонская стража редко участвовала в дальних походах, и это несмотря на то, что стража не раз показывала свою силу, защищая город. Магистрат и воскресители упрямо отказывали на наши многочисленные просьбы дать нам возможность участвовать в боях вместе с нашими братьями. Мы были последним резервом, говорили они нам. Нашей священной задачей было охранять Ориссу. Но любая стражница знала, в чем была настоящая причина – наш пол, который делал нас существами второго сорта – красивыми игрушками, которые следовало беречь, – так думали наши вожди. Полилло гневно топнула ногой.

– Я буду сражаться! – заявила она. – И ни один мужчина в городе не остановит меня!

– Ты поступишь так, как тебе прикажут, – оборвала ее я. –

И, если хочешь остаться легатом, оставь свои заявления при себе. Мне не нужны бойцы, раздражающие всех бесконечными речами.

– Да, капитан, – согласилась Полилло, опустив голову. Ее полные губы дрожали. – Но это несправедливо.

Корайс успокаивающе похлопала ее по плечу.

– Почему бы тебе немного не поработать топором? – проговорила она весело. – Мы можем написать на учебных манекенах имена членов Магистрата, и ты будешь развлекаться, отрубая им головы.

Полилло вытерла глаза и улыбнулась. Она легко выходила из себя – иногда это было опасно для окружающих, – но шутка могла так же легко успокоить ее.

– Ты хорошая подруга, Корайс, – сказала она. – Ты всегда знаешь, как развеселить меня.

Но шутки быстро были забыты. Полилло спросила меня:

– Почему бы вам не поговорить со своим братом, капитан? Может быть, он сможет переубедить кого-нибудь из Магистрата?

– Я не люблю пользоваться семейными связями, – ответила я. – Стража победит или проиграет, рассчитывая только на себя.

Полилло нахмурилась, но Корайс дернула ее за локоть и увела. Я закончила одеваться в одиночестве. Времени у меня было достаточно, чтобы успеть добраться до виллы Амальрика, где проходил праздник в честь моей матери. Я надела

свою парадную форму: сверкающие башмаки, короткую белую тунику, полированный ремень, на котором висели ножны с мечом и кинжал, поверх туники – плащ золотого цвета, по полдюжине золотых браслетов на руки и широкую золотую повязку на голову. Побрызгавшись апельсиновыми духами, я вставила в уши свои любимые сережки: они были тоже золотыми и украшены драгоценными камнями – левая изображала копье моей богини, а правая – ее факел.

Потом – последний оценивающий взгляд в зеркало. Рассматривая себя, я задумалась, а когда очнулась, то обнаружила, что машинально поглаживаю болтающийся в ухе факел – символ поиска мудрости. Может быть, Полилло была права? Моя гордость не должна стоять на пути гвардии к славе, которой она заслуживала.

«Очень хорошо, – решила я, – поговорю с Амальриком. Если кто-нибудь и сможет заставить шевелиться толстые туши в Магистрате, так это он – мой младший брат».

Город был объят предвоенной лихорадкой. Война еще не была официально объявлена, но людские эмоции опередили формальности. Я ехала по улицам и смотрела на возвышающийся на холме храм Воскрешения. Из трубы над залом заседаний валил черный дым – в этом зале члены Магистрата совещались с воскресителями, ища у них магической поддержки и совета. На рынке люди бешено хватали товары, наполняя мешки и тележки тем, чего, как они считали, скоро будет недоставать. Юные храбрецы шатались по городу вер-

хом и пешком, выкрикивая военные лозунги и глупо хвастаясь, как славно они будут побеждать всякого встречного врага.

Из окон и дверей домов выглядывали красивые девушки, и я не сомневалась, что вскоре большинство из них ускользнет от родительского ока, чтобы встретиться с юнцами до наступления утра. В тавернах было полно народу, на рынке у палаток гадалыщиц стояли очереди, а старые ведьмы бросали кости или рассматривали окровавленные органы животных в поисках знамений будущих событий. Из оружейных кузниц доносился непрерывный звон молотов, и я знала, что в подвалах дворца воскресителей кипит такая же горячая работа, волшебники плетут нити заклинаний и заговоров – готовится волшебное оружие. Одного я не могла понять – почему наши вожди занимались обсуждениями, вместо того чтобы приступить к делу.

Как большинство солдат, я фаталистка – что будет, то будет. Я не люблю политиков, потому что они могут красивыми словами скрыть предназначение судеб. Они ведут себя так, словно в жизни есть выбор, когда нужно просто плыть по течению и принимать все, что тебе ниспослано. Если ты видишь перед собой горный перевал, за которым лежит сокровище, можешь быть уверен, что рано или поздно через него пойдут люди с жадностью в сердце. Если видишь хорошее место для засады, пусть даже вокруг дикая пустыня, я готова спорить, что кровь там уже была или будет пролита.

По моему глубокому убеждению, все ликантианцы были нашими злейшими врагами и должны быть посланы к праотцам как можно скорее. Мы из разных миров. Орисса – торговый город, в ней полно жизни, смеха, мы гордимся любовью к искусствам. Мы речные люди и, как любой речной народ, любим мечтать. Мы не боимся грести против течения, чтобы добиться своего, потому что знаем, что скоро то же самое течение будет охотно нести нас домой.

Ликантия – город, рожденный на неприветливом берегу суровым морем. Его жители никому не доверяли и завидовали всем. Они добровольно подчинялись двум архонтам, и любое их слово, какое бы зло оно ни несло, было законом. Ликантианцы тоже любили мечтать, но они мечтали о завоеваниях, они видели сны о добыче, ворочаясь ночью на своих жестких ложах на морском побережье. Они мечтали об огромном королевстве, в которое вошли бы наши земли и земли других народов, а мы все должны были бы стать их счастливыми рабами.

Много веков мы сражались с ликантианцами. Мы сражались хорошо и умело, а они готовы были понести любые потери в лобовых атаках, лишь бы добиться победы. В последний раз мы почти выбили их из их логова, но воздержались от окончательного, смертельного удара. Вы, может быть, согласитесь с утверждением наших политиков, что слабая Ликантия – это лучше, чем никакой Ликантии, они, конечно, враги, но без них наши границы оказались бы открыты для

нападений других народов. Вы, естественно, не удивитесь, что я была с этим не согласна. И вот почему: 1) их архонты начали строить против нас козни с первого дня после поражения; 2) Амальрик и ныне покойный – чему я весьма рада – Янош Серый Плащ едва избежали смерти, путешествуя к Далеким Королевствам: засады ждали их буквально на каждом углу; 3) когда Амальрик и Янош обнаружили страну, которую мы теперь называем Ирайя, они открыли там заговор архонтов и принца Равелина против родного брата принца – короля Ирайи Домаса.

Вам этого недостаточно? Жалкий червяк, который служит у меня писцом, говорит, что, независимо от последствий, решение не разрушать Ликантию было гуманным и поэтому правильным. Итак, я продолжаю свой список: 4) мой брат вернулся из Далеких Королевств не только с выгодными торговыми договорами, но и с удивительными магическими познаниями, которыми король Домас согласился поделиться с нами; 5) архонты Ликантии поняли, что наше новое знание может помешать им возродиться из пепла и погубить нас; 6) они немедленно приступили к работе над новым магическим оружием; факты под номерами 7 и 8 были более очевидны и случились одновременно и не так давно.

Наши руководители были достаточно мудры, чтобы повсюду вокруг границ Ликантии – у перешейка полуострова, на котором стоял город, – расставить тайные патрули, которые донесли до нас ошеломляющую новость: великая стена

Ликантии стояла снова! Она была построена много веков назад, еще тогда, когда ликантианцы не помышляли об образовании империи, с тех пор они укрепили ее, используя не только труд тысяч и тысяч рабов, но и магию архонтов. Но во время последней войны – в ней сражался и мой отец, Пафос Антеро, – все воскресители Ориссы объединились и создали могучие чары, и стена рухнула за одну ночь. Теперь она снова стояла – очевидное доказательство, что архонты имели с принцем Равелином более близкие отношения, чем мы думали, и часть его черных секретов перешла к правителям Ликантии.

Одного этого было бы достаточно для войны, но архонты – и это последний мой аргумент – разорвали все существующие между нашими городами мирные соглашения и послали свой военный флот, чтобы перехватить наши торговые корабли и корабли наших союзников. Это было объявлением войны, хотя я лично предпочла бы назвать это пиратством, потому что ликантианцы – настоящие бандиты.

Мой писец одобрительно кивает. Если даже этот грызун понял мои рассуждения, значит, вы и подавно поддержите меня. Когда Ликантия пала, мы должны были сжечь город, продать жителей в разные концы света, посыпать солью проклятую ликантианскую землю, чтобы само имя «Ликантия» ничего не говорило последующим поколениям.

О чем это я? Ах да, политики занимались политикой, воскресители колдовали, юнцы хвастались, девушки строили

глазки, а Орисса готовилась к войне. А я ехала на виллу моего брата, чтобы почтить память своей матери.

Когда я приехала, вся семья, кроме Амальрика, уже собралась у часовни в саду. Был святой час Молчания, и мой запоздалый приход был встречен суровыми взглядами моих братьев и приглушенным презрительным фырканьем их жен. Но мне было наплевать на них, их души были подлы, и иногда я сомневалась, были ли они настоящими Антеро. Может быть, мой отец зачал их с какой-нибудь вонючей шлюхой? Омери махнула мне рукой, и я с радостью проскользнула между рядов братьев, кузенов и другой родни, чтобы сесть с ней.

Омери наклонилась ко мне и прошептала:

– Амальрик в храме Воскрешения. Он должен скоро вернуться.

Я в ответ молча кивнула. Неудивительно – мой младший брат всегда находится в центре событий. Голова моя пухла от аргументов, которые я собиралась привести, чтобы убедить его помочь мне, но скоро тишина, мирные запахи и шелест сада заставили меня думать о другом.

Моя мать, Эмили, была скромной женщиной и считала, что разукрашенные часовни и алтари ни к чему. Я была подростком, когда она умерла, а отец был слишком подавлен горем, чтобы удовлетворить ее нужды в послежизни. Амальрик тогда еще только начинал ходить, а другие мои братья – особенно старший, Порсемус, – хотели выстроить что-то

вроде храма в ее честь. От имени моей матери я противилась этому и в конце концов одержала верх. Вместо храма под розовым кустом установили один-единственный камень без рисунка вроде того, что был на памятнике моему умершему брату Халабу. Моя мать любила звук журчащей воды, поэтому я попросила одного из воскресителей, и он своим волшебством создал маленький ручеек, который сбегал по могильному камню и стекал в небольшой бассейн, где всегда плавали лепестки роз.

Я смотрела на камень и вспоминала с гордостью, как тогда, двадцать лет назад, я одержала первую настоящую победу. Я была непослушным ребенком, любила носиться по лесу, швырять камни в птиц и драться с мальчишками, которые, скривив губы, называли меня девчонкой. Все постоянно жаловались на мои безобразия – все, кроме отца и матери. Отец говорил, что скоро я перерасту их и буду вести себя, как любая хорошенькая девушка. Мать ничего такого не говорила, и, когда я хулиганила в ее присутствии, она только улыбалась и делала вид, что не обращает на это внимания. Она всегда хотела дать мне образование и заставила отца нанять мне учителя – обычно учителей нанимали для мальчиков из богатых семей. И однажды душным вечером, когда тишина, казалось, была насыщена секретами и тайнами, я призналась ей, что хочу быть солдатом. Мать не упала в обморок, и не разрыдалась, и даже не очень удивилась, а только сказала мне, что хотела в жизни добиться многого, но не все

ей удалось из-за ее пола.

– Ну почему, – экспрессивно воскликнула я, – мы были рождены женщинами, мама?! Разве не могли мы родиться мужчинами?

Тогда она удивилась.

– Я не это имела в виду, – пояснила она. – Я никогда не жалела, что я не мужчина. Как мне кажется, от пениса никакой пользы – он только ослабляет мозг. Нет, дорогая, не надо молиться, чтобы стать мужчиной. Молись, чтобы получить такую же свободу, какую имеют мужчины, и, если получишь ее, удовлетворишься этим. Я скажу тебе кое-что. Мне кажется, когда-нибудь наше время придет и тогда выяснится, что женщины гораздо лучше могут управлять миром, чем мужчины.

– Но я не могу ждать так долго, – закричала я. – Тогда я буду старой, а старух не берут в солдаты.

Мать внимательно посмотрела на меня и покачала головой.

– Если ты действительно этого хочешь, то тебе не придется долго ждать.

Через неделю отец нанял отставного сержанта, чтобы тот учил меня искусству боя. Он был очень молчалив и только улыбался, когда я жаловалась на царапины и на ушибы, нанесенные деревянным мечом за день обучения. Через год его улыбка стала еще шире, когда я превзошла его, моего учителя, во всех воинских искусствах и стала искать более опасного противника. К тому времени, когда мать умерла, я би-

лась лучше, чем любой юноша из города, по крайней мере, лучше, чем все те, кто осмеливался помериться силами с де-вушкой-воином. Мне сравнялось шестнадцать, и я вступила в маранонскую гвардию. И я ни разу не пожалела об этом.

Мелодичные звуки лиры вывели меня из задумчивости. Омери, которая незаметно отошла от меня, сидела на стуль-чике возле могилы и тихо перебирала струны своего люби-мого инструмента. Она посмотрела в мою сторону через го-ловы других и начала петь грустную песню. Я знала, что по-ет она для меня. Я смотрела на волну ее рыжих волос – по-чти таких же ярких, как у Амальрика, – и думала, что бра-ту повезло, что он нашел такую женщину. У меня когда-то была любовница, которая так же много значила для меня, как Омери для моего брата. Не Трис, Отара, ее глубокий гор-ловой смех, мягкие руки и пальцы, которые могли прогнать дурные мысли из моей головы. Она была со мной много лет и во многом заменила мне мать... А потом она умерла.

Прости, я плачу, писец. Но не ухмыляйся, говоря, что это свойственно женщинам. Берегись! Если ты осмелишься сде-лать это – или хотя бы об этом подумать, – я забуду свое обе-щание и ты не выйдешь из этой комнаты. Отара живет в мо-ем сердце, а слезы несвойственны мне, но до того, как книга будет написана до конца, слез еще будет немало – и часть из них прольете вы, читатель. А теперь я вытру глаза и соберусь с мыслями...

Пока Омери пела, я оплакивала Отару, но вот мелодия изменилась, и я почувствовала, что моя душа очистилась. Новый мотив был мажорным, и я вспомнила смех матери, машинально посмотрев на могильный камень. Я смотрела, как вода стекает в бассейн, журча, и мне казалось, что рябь на поверхности бассейна и лепестки роз составляют лицо матери. Она была живой – ее глаза открылись, губы шевелились. Воздух наполнился хмельным запахом сандалового дерева – любимый аромат матери. Я почувствовала, как теплая рука коснулась моей шеи, и услышала шепот – это был голос матери. Я не могла разобрать слова, но знала: если прислушаюсь, то обязательно пойму... На мгновение мне стало страшно... Но это все ерунда. Законы природы остаются в силе. Мать была такой же смертной, как и я сама. Не надо играть с духами. Я отбросила голову назад. Шепот оборвался. Запах исчез, и, когда я посмотрела на воду, лицо матери пропало. Омери прекратила играть. Я видела, что она хмурится и качает головой. Мне показалось, что я упустила что-то важное, и чувство потери причиняло боль.

А потом все мысли о потерях, любовницах и призраках исчезли. Раздался топот копыт за воротами.

Амальрик вернулся из храма Воскрешения.

Он принес весть: война объявлена. Остаток дня был отравлен страхом и волнением. Этим вечером все граждане Ориссы должны были собраться в Большом Амфитеатре, чтобы выслушать публичное заявление, которое, без со-

мнения, будет сопровождаться представлением для поднятия боевого духа.

Мой брат поздоровался со всеми, никого не забыв, терпеливо отвечал на глупые вопросы родственников: сколько, по его мнению, продлится война, какие финансовые трудности ждут наш род, какие товары могут исчезнуть из продажи, чтобы можно было заранее запастись и спекулировать некоторое время спустя. Несмотря на то, что Амальрик был младшим из детей моего отца, именно он стал главой семьи. Отец мудро передал управление своей финансовой империей не старшим братьям – слабовольным, ленивым и глупым, – а Амальрику. Понятно, что было много зависти и злобы, но сила личности моего младшего брата, его слава как открывателя Далеких Королевств быстро утихомирила завистников.

Он встретился со мной взглядом, подмигнул в знак того, что нам надо поговорить. Отделавшись от многочисленной родни, он пошел к дому, не забыв на прощание напомнить им об общегородском собрании.

Несколько минут спустя я сидела рядом с письменным столом в его кабинете. По его мрачной улыбке и цвету лица я поняла, что он принес не только новость об объявлении войны.

– О чем ты молчишь, дорогой брат? – спросила я. – Давай... выкладывай самое худшее.

Он засмеялся, но невесело.

– Я никогда не мог ничего от тебя скрыть, правда, старшая

сестра?

– Это потому, что у меня большой опыт, дружок, – ответила я. – Помню времена, когда ты еще был мальчиком, и довольно безответственным, – я ловила тебя с ящерицами в кармане, а позже гоняла подружек из твоей постели.

Брат был так молод, что после смерти матери мне пришлось его растить. Мы всегда доверяли друг другу, делились секретами, которые таили от всего остального мира.

– Ладно, Амальрик, – сказала я. – Расскажи-ка своей мудрой сестре, почему паникуют эти глупцы в храме и Магистрате.

Амальрик мрачно улыбнулся.

– Несмотря на то что мы были предупреждены давно, наши войска не готовы к войне.

– Это неудивительно, – заявила я. – Хотя мои женщины подготовлены прекрасно. С тех пор как мы слышали бряцание мечей из Ликантии, мы удвоили часы тренировок. Кроме того, я без приказа начала вербовку новых рекрутов в женских лицах, на базаре, платя за их содержание из неприкосновенных фондов. За такую инициативу меня могут разжаловать.

Мое признание встревожило его. Он пристально посмотрел мне в лицо.

– Все остальные наши войска теперь будут делать то же, – произнес он наконец. – Особенно после того, как Магистрат уволит негодных командиров.

– Если даже Магистрат зашевелился, значит, проблема действительно серьезна.

Амальрик вздохнул.

– Это еще не все. Тут замешана магия.

– Можно было догадаться. Но все они – трусливые дураки. Что, перестали верить в собственные заклинания? Или они поленились воспользоваться секретами, которые ты привез из-за моря?

– Разумеется, нет. Но архонты тоже времени даром не теряли, – заметил Амальрик. – И похоже, что от принца Равелина они получили больше черных тайн, чем мы предполагали. Наши воскресители боятся, что они ни в чем нам не уступают. Взять только эту проклятую стену через полуостров, которую архонты восстановили. Один воскреситель сказал мне, что во дворце никто, даже Гэмелен, не сможет совершить такое чудо за одну ночь.

– Ну и что? – усмехнулась я. – В конце концов сталь решает, кому достанется победа. Говоришь, их архонты нашли способ защищаться от наших заклинаний? Ну, значит, наши колдуны придумают что-нибудь посильнее, и эта гонка будет продолжаться долго, пока наконец в дело не вступим мы, солдаты, и не начнем вести войну старым, добрым способом – топорами, мечами и луками. Не беспокойся. Мы всегда побеждали их в прошлом. Магия не может ничего изменить.

– Вообще-то ты права, – охотно согласился Амальрик – Я многое узнал о военной магии от Яноша Серого Плаща.

Он был не только великим волшебником, но прежде всего – здравомыслящим воином.

Он налил себе вина в бокал. Я отрицательно мотнула головой, когда он предложил налить мне тоже, и вместо этого глотнула холодной воды.

– Однако на этот раз, – продолжал он, – постоянно доходят слухи об ужасном оружии, которое придумали архонты. Я понимаю, что перед началом войны сплетни множатся быстрее, чем мухи в навозе. Но сам Гэмелен отметил странные колебания магического эфира, поэтому даже он озабочен.

Я замолчала. Если Гэмелен – а он был не только главным воскресителем, но и весьма хладнокровным человеком – озабочен, можно смело начинать бояться.

– Что еще? – спросила я после паузы.

– Архонты пытаются добиться расположения короля Домаса, – ответил брат. – Он хитер, поэтому вряд ли их ждет успех. Разве что они убедят его, что наша карта бита. Тогда он поступит, как любой разумный монарх, – поддержит будущего победителя.

Если это случится, у нас не остается ни единого шанса. Далекие Королевства превосходят и нас, и наших врагов вместе взятых в магических науках. Сейчас Королевства были нашими союзниками – благодаря Амальрику. Но кто знает, что может случиться.

– Нам остается только ждать, – вздохнула я, прикрываясь

фатализмом как щитом.

– Я сделаю все, что смогу, – заявил мой брат. – Магистрат приказал мне отправляться в Ирайю. Я должен повлиять на короля и удерживать его от союза с архонтами в течение всей войны.

Выражение его лица было мрачным, и я понимала почему. Ему придется не только пропустить все сражения, но и несколько лет, пока длится война, жить среди иностранцев.

– Когда уезжаешь? – спросила я.

– Через несколько дней. Как только упакую вещи и подготовят корабль.

Я лихорадочно размышляла, чем мне может помочь брат.

– До того как уедешь, не мог бы ты поговорить с Магистратом? В этой войне понадобится каждый меч. Маранонская стража не должна оставаться дома!

Амальрик покачал головой.

– Я уже пробовал протолкнуть эту мысль. И неудачно.

Мое сердце чуть не разорвалось. Я не ожидала, что поражение будет таким скорым.

– Но почему? – крикнула я, хотя прекрасно знала ответ сама.

– Так же, как и всегда, – ответил он. – Пришлось выслушивать их идиотские рассуждения несколько часов.

– Дай-ка я воспроизведу их! – воскликнула я, едва сдерживаясь. – Боги сотворили женщин слабыми, им не пристало быть воинами, они недостаточно мужественны, чтобы

сражаться, их настроение зависит от менструального цикла, они не умеют рассуждать, они – жертвы случайных капризов, солдаты-мужчины не будут им доверять, если придется драться рядом, или будут их беречь, подвергая свои жизни и саму победу опасности, они станут шлюхами, так как всем известно, что женщины не могут контролировать свои инстинкты и будут совокупляться с каждым доступным мужчиной. Если их возьмут в плен, то изнасилуют, унижая этим честь города Орисса.

– Ты ничего не пропустила. Последний пункт вызвал особенно горячие возражения.

– Тысяча чертей!

– Я тоже так думаю, – подхватил Амальрик. – Правда, мои аргументы не были такими выразительными и точными. И еще одно. Командовать экспедиционным корпусом будет генерал Джинна. Это он был самым ярым противником участия маранонской стражи в войне.

Моя ярость достигла новых высот. Джинна – главнокомандующий! Это удивило меня, хотя на самом деле удивляться не стоило. Таких вояк, как Джинна, разводится полным-полно в мирное время. Они все одинаковы: из хороших семей, заканчивают хороший лицей, всегда получают очередное повышение в звании, хороши собой и никогда не связываются ни в какие скандалы. Во время войны эти положительные качества оборачиваются во вред: они никогда не осмеливаются нарушить инструкции, считая начальство

глупее себя и опасаясь его, срываю зло на своих подчиненных. И стараются по мере сил избегать скандалов, не делая ничего, кроме самого необходимого, да и то если есть на кого свалить ответственность за последствия. А что до их смазливых лиц – я ни разу не видела, чтобы красота помогла отразить удар копья.

Короче, генерал Джинна олицетворял собой все недостатки нашей армии, возникшие за долгие ленивые годы мира.

Я никогда с ним напрямую не сталкивалась, но один раз на маневрах, когда мы по диспозиции должны были отступать, я послала своих стражниц в «битву», используя неуставную тактику, которая не только смела его авангард, но и нарушила все расположение войск. Джинна был известен как фанатичный враг всего нового и оригинального, этим он мало отличался от отцов города.

Мой гнев улетучился, и осталось лишь разочарование. Глаза затуманились слезами, но я не позволила себе разреветься. Я слышала, как Амальрик поднялся, и почувствовала на плече его ободряющую руку.

– Только не говори, что сочувствуешь мне, – буркнула я, – или я потеряю остатки достоинства.

Предупреждение было ненужным. Амальрик знал меня слишком хорошо, чтобы заговорить.

Я подумала о той минуте, когда увидела в глубине грота лицо матери, почувствовала запах сандалового дерева и услышала неразборчивый шепот. Почему тогда прогнала ее?

Почему я отвернулась? Да потому, что там не было призрака. Видение – лишь результат моей слабости, продукт воображения. Но я тут же возразила себе: воображение или нет, но на секунду я все-таки поверила. Был ли это призрак или игра воображения, я отвергла его. Почему? Я не знаю. Ответ если и был, то находился на дне черной бездны.

Амальрик сказал, словно сумев прочесть мои мысли:

– Мать гордилась бы тобой, старшая сестра.

– Откуда ты знаешь? – чересчур резко спросила я. – Ты же ее едва помнишь.

Амальрик опустил на мягкий ковер и прислонился к моей ноге. Так он сидел когда-то давно, когда был маленьким мальчиком, а я была мудрой и отважной старшей сестрой.

– Ты много мне рассказывала о ней, – ответил он, – я уверен, что это было бы так.

Я фыркнула, но на самом деле была рада.

– Какой же была мама? – спросил он. Голос его зазвенел, как у ребенка.

– Ты уже все знаешь сам.

– Расскажи снова, – попросил он. – Она была красива?

– Прекрасна, – ответила я, вспоминая ее гладкую кожу, большие глубокие глаза и стройное тело.

– Она была нежной и мудрой?

– Самой нежной и самой мудрой из всех матерей.

– Расскажи, почему она решила назвать тебя Рали.

– Ты слышал это уже тысячу раз.

Но брат сжал мою руку, и я принялась рассказывать. Я никогда не могла ни в чем ему отказать.

– В деревне, где она родилась, у колодца стоял древний идол. Это была статуя молодой девушки, она жила очень давно. Ее нашли в лесу, некоторые говорили, что ее вырастили звери. Она не знала, что хорошо, а что плохо, и вела себя так, как подсказывал инстинкт. Она была сильнее любого мальчишки и всегда побеждала их в состязаниях. И она была прекрасна, и все парни за ней бегали. Жителям не нравилось ее поведение, и старейшины изгнали ее. Вскоре после этого на деревню напали враги. Их было много, и все свирепые. Казалось, что поражение неминуемо. Но девушка появилась из темноты на спине огромной черной кошки, а за ними – все животные, обладающие клыками или когтями, с ревом выскочили из леса и растерзали вражеских солдат. А потом все звери исчезли, и девушка с ними. Легенда утверждает, что, если беда придет снова, девушка вернется. Поэтому в деревне стоит эта статуя, напоминая, что чужое и странное – не обязательно плохое и злое.

– И они назвали ее... – подхватил Амальрик.

– Да. Они назвали ее Рали.

– Почему?

– Потому что... – Я вспомнила, как мать рассказывала мне эту историю в самый первый раз. Я сидела у нее на коленях, и она обнимала меня. Я задавала те же вопросы, а она отвечала так, как я собиралась ответить.

– Мать говорила, что это старое слово... на языке ее деревни «рали» означает «надежда». Это слово пришло ей на ум, когда она в первый раз поднесла меня к груди.

Мы долго сидели молча. Потом Амальрик хлопнул меня по плечу и встал.

– Спасибо за рассказ.

Я усмехнулась.

– Это мне надо благодарить, дорогой брат. Хотя ничто и не изменилось, твой хитрый трюк заставил меня почувствовать себя лучше.

Амальрик не стал возражать. Он взял меня за руку и сказал:

– Я снова подниму этот вопрос в Магистрате.

Я только кивнула. Но в душе проснулась слабая... надежда.

В тот вечер весь город собрался в Амфитеатре. Богачи сидели рядом с нищими, толстые купцы теснились с торговцами рыбой, рыночная гадалка – с тощей длинноносой дамой. На огромном помосте в центре арены стояли наши вожди: магистры, Гэмелен и его воскресители, военные, богатейшие купцы и – немного сбоку, но все равно на почетном месте – мой брат Антеро. Магия увеличила их фигуры и усилила голоса, чтобы народ мог видеть и слышать.

Я знала, что Амальрик, как и обещал, поговорил в Магистрате насчет маранонской гвардии. У него не было време-

ни сообщить мне о результате, но я знала, каким было решение, потому что за час до церемонии в наши казармы пришел скороход. Магистрат просил нас, защитниц Ориссы, принести в Амфитеатр статую Маранонии, чтобы ей были возданы почести и принесены обильные жертвы.

Другими словами, нам сказали «нет» и бросили кость, чтобы мы заткнулись.

Я ни слова не сказала своим стражницам, когда мы строились вокруг статуи на огромной арене Амфитеатра, – их лица сияли гордостью. Улыбка Полилло могла осветить ночь, а Корайс от волнения забыла наорать на одну из своих подчиненных за пятно на золотом плаще. Я и сама гордилась своими солдатами за их воодушевление, профессионализм, преданность, несмотря на то что знала, какое горькое разочарование ждет нас всех через час. Я смотрела в лицо Маранонии, запрокинув голову, и шептала свою молитву, благодаря богиню за то, что она дала мне возможность командовать таким войском. Она мне не ответила, но я с радостью увидела вспышку в ее алмазных глазах. Она казалась еще выше, чем обычно, в одной руке – факел, в другой – золотое копье.

Я опустила глаза. Высокий, неуклюжий Гэмелен шел в центр арены, чтобы вознести моления богам. Его длинные седые волосы и борода развевались от быстрого шага. Он остановился и вскинул худые, костлявые руки, отбросив рукава черного плаща.

– Все поклоняются Тедейту! – закричал Гэмелен.

– Все поклоняются Тедейту! – взревела в ответ толпа.

– О повелитель Тедейт! – раздавались над Амфитеатром слова Гэмелена. – Твой народ собрался сегодня, чтобы попросить помощи в этот тревожный час. Злые колдуны злоумышляют против нас. Они хотят покорить наши земли – твои земли – и поработить нас, твоих преданных рабов. Орисса в смертельной опасности, о повелитель Тедейт. Орисса...

Злобный вой заглушил голос мага. Ясное звездное ночное небо заслонила плотная туча, по краям ее сверкали молнии. Вой перешел в два голоса, выговаривающие нараспев в унисон:

Демон идет,
Пожирает.
Западня захлопнута,
Мыши пойманы.
Демон идет,
Убивает.

Все, даже малые дети, знали, кому принадлежат эти два голоса. Архонты Ликантии нанесли в этой войне удар первыми. Удар мог стать и последним, потому что целый город оказался в Амфитеатре как в ловушке, во власти магии архонтов.

За моей спиной словно ударил гром, я резко повернулась и успела увидеть, как огромные ворота Амфитеатра слетают

с петель, сбитые исполинской силой. Ворота еще не успели упасть, как на арену впрыгнул гигантский демон. Он приземлился на четвереньки и покрутил головой, осматривая место своего пира, обещанного ему архонтами. Это существо походило на помесь собаки с большой обезьяной. Оно присело на задние лапы, изготовившись к следующему прыжку, хлеща себя по бокам гибким длинным хвостом. У чудовища были руки, покрытые темной клочковатой шерстью. Они выглядели зловеще, но еще больший ужас наводили его клыки. Собачья морда, маленькие обезьяньи уши, три налитых кровью глаза довершали портрет монстра.

В толпе, вначале окаменевшей от ужаса, началась паника. Раздались визги и крики, люди беспорядочно убегали во всех направлениях. У Гэмелена и других воскресителей совсем не было времени, чтобы придумать защитное заклинание, если оно вообще существовало против такой могучей магии.

Обезумевшая от ужаса женщина попыталась проскочить мимо чудовища, то с оглушительным ревом подхватило ее пастью, легко вздернув вверх. Несколько секунд человеческое тело билось в жестоких зубах, потом раздался последний крик и все было кончено.

Аппетит приходит во время еды, и демон двинулся вперед.

Не раздумывая я вытащила меч и выкрикнула боевой клич – дикий яростный крик воина Маранонии. Мои сестры

не бросили меня, мой призыв был подхвачен, мы стали одним голосом, одним телом, одним разумом.

Демон обернулся и бросился на нас. Мы приняли вызов во имя Орииссы, готовые сражаться до тех пор, пока не падет последняя из нас или не погибнет враг.

Мы стали берсерками, обезумевшие от ярости, нечувствительные к боли. Мы рубили и кололи, чудовище отбрасывало нас, но мы снова поднимались на ноги и бросались в бой. Поначалу, ошеломленный самоубийственной атакой, демон быстро пришел в себя, и через несколько минут десять стражниц были разорваны на куски и еще десять валялись в пыли арены, истекая кровью. Полилло, Корайс и я отступили, а потом снова напали на чудовище. Демон бросился навстречу нам, но промахнулся, приземлился на статую Маранонии, упав вместе с ней на землю. Статуя развалилась на куски. Демон поднялся, его задние ноги попирали останки нашей погибшей богини.

Я рванулась вперед, Корайс дернулась влево, пытаясь обойти чудовище сзади, Полилло метнулась вправо. В этот момент я увидела золотое копье Маранонии, лежащее на земле. На самом деле оно было каменным, как и вся статуя, и только покрыто позолотой. Сама не зная почему, но я подхватила его на бегу. Копье богини оказалось совсем легким, как дротик, словно было сделано не из камня. Я почувствовала его баланс в своей руке, как будто его выковал специально для меня мастер-оружейник.

Демон схватил меня, и я не сопротивлялась. Он поднимал меня все выше и выше, и внезапно завизжал от боли – это Корайс рубанула его топором. Значит, эта тварь была смертной! Но боль заставила его только усилить хватку, он тянул меня к своей мерзкой зловонной пасти. Я видела его красные глаза – зрачки были совсем узкие от ярости и боли. Тут демон снова взвизгнул и попытался смахнуть лапой что-то повисшее у него на плече. Я отчаянно боролась, пытаюсь высвободиться или хотя бы ударить его копьем. Я видела, как Полилло вцепилась ему в плечо. Она увернулась от его удара и переползла ему на шею, крепко обхватив ее ногами. Она потеряла топор, но мне кажется, что, если бы он и был у нее, она бы все равно попыталась задушить чудовище голыми руками – сила против силы.

Полилло ухватила руками за уши демона и с силой дернула их на себя. Монстр взревел и попытался стряхнуть ее, но она тянула и тянула его чувствительные уши, выкручивая их, пока морда чудовища не задралась вверх. Демон попытался отбросить меня, чтобы освободить вторую лапу, но я сама вцепилась в него.

Я слышала, как Полилло зовет к Маранонии, прося у нее силы, я слышала, как трещат кости и сухожилия от адских усилий, и я видела перед собой незащищенное горло чудовища. Я изогнулась и ударила копьем. Оно легко вошло в мягкую плоть. Огромная туша скрючилась от боли, потом из раны хлынула вонючая пенящаяся кровь.

Демон открыл пасть, издав предсмертный рев, его тело сложилось пополам, а я с силой оттолкнулась ногами от его груди, и земля бросилась мне навстречу.

Я приземлилась на четвереньки и откатилась в сторону, исполинская гора мяса с гулом рухнула на арену, едва не раздавив меня.

Я схватила чей-то меч и бросилась вперед, чтоб прикончить чудовище, но в этом не было нужды – оно было мертво. Демон лежал неподвижно, и глубоко в его горле засело копьё богини.

Я осмотрелась – глаза мне застилал туман. Полилло и Корайс подошли ко мне, и мы обнялись, а потом засмеялись, а потом я слышала, как кричат от радости другие мои сестры. Мы обнимались, смеялись и плакали, да, плакали.

Мы стали героями в тот день. История маранонской гвардии пополнилась новой легендой.

Но пока город праздновал первую победу над архонтами, мы хоронили наших погибших, лечили раненых и чинили оружие. Конечно, приятно, когда тебя восхваляют, но если воин думает, что восторги толпы проживут дольше, чем ранний первый снег, то он жестоко ошибается.

На четвертый день Амальрик прислал ко мне гонца с просьбой встретиться в порту. Я поспешила к докам, зная, что он скоро уедет в Ирайю, на переговоры с королем Домасом.

Корабль уже был готов к отплытию, когда я добралась до

порта. Амальрик ходил взад-вперед по палубе. Заметив меня, он закричал, как мальчишка, и побежал навстречу. Мы обнялись – брат и сестра, – чтобы потом расстаться надолго.

Я посмотрела ему в лицо. Теперь он не хмурился, а улыбался.

– У меня для тебя хорошие новости, старшая сестра.

Я замерла. «Рали» означает «надежда», подумала я. «Рали» означает «надежда».

И Амальрик сказал:

– Магистрат передумал. И поскольку я участвовал в этом деле, я решил сказать тебе об этом до официального уведомления. Вы победили. Маранонская стража пойдет на войну вместе с остальными.

Я засмеялась от счастья. Он снова обнял меня.

– Этого ты добилась сама той ночью.

Я пожала плечами.

– Это была всего лишь первая стычка. И мне помогли.

– Ну, теперь дела пойдут легче.

– А тебе было легко, когда ты вместе с Яношем добирался до Далеких Королевств?

– Никогда, – усмехнулся Амальрик. – На пути всегда была следующая высокая гора, через которую требовалось перелезть, бандиты, от которых приходилось спасаться, пустыня, которую надо было пересечь. Я понял, что легче не становится никогда, обычно каждый новый шаг труднее предыдущего, но ты идешь и идешь... до конца.

– Надеюсь, это понимают и другие, а не только мы с тобой, – сказала я.

– Нет, – покачал головой Амальрик, – разве что некоторые. Кое-кто из воскресителей думает, что это и было секретное оружие архонтов. Они были просто в экстазе, когда вы убили тварь. Но Гэмелен охладил их. Это было сильное колдовство, так он сказал. Но...

– Но всего лишь демон, – вставила я.

– Точно. Всего лишь демон.

На корабле ударили в колокол. Мы обнялись и поцеловались в последний раз. Амальрик поднялся на борт, и корабль отплыл от причала. Я стояла и смотрела ему вслед, пока он не исчез за излучиной реки. Последнее, что я видела, – огненная вспышка солнца на рыжих волосах Амальрика.

И прошло много лет, прежде чем я снова увидела брата.

Глава вторая

ОСАДА ЛИКАНТИИ

Еще не прошло и двух месяцев с тех пор, как я была приглашена в Цитадель Магистрата на освящение великой фрески. Там мне вручили святой нож, и я принесла в жертву белого буйвола. Это была великая честь, особенно для женщины. Фреску, опоясывающую стены под куполом, освящали уже второй раз – ее пришлось изменить после моего возвращения. Художник изобразил сцены Второй Ликантианской войны, как он их себе представлял, и всякий раз, когда я смотрела на фреску, мне приходилось сдерживать улыбку. По крайней мере, теперь, когда я вернулась из дальнего похода, многим хвастунам придется прикусить язык и многие «правдивые» истории окажутся нелепыми рассказками.

Мой писец, который теперь больше похож не на крысу, а на тараторящую белку, боится, что я прямо сейчас начну объяснять, почему первый вариант фрески вызвал такой скандал среди магистров и воскресителей. Можешь быть спокоен, бельчоночек. Я слишком опытна в рассказывании преданий войны за кружкой пива в кругу боевых товарищей, чтобы забегать вперед.

Я заговорила о фреске потому, что любое описание войны в картинах, стихах или песнях так же лживо, как ответ отца на вопрос маленького сына: «А откуда берутся дети?»

Экспозиция начинается с изображения зверств ликантианцев и того страшного нападения в Амфитеатре. На следующей картине армия Ориссы стройными рядами браво шагает на войну. Дальше штурм Ликантианской стены – несколько довольно скучных картин, где ориссиане колют, рубят, режут. Заканчивается все изображением последней битвы. По правде говоря, мне следует лучше отзываться об этой мазне, так как там изображены мои женщины, маранонская стража и среди них невообразимо прекрасная воительница, долженствующая изображать меня. Но я поклялась говорить правду и не скрывать своих мыслей, иначе мой рассказ уподобится бредням пьяного солдата, от которых посетители таверны бегут прочь, домой, несмотря на мороз и ветер за окном.

Я хорошо помню ясное весеннее утро, когда мы в блестящих доспехах слаженно маршировали, словно марионетки под управлением искусного кукловода. Мы пели теперь уже забытую песню – о том, как хорошо будет напиться крови ликантианцев и выпустить им кишки. Я заметила, кстати, что такие боевые гимны поются только до первого сражения, а потом слышны только песни о мире и покинутом доме.

Никто, конечно, и не ждал, что художник нарисует наше войско час спустя после того, как последние из провожающих повернули назад в город. Тогда мы скинули тяжелые парадные доспехи и побросали их в обозные телеги. В этой сверкающей броне теперь удастся покрасоваться либо после победы, либо в открытом военном гробу. Мне, однако, не

понравилось, что после картины парада сразу шло изображение сцены падения стены – как будто не было ужасной годичной осады.

За этот год погибло слишком много ориссиан. Пало более трети моих стражниц, и мне пришлось научиться искусству, о котором молчат летописцы, – постоянно просить у начальства или у тех, кто обладал хоть крупинкой власти. Просить оружия вместо потерянного или сломанного, припасов и более всего – подкреплений взамен моих бедных убитых, раненых, покалеченных подруг. Прибывали новые рекруты, их приходилось долго обучать, прежде чем они получали шлем стражниц с гребнем, но все равно они не могли сравниться с теми, с кем я вышла из Ориссы.

Еще мне пришлось научиться писать письма матерям, отцам, женихам, где смерть дорогого человека всегда была мгновенной и безболезненной и всегда – во время совершения какого-либо подвига. По большей части это была ложь, но я не сожалею о ней. Гражданским не стоит говорить правды о войне, разве когда их надо запугать настолько, чтобы конфликты перестали бы решать с помощью меча.

Как только мы приблизились к Ликантианской стене, пролилась кровь. Мы атаковали и были отброшены. Еще один штурм с тем же результатом. Мы снова бежали от каменной стены, неприступной как скала. Мы вырубили лес и построили осадные машины, но и они не принесли нам успеха. Несколько раз нам удавалось достичь подножия стены, но

мы не могли закрепиться. Воины – мужчины и женщины – погибали, если не убирались вовремя от стены. Но мы продолжали оказывать давление на врагов.

Когда они возвели свой город в незапамятные времена, они построили его как крепость. Город стоял на мысе полуострова там, где вулкан когда-то изрыгал огонь в небо. Море прорвалось в кратер, и образовалась огромная гавань с высокими стенами-берегами. Ликантианцы заперли вход в нее гигантской цепью, чтобы преградить путь врагам (нам например). На склоне кратера стоял чудовищный замок архонтов – там когда-то томился в заключении мой брат. Сам город был построен по берегам гавани и простирался дальше в глубь полуострова. В Ликантии предпочитали строить высокие дома – не как мы строили в Ориссе. В самой узкой части полуострова они возвели стену, за ней начинался глухой лес. Ни единой ликантианской лачуги в нем не было.

Наша армия отрезала их от остальной земли, но могучий флот ликантианцев все еще был опасен. Мы, речные жители, совсем недавно поняли важность морских сражений, поэтому у нас было мало военных кораблей, строительство настоящего флота еще только начиналось. Особенно много кораблей было заложено на верфи Антеро, которую построил Амальрик, когда вернулся из Далеких Королевств. Мы не могли позволить ликантианским кораблям властвовать на море: они могли напасть на Ориссу или высадить у нас в тылу десант. По крайней мере, их корабли могли подвозить

осажденным припасы, и осада длилась бы вечно. Когда стало ясно, что с ликантианским флотом надо сражаться, наши магистры и воскресители приняли нелегкое решение: они наняли морских пиратов. Никто ни секунды не сомневался, что пираты сражаются единственно ради выгоды, поэтому ни о какой самоотверженности не может быть и речи, и если враг предложит заплатить им больше, они не колеблясь перейдут на его сторону. Но другого выхода у нас не было, и флаг Ориссы был водружен на судне, которое еще недавно ходило под черным знаменем анархии. После пьяных «выборов» командование над ними принял «адмирал» Холла Ий, здоровенный бык, в котором все – смазанные салом и зачесанные назад волосы, шелковое платье, три или, как говорили некоторые, четыре кинжала, спрятанные на теле, высокие сапоги со шнуровкой и загнутыми носами – все говорило о том, что он заправский корсар. Необходимо признать, что, судя по последующим событиям, Холла Ий мог держать под контролем свою банду. Он начал свое правление с возведения нескольких виселиц вокруг пиратского лагеря и потом постоянно следил, чтобы на них болтались свежие трупы нарушителей порядка. И еще он напал быстро и неожиданно и сумел загнать ликантианские корабли обратно в их гавань, потопив и захватив тех, кто осмелился сопротивляться. Великая цепь, запирающая гавань Ликантии (она простиралась от замка архонтов до сторожевой башни на другом берегу), остановила наши корабли, но теперь Ликантия была заперта

не только с суши, но и с моря.

Битва у стены продолжалась. Магия воссоздала эту стену до начала войны, но, как я и говорила Амальрику, она пала под напором стали, лишь слегка подкреплённой волшебством. Весьма наблюдательный офицер из отряда пограничных разведчиков (этот отряд стал почти таким же элитным подразделением, как и мои стражницы) заметил, что один участок стены слабо охраняется. Спустя неделю наши катапульты стали изредка, чтобы не привлекать внимания архонтов, обстреливать это место стены. Когда каменная кладка частично разрушилась, был отдан приказ о штурме.

Генерал Джинна разрешил разведчикам быть первыми в штурмовых колоннах, несмотря на то что я отчаянно упрашивала поставить на это место стражниц.

Гэмелен находился в шатре Джинны, когда я спорила с генералом. Гэмелен предпочёл покинуть Ориссу, чтобы возглавить экспедицию воскресителей. Многие называли это патриотизмом, но циники утверждали, что наши воскресители просто боятся секретного оружия, которое архонты могли придумать, используя знание волшебства принца Равелина. Но потом я узнала, и вы тоже узнаете в своё время, что Гэмелен покинул Ориссу по другим причинам.

Он вмешался и заставил нас обоих замолчать, когда спор стал таким громким, что стал слышен охране у входа в шатер. Тогда мне это не очень-то понравилось, но на самом деле он, вероятно, спас меня от разжалования и бесславного воз-

вращения домой, так как я как раз собиралась назвать Джинну тупым вараном. Гэмелен предложил нам компромисс: как только разведчики захватят стену, мои стражницы пойдут во второй волне. Я буркнула слова благодарности, вежливо изогнула бровь, как этого требовал этикет, раздраженно стащила с головы шлем и вышла из шатра. Гэмелен последовал за мной и, когда мы оказались за пределами слышимости охраны, дотронулся до моего плеча. Я едва не рывкнула на него в раздражении, но вовремя вспомнила, что с магами нужно быть поосторожнее, а то он еще сотворит заклинанием специальных невидимых вшей для меня, чтобы поучить вежливости.

С тех пор как мы разбили лагерь у стены, Гэмелен заходил ко мне в палатку несколько раз. Никто не знал почему, и даже Корайс не смогла придумать никакой неприличной причины. Я думала, что это было что-то вроде извинения за то, что он не сразу поддержал Амальрика в его борьбе против коррупции в гильдии воскресителей, или он делал это в память о моем давно умершем брате, убитом предателем, работавшим на принца Равелина. Но все эти теории были слишком неправдоподобны, чтобы удовлетворительно объяснить частые посещения волшебника.

Отблеск лагерного костра упал на его лицо, и я увидела, что Гэмелен слегка улыбается.

– Я понимаю ваше разочарование, капитан Антеро, – сказал он. – Но вы подумали о том, что, если бы генерал Джинна

был поупрямее и не согласился со мной и с вами, многие из ваших стражниц остались бы завтра в живых?

Я едва не задохнулась от удивления и, не заботясь более о приличиях, закричала на него:

– Ну и что? Долг солдата – пасть на поле брани. Зачем же тогда они пошли служить, если не понимают этого?

Я услышала приглушенный смехок.

– О мой brave капитан! Ваш ответ – ответ смелого солдата. Но... я ожидал большего от Антеро. Ибо зеркало не всегда отражает только одну реальность.

– Я не понимаю.

Ответа не было, и Гэмелен исчез, растворился в темноте, мне даже показалось, что он использовал для этого магию. Я не долго размышляла над этим. Воскресители всегда вели себя так. Слухи об их волшебной силе возникли частично благодаря старательно нагнетаемой ими таинственности. Потом я подумала о другом: Гэмелен, суровый и безжалостный, как беркут, не только улыбался, но и смеялся – если только шум ветра не обманул меня. Может быть, когда-то давно, когда рыбы умели говорить, Гэмелен был обыкновенным человеком? Смеялся, любил, шутил, пил вино, подмигивал красивой девушке или юноше? «Невозможно», – подумала я и заторопилась: надо было отдавать приказы и готовиться к ночному бою.

Наша атака имела успех – к удивлению всех ветеранов, которые знали, что война – не только кровь, но и бестолко-

вая неразбериха. Воскресители под руководством Гэмелена сотворили небольшое заклинание, нагнавшее тучи и ветер. Над полуостровом поднялось пыльное облако, небо потемнело – этого было достаточно, чтобы скрыть передвижение наших войск.

Атака началась. Разведчики забросили кошки на стены и, оказавшись наверху, прикончили немногочисленных защитников своим любимым оружием – пращами. Подали сигнал второй волне. Мои стражницы бросились вперед, приставляя к стенам штурмовые лестницы. Загорелись факелы, слышались крики, и началась резня. В тишине и скрытности больше не было нужды, к стене выдвинулись могучие тараны и принялись ритмично долбить камень. Ликантианцы наспех подтянули оказавшиеся под рукой подкрепления, но было уже поздно – стена оказалась пробита, и наша армия затопила полуостров. Бои начались на окраинах Ликантии.

Гэмелен зря опасался, что потери среди гвардии будут большими: мы наседали на ликантианцев, не давая им опомниться, зная, что стоит только ослабить натиск – и они соберут силы для контратаки. Мы не давали никому пощады и гнали врага через город. Я читала, что городской бой – самый кровавый из всех: нападающий может потерять контроль над продвижением своих сил, которые могут быть окружены и истреблены прежде, чем командиры поймут, что происходит. Все это верно. Во всех сражениях, в которых я участвовала до и после этого дня, я не видела такого количества

крови.

По мере того, как мы наступали к морю, сопротивление ликантианцев становилось все ожесточеннее. Это был настоящий кровавый ужас. Солдаты и демоны выскакивали из странных высоких домов, топча на ходу своих же, чтобы наброситься на нас. Город защищали не только солдаты. Я видела, как дрались ликантианские женщины, вооруженные ножами, привязанными к палкам вместо пик, мечами и кинжалами, взятыми у мертвых. Я видела и других – невооруженных женщин, стариков, детей, которые, крича от страха, пытались спастись и погибали под ударами солдат, обезумевших от жажды убийства. Даже мои стражницы поражали безоружных. Офицеры и сержанты с трудом остановили резню. Бой продолжался всю ночь и весь следующий день, и внезапно мы оказались перед другой высокой стеной.

Это был морской замок архонтов. Там они остановили нас. Снова началась осада. Защитники замка отбивали атаку за атакой. Прошел еще год. Наша кровь и кровь врагов окрасила черные, закопченные пожарами камни стен. Ворота треснули под ударами таранов, но все равно стояли. В любой момент ворота могли открыться и замороженные колдовством архонтов воины Ликантии с яростью бросались на нас. За стеной внутри раздавались крики раненых и жалобные стоны умирающих от голода. Наша армия тоже терпела лишения. Война razорила страну на много миль вокруг. Припасов, которые подвозили корабли, было совершенно недо-

статочно, а ведь мы еще пытались кормить тех ликантианцев, которых архонты не согласились впустить в замок во время единственного недолгого перемирия. Наши солдаты страдали от голода и болезней, и лекарские палатки были переполнены. Сон никому не приносил облегчения: воздух был пропитан магией и спящих мучили кошмары.

Замок не сдавался единственно из-за упорства архонтов. Воины Ликантии, обладай они собственной волей, давно бы уже отомкнули ворота. Два короля-мага Ликантии с яростью сражались за свою жизнь. Наши воскресители, несмотря на заклинания, которые привез мой брат из Далеких Королевств, ничего не могли сделать против магии архонтов.

Я сказала, что бой на улицах Ликантии был самым ужасным зрелищем, которое я видела за свою жизнь. Но на самом деле осада еще хуже в некотором смысле. Время течет медленно, тебя одолевает скука, но расслабляться нельзя ни на секунду. Стоит только замешкаться на открытом месте, и зоркий лучник пошлет стрелу со стены, и она завязнет у тебя в кишках. Нельзя ни кричать, ни даже говорить громко, потому что враг может выстрелить на звук камнем из катапульты. Надо постоянно прислушиваться к тишине, или пропустишь вылазку врага и окажешься мертв раньше, чем увидишь блеск стали. Нельзя оставлять отбросы и кал незарытыми, иначе полчища мух быстро разнесут заразу по всему лагерю. Надо стараться чаще мыться, иначе грязь с кожи может попасть в рану и та нагноится. Надо быть жизнерадост-

ной, чтобы подбодрить подруг. Надо...

И так далее. Но мой быстроглазый писец напоминает мне, что мы пишем книгу, а не инструкцию для молодых солдат.

Осада продолжалась, и мои отношения с генералом Джинной становились все хуже. Он постоянно посылал стражу в самые опасные места, многие из нас погибли, нас осталось всего около двух сотен, а подкреплений не было. Казалось, Джинна хочет совершенно истребить гвардию. Но в это я отказывалась верить, убеждая себя, что просто расстроена гибелью подруг. Трудно видеть, как умирают лучшие воины, им на смену приходят другие, чтобы тоже умереть. И я ни с кем не делилась мыслями, даже с Корайс и Полилло.

Ходили слухи, что Джинна наживается за счет армии и Ориссы, что у него есть специальные команды, которые собирают золото и драгоценности по брошенным жителями домам, а потом все отправляется в поместье Джинны под Ориссой. Никто, однако, не видел мародеров, поэтому я запрещала сплетничать об этом в моем присутствии. Но на совещаниях я не могла удержаться и внимательно наблюдала за генералом, ища в его лице признаки жадности. Таковых я не увидела, а вот неуверенность от того, что осада затягивается, была. И еще был страх, когда он выслушивал доклады наших разведчиков, которые, используя непроверенные слухи, говорили, что архонты уже почти подготовили свое секретное оружие и Ориссе грозит гибель.

И настал Судный день, но никаких знамений, описывае-

мых в старых легендах, не было.

Генерал отдал приказ об очередном штурме на рассвете. Сержанты усталыми голосами выкрикивали команды, солдаты нехотя строились, ругая командиров и свою судьбу. Голодные волю потащили тяжелые боевые машины через грязь к стенам. У нас были тараны, и осадные башни на колесах, и огромные катапульты. Вперед, но на безопасное расстояние от стен выслали людей со штурмовыми лестницами. Там они ждали сигнала к атаке, нервно поглядывая на стены. Противник тоже готовился. Ликантианцы наполняли огромные котлы кипящим маслом и расплавленным свинцом, тащили наверх камни, чтобы обрушить все это нам на головы. Арбалетчики натягивали свое оружие и закладывали стрелы, лучники и копейщики заняли места у амбразур и между зубцов. Наши силы составляли двадцать тысяч. Профессиональных солдат осталось мало, среди них – двести моих стражниц, остальные были лавочники, мясники, рабочие, рабы с ферм. Сколько было врагов, мы не знали – может, десять тысяч, может, больше.

Взрели трубы. Солдаты устало грохнули в щиты мечами – надоевший ритуал начала битвы. Я увела десять своих подчиненных с поля боя. Джинна дал нам специальное задание, по поручению Гэмелена, как он уверял, но я не очень ему верила.

То, что мы должны были совершить, граничило с самоубийством. Поэтому я вела отряд, в который включила луч-

ших бойцов и своих двух оставшихся в живых легатов. Я поклялась привести их всех назад живыми или, если от нас отвернется удача, умереть с мыслью, что мы сделали все возможное.

Мы все покрасили лица и открытые участки тела жженой корой, а на наше оружие наложили заклятье, чтобы оно не отражало солнечный свет и не давало бликов. Мы не надели доспехов, чтобы они не замедляли движений. Наши туники были темные или черные.

От укрытия к укрытию короткими перебежками, командуя жестами, я вела свой отряд к первой цели. Это была полуразрушенная сторожевая башня – она постоянно переходила из рук в руки. Наконец мы добрались до нее. Полилло встала под стеной, я взобралась ей на плечи, и она толчком своих мощных рук забросила меня вверх, где я смогла уцепиться за обломок балки пола второго яруса. Я подтянулась, стараясь, чтобы мусор не очень сыпался на, головы моих подруг, повернулась на бок и сняла с плеча веревку. Вербку я дважды обернула вокруг балки и длинный конец спустила вниз. Первой наверх ловко поднялась Корайс, за ней – остальные. Когда лезла Полилло, я с трудом держала свой конец – она весила вдвое больше любых двух женщин, взятых вместе, но через несколько секунд и она была наверху. Все было проделано почти бесшумно, если не считать поскрипывания кожаных ремней и ботинок и изредка – глухого бряцания оружия, обернутого тряпками.

Полилло сказала, поглаживая топор:

– Голубчик проголодался, давно не пил ликантианской крови.

– Наша задача сегодня не в том, чтобы убивать ликантианских крыс, легат, – сурово напомнила я ей. – Любая неосторожность приведет к провалу операции.

Полилло угрюмо замолчала, надув свои прелестные губки, как ребенок.

Корайс хлопнула ее по спине.

– Я поймаю одного для тебя, – пообещала она. – Можешь сломать ему шею.

Руками она показала, как это надо делать, при этом по-особенному прищелкнула языком, имитируя звук трескающейся кости.

Полилло оглушительно захохотала, но тут же оборвала смех, виновато оглядевшись по сторонам, – высокие стены замка были очень близко.

– Ах, Корайс, как грустно мне было бы без тебя!

– Если так тебя можно развеселить, дорогая, я поймаю тебе двоих, и пусть твои глазки всегда сияют.

Я не обращала особого внимания на эту болтовню перед боем, внимательно разглядывая стены замка, – не было никаких признаков, что мы обнаружены. Потом я посмотрела назад. Там кипела битва. Воскресители соорудили платформу, я видела, как они колдуют, делая пассы. Среди них был Гэмелен. Вот он произнес заклинание, и его голос, тысяче-

кратно усиленный магией, донесся даже до нас.

Но стены замка в ответ, казалось, сами исторгли ужасающий вопль – это была магия архонтов. Земля содрогнулась. Потом нас оглушил ужасающий хор завывающих глоток, мы зажмурились и заткнули уши, бросившись ничком на землю.

Прошло несколько мгновений, прежде чем мы поняли, что ведем себя глупо, как молодой рекрут, которому кажется, что все стрелы направлены ему в грудь. Я снова обернулась, чтобы посмотреть на бой. Утреннее небо потемнело, над полем сражения сверкали магические огни, в воздухе с воем схватились два легиона демонов. На земле битва тоже не прекращалась.

Я спустила веревку вниз в центральную комнату сторожевой башни. Нам надо было спуститься туда. Теперь наше положение стало более опасным, так как нас мог заметить с нависающей стены замка какой-нибудь внимательный часовой. В этом замке несколько лет назад томились в заключении мой брат Амальрик и Янош Серый Плащ. Сначала их держали здесь, пытаясь сломить магией, а потом перевели в мрачные подвалы. Я невольно вздрогнула, но тут же одернула себя. Мы пришли сюда, чтобы уничтожить это зло, таящееся за огромными серыми камнями стен замка, из которого правили архонты. Было что-то зловещее в окружающем, словно зло излучали сами стены, наполняя им воздух.

Теперь из сторожевой башни наш путь лежал по натеку лавы вдоль стены замка. Он выступал над пропастью в виде

карниза не более длины копья в самом узком месте и в две длины в самом широком. Я заметила этот карниз еще раньше, когда из нашего лагеря наблюдала за замком, планируя операцию. Не думайте, что с той стороны можно было атаковать замок. С одной стороны стена, с другой – пропасть с гладкими отвесными краями, совершенно невозможно подвезти осадные машины или хотя бы приставить к стене штурмовую лестницу. Далеко под нами волны ударяли в скалу, покачивались стоящие на якоре корабли.

Я махнула рукой, и Корайс с тремя стражницами бесшумно направились к карнизу. Я услышала приглушенный крик, мгновенно мы все выхватили мечи – очевидно, впереди наши наткнулись на патруль. Полилло бросила свой мешок и взвесила в руке топор. Я ткнула ее в спину – Корайс бы крикнула, если бы ей понадобилась помощь. Полилло что-то буркнула, услышав звон оружия, донесшийся от стены, – я знала, что она жаждет битвы. Через несколько минут появилась Корайс и поманила нас к себе. Полилло зарычала от зависти, увидев ее окровавленный меч. Корайс усмехнулась и пожала плечами: что она могла сделать? Я цыкнула на них: не время устраивать разборки, надо идти дальше.

Почти бесшумно мы обогнули замок и достигли места, которое я присмотрела еще раньше. Здесь лавовый натек резко расширился, места было достаточно для большого штурмового отряда, который, правда, неминуемо был бы уничтожен, едва защитники замка заметили бы нападающих, так как сю-

да не смогли бы подойти подкрепления. Но я выбрала это место для диверсии не из-за ширины, издалека я разглядела и специальное заклинание, обостряющее зрение подтвердило, что здесь, возле угловой башни, когда-то были ворота. Теперь уже трудно было понять, зачем они прорублены, очевидно, когда-то тут стояла подъемная машина. Может быть, сюда доставляли различные секретные грузы для архонтов, что-нибудь настолько ужасное, что не должны были видеть ликантианские жители.

Когда я рассказала Корайс и Полилло о существовании ворот, у них загорелись глаза. Может, мы поведем отряд в замок через них? Я посоветовала им бросить думать об этом. Я знала, что архонты и их командиры не были дураками и уж конечно позаботились устранить это слабое место в защите замка. Если даже и возможно разбить эти ворота, то тут нужен таран, а как его доставить по узкому выступу скалы? Теперь, разглядывая ворота вблизи, я поняла, что не ошиблась. Они были накрепко зацементированы, и белый цвет известки говорил о том, что это было сделано много лет назад. Но все-таки ворота занимали не последнее место в плане Гэмелена.

Далеко внизу под нами был вход в гавань, и я видела гигантскую цепь, запирающую его. Каждое звено цепи, позеленевшее от времени, было размером с рыбацью лодку. Я часами разглядывала цепь, планируя операцию, прикидывая возможность добраться от замка до скалы, где цепь крепилась

огромным крюком, вбитым в камень. Теперь я видела, что, даже если бы удалось это выполнить, пользы все равно никакой. Цепь поднималась и опускалась с помощью магии и специальных подъемников, расположенных в башне на противоположном берегу гавани. Башню ликантианцы защищали так же яростно, как и сам замок.

Тут я почувствовала стыд. Такие мысли присущи отважным новобранцам, мечтающим одним удачным действием покрыть себя славой. Но наш долг сегодня был более прозаичен, мы должны были отвлечь часть сил врага от противоположной стены замка, где уже несколько часов шел бой.

Мурашки побежали у меня по спине. Появилось пренеприятнейшее чувство, будто за нами наблюдают. Я внимательно осмотрела стену над нами и ничего не заметила. Но я научилась высоко ценить свое шестое чувство, поэтому осматривала стену еще и еще раз в поисках окна или бойницы, где мог прятаться наблюдатель. Но ничего не было.

На мгновение мне пришла в голову мысль, что Амальрик был заперт именно в этой угловой башне, – он говорил, что из его камеры он мог видеть гавань и цепь, – но нет, стены башни были слепые, ни единого окна, только гладкая каменная кладка. Камера Амальрика должна быть где-то в другом месте. Неприятное чувство, однако, не пропадало.

А потом я услышала голос, словно шептавший предостережение, но не смогла разобрать ни слова, не поняла даже, кто говорил: мужчина или женщина. Но голос был смутно

знаком, и я вздрогнула, вообразив на мгновение, что он принадлежит Халабу, моему давно умершему брату. Амальрик рассказывал, что дух Халаба помог ему во время пребывания в Далеких Королевствах. Я считаю Амальрика здравомыслящим человеком, но, наверное, тогда он находился под влиянием этого негодяя Яноша. Или, может, в Королевствах делают очень крепкое вино.

Я подала сигнал. Полилло забросила мешок на плечо и бросилась вперед. Я побежала вслед за ней, пересекая открытое пространство. Полилло бежала легко, а между тем под тяжестью ее ноши согнулись бы двое здоровых мужчин. Мы остановились по ту сторону площадки, и мой легат открыла мешок. Там были три массивных шарообразных кристалла и непонятное устройство, разработанное нашими магами в их таинственной оружейной. Оно состояло из трехфутового цилиндра с шаром на одном конце. Цилиндр устанавливался на треногу с колесиками. Он мог раздвигаться, становясь примерно вдвое длиннее. Пока я возилась с установкой, через магический туман пробился луч света, высветив все вокруг. Я прокляла свои неуклюжие пальцы, зная, что в любую секунду нас могут заметить. Но наконец все было готово. По моему сигналу Корайс построила остальных в особом порядке, который Гэмелен вдальбивал в нас половину ночи.

Полилло нахмурилась – она так же мало доверяла магии, как и я. По идее, всеми этими делами должен был заниматься

воскреситель, Гэмелен и хотел послать с нами кого-нибудь из своих подчиненных, хотя бы самого молодого (и, следовательно, наименее ценного), но Джинна, ничего не объясняя, запретил это делать. Полилло взвесила в руке топор и встала в боевую стойку. Я сняла с пояса небольшой кисет и посыпала сероватым порошком каждую из кристальных сфер. Порошок был приготовлен из костей павших воинов. Чувствуя дурацкое смущение, я произнесла слова, которые Гэмелен заставил меня запомнить:

Нас мало,
Нас много,
Мы кости,
Мы плоть,
Нас десять,
Нас тысяча.

Я отступила на шаг, вытащила меч и, задрав голову, во всю силу легких прокричала боевой клич маранонской гвардии. Мои сестры подхватили его. Наши голоса слились в могучий хор. Потом наступила тишина. Мы молча ждали – десять человек, уверенные в своей скорой смерти. Я видела воинов, бегущих по стене замка.

Внезапно я ощутила покалывание в теле. Мои волосы встали дыбом, соски напряглись. Покалывание перешло в тепло, сконцентрировавшееся в животе. Потом я ощутила огонь внутри себя. Я завывала от счастья и силы, переполняв-

шей меня, я слышала дикие голоса моих сестер. Я чувствовала себя не одним воином, а десятью, а потом эти десятеро превратились в сотню, и я стала одной из сотни женщин, вооруженных сотней сверкающих мечей. А вокруг меня было еще девятьсот сестер, ревавших от ярости.

Гэмелен обещал, что враг увидит нас в виде армии в тысячу воинов, выросших внезапно из земли. Я слышала удивленные возгласы со стены и поняла, что он не солгал. От жажды убийства у меня пересохло в горле, и я чуть было не отдала приказ об атаке, но в последний момент опомнилась.

Вместо этого я махнула рукой Корайс. Она и еще одна женщина бросились к установке и покатали ее вперед. Шар на конце цилиндра ударил в ворота, и хотя он был настолько мал, что не мог оставить на них даже царапины, удар получился таким громким, словно в ворота били огромным тараном. Воздух странно замерцал, и перед моими глазами предстала картина, которую видели ликантианцы со стены: две сотни воинов, атакующие ворота с помощью огромной боевой машины. Казалось, что стена рухнет от второго удара. Остальные восемь сотен в сверкающей броне, вооруженные луками, мечами, копьями, штурмовыми лестницами, представляли собой устрашающее зрелище.

Тревожные крики ликантианцев все усиливались, но в них не было для нас угрозы – на стенах царила паника. Я слышала, как Полилло издевается над их трусостью. Скоро враг оттянет силы от главных ворот, чтобы защититься от

нового нападения. В резерве у Джинны были свежие войска, которые в этот момент будут посланы на штурм, и замок архонтов падет второй раз в истории Ориссы.

Тут раздался тревожный крик одной из стражниц. Небо быстро закрывали черные тучи. Они нависли над нами, и оттуда, сверху, донесся жуткий смех, который поразил меня ужасом до мозга костей. Тучи разошлись, и в просвете я увидела гигантское человеческое лицо. Его глаза были черны как ночь и пусты как пропасть, борода походила на густой лес, а полные губы были кроваво-красного цвета. Архонт засмеялся снова, и его смех был так громок, что разрушил колдовство Гэмелена и моя сила внезапно иссякла. Я снова стала одним-единственным воином, осмелившимся бросить вызов могущественным архонтам Ликантии.

Губы архонта шевельнулись, и он произнес, обдав меня зловонным холодным дыханием: «Антеро». Мне показалось, что в его голосе звучало удивление. Его взгляд превратился в червей, ползущих в мою душу, чтобы оставить там грязный, слизистый след. Снова смех. «Женщина!» Его насмешка прозвучала как гром. И он втянул в себя воздух и плюнул.

Его слюна обрушилась на нас с тучи потоком невообразимой грязи. Мы были поглощены и унижены этим зловонным селем. Лицо исчезло среди туч, которые еще продолжали зловеще клубиться какое-то время, а потом втянулись в окно замка — и все исчезло.

Мы вдесятером стояли на голой земле без малейшего

укрытия, беззащитные перед врагом. И перед смертью нам приходилось переносить насмешки мужчин. Они издевались над нами, крича со стены грязные оскорбления, они со смехом описывали, что сделают с нашими трупами. Но насмешки оказали на нас неожиданный эффект – вместо страха они вызвали ярость.

Полилло взревела:

– Спускайтесь и сражайтесь, ликантианские подонки! Я отрежу вам руки, ноги и головы, засуну ваши половые органы вам в глотки и в таком виде отошлю вашим женам!

И она швырнула свой топор в ликантианцев. Он немного не долетел и ударился в стену (ни одна из нас не смогла бы кинуть топор и наполовину так далеко). Но топор не упал! Он не воткнулся в стену, а, казалось, просто висел в воздухе, словно его что-то поддерживало!

На стенах появились лучники, и густой дождь стрел взвился в воздух. Навык сильнее страха, и мы бросились на землю, постоянно перекатываясь, пока не оказались у самого подножия стены. Я лежала рядом с Полилло, изо всех сил вжимаясь в камень. Наша безопасность была иллюзией, лучники смогут стрелять и вертикально вниз, или другие солдаты окатят нас горячим маслом.

Я взглянула вверх и увидела, что нахожусь прямо под топором Полилло. К моему удивлению, оказалось, что топор действительно не вонзился ни в какую щель, он воткнулся в карниз окна, которое даже не было забрано решеткой. Рас-

сматривая стену под разными углами зрения, я увидела в ней несколько окон. Тут явно было какое-то колдовство. В этот момент одна из стражниц вскрикнула. Я обернулась. Она пыталась вытащить стрелу, засевшую в бедре. До нашей гибели оставалось несколько секунд. Я посмотрела на кристальные шары, которые мы бросили на открытом месте, и меня осенила мысль. Я коротко отдала приказание Полилло, ее глаза сверкнули надеждой.

Я вскочила на ноги и зигзагами бросилась прочь от стены, словно пытаюсь спастись. Стрелы густо падали вокруг меня. Я резко развернулась и бросилась назад. В это время Полилло тоже выскочила, но побежала немного в другую сторону. Пока я отвлекала внимание лучников, она бросилась к кристаллам. Подобрал один из них, она бросила его в бойницу, откуда стреляли лучники. Кристалл со свистом, словно был выпущен из катапульты, ударился в стену и взорвался с яркой вспышкой и грохотом. Я догадалась, или, вернее, надеялась, что воскресители придали кристаллам магический заряд, который можно высвободить не только с помощью магии, но и воздействуя на кристаллы физической силой.

От стены полетели осколки кладки. Полилло подхватила второй шар и швырнула его. Он перелетел через стену и взорвался во внутреннем дворе. Третий влетел прямоком в бойницу, и взрыв заглушил крик боли.

Пока враг не успел прийти в себя, мы просились по каменному карнизу назад. Корайс бежала первой, Полилло —

последней, неся на плечах раненую подругу. Мы не тратили время на зигзаги, а бежали по прямой, как ласточки, летящие к гнезду. Но даже спасая свою жизнь, я не забывала оскорбления, нанесенного нам, и горечь поражения жгла мое сердце.

Мы без потерь достигли разрушенной сторожевой башни. Несколько выпущенных в нас стрел просвистели мимо.

И когда я взбиралась по веревке, внезапно мне в голову пришла мысль, как решить загадку замка архонтов. Я молилась Маранонии, чтобы она ускорила мой бег и ослепила врагов. Если богиня улыбнется своей дочери, я вернусь.

Глава третья

ЧЕТ ИЛИ НЕЧЕТ

Знаешь ли ты, что такое ненависть, писец? Не надо отвечать, краска вины на твоём лице говорит за себя. Хорошо. Значит, тебе не чужды человеческие чувства. Это поможет тебе понять, что происходило между мной и Джинной.

Сначала я думала, что то была просто обоюдная неприязнь. Это бывает не так уж редко. Вполне естественно, что иногда два человека чувствуют отвращение друг к другу с первого взгляда. Я уже упоминала, что меня бесило в Джинне и таких, как он. Я не ждала, что понравлюсь Джинне. Аристократия Ориссы не жаловала купеческие кланы, как семья Антеро например. Деньги, заработанные трудом и торговлей, кажутся им презренными. Они считают себя повелителями нашего общества. Но в Ориссе простой крестьянин благодаря мужеству и уму может пробить себе дорогу в золотые палаты, куда Джинна попал по праву рождения. И ещё – именно Антеро, а вернее мой брат, первыми освободили рабов, к великому неудовольствию благородных семей.

Таковы были причины для нашей неприязни, но Джинна был моим командиром, и я, как могла, скрывала свои чувства. Он же, однако, даже не пытался это сделать. Ну и ладно. Я солдат, который гордится тем, что может служить при любых обстоятельствах – даже если это вызывает неудоволь-

ствие начальства. Ночью накануне последней битвы, когда я сидела в палатке Джинны и излагала ему свой план, я поняла, насколько глубока была его ненависть. Но тогда я была слишком захвачена предстоящим боем и не вгляделась в него попристальней. И теперь на моих руках кровь, кровь моих сестер и друзей, пролитых из-за моей ошибки. Их духи слишком добры, чтобы мучить меня. Но я плохо сплю, пи-сец. А когда сплю, никогда не вижу снов.

Мужчины ничего не сказали после того, как я описала, что видела в стене. Генерал Джинна направил на меня свой красивый взгляд. Его бледное высокомерное лицо выражало вежливое внимание, губы сложились в гримасу, очень похожую на улыбку. Пока я говорила, он нетерпеливо барабанил пальцами по украшенному резьбой столу. Его помощники, беря пример с начальства, сидели со скучающим видом, сложив руки. В его палатке было влажно и воняло испорченным мускусом – аромат, который Джинна и, следовательно, его подчиненные предпочитали другим. Здоровяк, сидевший в углу, адмирал Холла Ий, развлекался тем, что раздевал меня глазами. Он похлопывал прутиком по шнуrowанному ботинку, пока тарасился, и изредка приглаживал рукой проволоку, которую он называл волосами. «Ну, замечательно, – подумала я. – Еще один идиот, думающий, что мне нужен *настоящий* мужик, чтобы изменить сексуальные предпочтения». В обычное время я бы научила его вежливости, но тогда я излагала свой план и мне не хотелось отвлекаться. При-

шлось не обращать на него внимания. В дальнем углу так же тихо, как и остальные, сидел Гэмелен. Я не видела его лица, но чувствовала, что от него не исходит враждебность.

Джинну поразили приступ зевоты, когда я впервые рассказала ему о тополе Полилло, воткнувшемся в скрытое магией окно, но краем глаза я видела, как приподнялась бровь на ястребином лице Гэмелена. Когда я принялась рассказывать о том, как я собираюсь использовать свое открытие и еще некоторые наблюдения, Джинна снова раззевался. Но я заметила, как напряжен Гэмелен, нервно теребивший бороду.

Капитан Хакс, первый заместитель Джинны, после величайшего усилия высказал подобие умной мысли:

– Не прикажете ли послать разведчиков, господин генерал, чтобы они подтвердили... э-э... необычные наблюдения капитана Антеро? – В его голосе так и сквозило ехидство.

Джинна усердно делал вид, что обдумывает предложение. Мне пришлось вмешаться.

– Это может все испортить. Только Тедейту известно, будет ли у нас еще один шанс проделать это.

Джинна нахмурился.

– Рассмотрев вашу точку зрения, капитан, мне требуется выслушать мнение профессионала.

Я едва удержалась от ругательства, показав вместо этого на свой доклад, снабженный рисунками, которые выполнила Полилло.

– У вас не только мое свидетельство. Мои офицеры тоже

подписали это.

Хакс ничего не сказал, только покачал головой. Поняв намек без слов, Джинна произнес:

– Я не хотел бы без особой нужды огорчать своих подчиненных, капитан. Поэтому я не вижу нужды высказывать свое мнение по этому вопросу.

Он взял со стола мой доклад и рассеянно перелистал страницы. Усмехнувшись, он бросил бумаги на стол.

– Но ваш план огорчает меня. Это плод – как бы это сказать – разыгравшегося воображения. – Он повернулся к Хаксу. – Именно об этом я предупреждал на совете.

Я едва сдержалась, чтобы не броситься на него.

– Я говорю не за себя, – процедила я сквозь зубы. – Но я не позволю оскорблять моих солдат. Они служили лучше некоторых и терпели те же лишения, что и вся армия.

Глаза Джинны сверкнули, но он остался внешне спокоен.

– То, что вы сказали, капитан, по большей части – правда. Но не все. – Он снова обернулся к Хаксу. – Меня очень беспокоят всякие противоречия.

Потом он снова посмотрел на меня с выражением добродушного превосходства.

– Но приходится делать скидку на физиологические особенности.

Холла Ий расхохотался отвратительным смехом. Этого я не могла вынести. Похлопав рукой по кинжалу в ножнах, я прошипела:

– Берегитесь, адмирал. Разве вы не слышали, что сказал наш генерал? Моей физиологии нельзя доверять.

Его лицо потемнело от гнева, к которому примешивалась растерянность. Как же реагировать на такой вызов? Еще ни одна женщина не говорила с ним таким образом. Пока он напряженно думал, что ему делать, я посмотрела на остальных. Хакс и остальные попритихли. Они знали, как я умею сражаться, некоторые даже видели меня за этим занятием. Они съезжились на своих местах, как компания нашаливших мальчишек. Но Джинна не опустил глаз.

– Со всем уважением я прошу пересмотреть ваше отношение к моему плану, – сказала я, чтобы никто не мог обвинить меня в неуважении к начальству. – Мне кажется, он заслуживает более пристального изучения. Если я права, завтра к этому времени война будет окончена, а враг разбит.

– Я уже изучил его достаточно пристально, капитан, – ответил Джинна. – И принял решение.

– Я вынуждена настаивать, чтобы вы пересмотрели его.

Джинна ухмыльнулся:

– Я принял это к сведению, капитан Антеро.

Он поднялся, показывая, что разговор закончен.

– Я хочу, чтобы все это было официально зарегистрировано, – сказала я. – Это мое право, и все, здесь присутствующие, будут свидетелями. Завтра в Ориссу отправляется курьер. Я хочу, чтобы мой протест был отправлен в Ориссу завтра.

– Как?! Вы осмеливаетесь спорить со мной! – взорвался Джинна.

– Я не спорю с вами. Я просто хочу, чтобы мои права соблюдались, если позволите.

– Нет, не позволю! – рявкнул Джинна.

– То есть вы отказываетесь? – спросила я, добавив металла в голос.

Джинна взбесился еще больше, но Хакс дернул его за плечо. Генерала предупреждали, что дело зашло слишком далеко. Война шла без особых успехов, и мой протест некоторые политики могли использовать, чтобы найти крайних.

Джинна глубоко вздохнул и тяжело опустился на походный стул.

– Так что же вы хотите, капитан? – спросил он, пытаясь говорить, как справедливый мудрец, утомленный глупыми вопросами.

– Я хочу, чтобы матери не теряли больше сыновей, господин генерал, – ответила я, – я хочу, чтобы прекратилось кровопролитие и чтобы вы стали героем Ориссы. Я хочу, чтобы вы приказали привести мой план в исполнение.

Он тяжело вздохнул:

– Я не могу этого сделать.

– Почему?

– Ваш план губителен.

– Если это так, – возразила я, – скажите мне, почему. Поделитесь со мной вашей мудростью, генерал, и я отзову свой

протест. Скажите, где я допустила ошибку?

Джинна оглянулся на своих прихвостней, ища поддержки, но тут вмешался Гэмелен.

– Да, генерал, – сказал он, – и мне интересно послушать.

Джинна, опешив, уставился на него. Воскреситель пощипывал свою бороду.

– Я просмотрел доклад и не нашел огрехов. Я, конечно, не профессионал, но...

Голос Гэмелена был тих, но теперь, когда он заговорил, все почувствовали его власть. Его взгляд был мягок, но Джинна съежился под ним.

– Очевидно, мне придется просмотреть доклад еще раз, – нервно пробормотал генерал, вручая доклад Хаксу. – Я хочу, чтобы эксперты внимательно изучили его, – торопливо проговорил он, – и дали ответ через неделю.

– Через неделю?! – закричала я, забыв о необходимости держать себя в руках. Но докладу грозила опасность утонуть в бумажном море. – Да за это время мы потеряем еще тысячу убитыми! – Моя вспышка была ошибкой, я проиграла Джинне очко. Его тонкие губы оттянулись в улыбке.

Но в этот момент Гэмелен заговорил снова.

– Да, да, – произнес он немного рассеянно, словно до того велась спокойная беседа. – Боюсь, это надо делать сейчас или никогда.

Он порылся в кармане своего черного плаща, и в палатке резко запахло серой. Я видела, как расширились глаза Джин-

ны, когда маг разжал кулак, — на ладони у него лежали пять игральных костей с выгравированными на них загадочными красными символами. Насыщенный энергией воздух потрескивал. Перед нами были игральные кости верховного воскресителя. Я слышала, как Холла Ий шепчет молитву какому-то своему пиратскому божеству. Хакс и другие помощники Джинны были так испуганы, что еще немного — и убежали бы. А я в тот момент думала только о своем плане, поэтому не испытывала даже благоговения.

Глаза Гэмелена пылали желтым огнем. Он протянул кости Джинне.

— Бросайте их, генерал.

Джинна с трудом отвел взгляд от огненных глаз мага. Он облизал внезапно пересохшие губы.

— Но мне казалось...

Гэмелен покачал головой.

— От вас, генерал, зависят наши судьбы.

Поколебавшись, Джинна подставил дрожащую руку, и Гэмелен уронил в нее кости. Джинна машинально зажал их в кулаке. А Гэмелен произнес заклинание:

Кости Судьбы,

Откройте тайну.

Кто победит?

Кто погибнет?

Чью душу алчут демоны?

Джинна вскрикнул от боли и выронил кости на стол. По палатке разнесся запах горелого мяса.

Джинна дул на свою обожженную руку.

– Я... я не могу, – прошептал он.

Я слышала тревожный ропот остальных. Я заставила себя не бояться, заморозив в душе страх. Я позволила себе единственную поблажку – крепко вцепилась в рукоятку меча. Меня не очень успокоило потрясенное выражение лица верховного воскресителя.

– *Это случилось!* — прошептал он.

– Что? – Голос Джинны сел от ужаса.

Гэмелен мотнул головой, приказывая ему замолчать. Маг, склонив голову, внимательно прислушивался к звукам ночи. У меня по коже побежали мурашки, словно кто-то сверлил мне спину взглядом. Где-то далеко волчья стая торжествующе завывала, возвещая об удачном окончании охоты.

Гэмелен резко повернулся к Джинне.

– Архонты близки к победе. Мы должны действовать быстро, или мы погибли.

– Но что... – начал было Джинна.

Гэмелен отвернулся от него, собрал кости и вручил их мне со словами:

– Бросайте, капитан.

Я уставилась на него. Почему он попросил меня сделать это? Если боги покинули нас, как я могу изменить ход событий?

– Давай, Рали, – раздраженно воскликнул Гэмелен. – Скоро будет поздно!

Мне пришлось подчиниться. Я подставила ладонь и замерла, когда Гэмелен вложил мне в руку кости. И клянусь всем, что свято для меня: время в тот момент остановилось и между мной и остальными пролегла тень. Я почувствовала запах сандалового дерева – запах духов моей матери. У меня возникло ощущение, словно я вышла из горячей медово-молочной ванны. Все было таким... отчетливым в этом призрачном мире. Кости удобно лежали в ладони, и их касание было приятным, что немного тревожило меня почему-то.

И снова Гэмелен произнес то же заклинание. Кости не нагрелись, я лишь ощутила слабое пощипывание. Маг читал заклинание, а на ухо женский голос шептал мне: «Рали – значит надежда, надежда».

– Бросай их, – сказал маг.

Я неловко бросила кости. Чувство призрачного мира – по-другому я не могу его описать – исчезло, когда кости ударились о стол и покатались.

В ту же секунду палатку осветила ударившая рядом молния. Через мгновение раскат грома оглушил нас до боли в ушах. Гэмелен, казалось, не заметил ничего. С торжествующим смешком он схватил свои кости. Засовывая их в карман, он странно посмотрел на меня. Я опустила глаза. Честно говоря, я боялась прочесть его мысли.

Маг повернулся к Джинне, который бездумно стоял, от-

крыв рот, как вытасченная на берег рыба.

– Она – наша единственная надежда, генерал. Я не знаю почему, но уверен, что это так.

Во взгляде Джинны мелькнуло сомнение. Он посмотрел на меня, и на короткое мгновение пелена спала с моих глаз, я увидела в его взгляде холодную ненависть. И только тогда я задала себе вопрос: а чем я заслужила ее? И еще я заметила, что в глубине его души гнездится страх. На несколько секунд я потеряла над собой контроль, чувствуя, как во мне растет злоба, я ощутила отчетливое желание перепрыгнуть стол, который разделял нас, и убить его.

А потом палатку осветила новая молния, на мгновение разогнавшая полумрак. Мы все подскочили, когда второй удар грома потряс землю.

Джинна схватил бокал с бренди и одним глотком осушил его.

– Так что же, генерал? – окликнул его волшебник. Джинна слабо кивнул. Его голос был тих, когда он сказал:

– Мы нападем завтра. В сумерках.

На рассвете мы принесли жертву, или, вернее, три жертвы, потому что дело предстояло опасное. Сначала мы послали Маранонии барана. Животное было вовсе не жирное, как подобало бы, но земли вокруг были разорены, поэтому мы смогли отыскать только этого несчастного заморыша. После победы можно будет принести гораздо более щедрые жертвы. Маранония была богиней солдат и должна понимать, что

внимание в этом случае важнее всего. Кто-то предложил послать ей ликантианского пленника, но идею сразу же отвергли – не годилось оскорблять богиню темной душой ликантианца. Потом мы принесли жертвы рыбой богам Ориссы, и еще каждый чем мог почтил своих домашних богов. Эта последняя жертва должна была быть особенно действенной, так как не многие смогли бы повторить ее на следующий день.

Остальная часть утра прошла в приготовлениях. В балладах редко упоминаются кузнецы и оружейники, подковывающие коней, чинящие брони и точащие мечи, а ведь без них не была бы одержана ни одна победа.

В нашем лагере суэта продолжалась до полудня. Оружие каждой стражницы было проверено сержантами, проверено второй раз офицерами подразделения и перепроверено Корайс и Полилло. В полдень мы съели обед домашнего приготовления – традиционные жареное мясо и яйца. За ними пришлось послать самых опытных фуражиров, которые достали продукты только после долгих поисков.

Внезапный ливень, насланный двумя воскресителями средней ступени, загнал нас в палатки, где мы переоделись для битвы и облачились в доспехи. От дождя через открытый вход палатки тянуло свежестью, я вздрогнула, но не от холода.

Я поставила на карту слишком много. Холодная логика войны говорит, что все подразделение целиком не должно

посылаться в битву, если надежды на успех мало. Солдатам всегда страшно, когда опасность велика, но когда они узнают, что целый отряд уничтожен врагом, горло сжимают ледяные пальцы ужаса.

Всего лишь несколько стражниц оставались в лагере в тот день. Часть была ранена или больна, остальные – свежие рекруты – только накануне прибыли из ОриССы под командованием лейтенанта, единственного оставшегося в живых офицера, кроме Корайс, Полилло и меня. Наши потери были огромны, поэтому я не успевала продвигать по службе рядовых стражниц.

Эту женщину звали Дика, она была еще моложе меня во времена, когда я только поступила в гвардию. Я подозвала ее и сказала, что, если не вернусь наутро, она станет новым командиром маранонской стражи. Она побледнела, но упрямо сжала губы, и я отметила это – такая решимость означала, что из нее выйдет неплохой солдат.

– Если мы погибнем, – приказала я, – ты должна вернуться в ОриССу и воссоздать гвардию – такова воля Маранонии. В городе много бывших стражниц, которые помогут тебе. Ты должна сохранить наше знамя. Если мы падём, оно должно развеяться над местом нашей гибели – над цитаделью архонтов.

Я отпустила ее и посмотрела на Корайс, которая криво улыбнулась, когда Дика вышла. Корайс прекрасно понимала, зачем и почему я так драматично говорила с лейтенантом.

– Отлично, капитан, – сказала она. – Если нас перебьют, твои слова будут положены в основу новой легенды. Если бы здесь была Полилло, она бы непременно разрыдалась. – Тут она вздохнула. – Ну разве не жалко, что новые легенды будут такие грустные?

Пока ливень продолжался, в наши палатки прислали несколько десятков мужчин. Они должны были ходить по лагерю, готовить пищу, нести караульную службу, – одним словом, делать все, чтобы у наблюдателей врага создалось впечатление, что маранонская стража по-прежнему находится в резерве.

Мы построились в боевой порядок, обогнули лагерь наших войск сзади и вышли на побережье Ликантии, где стояли галеры Холлы Ий. Накануне я попыталась довольно пу-
тано объяснить, какие суда нам нужны для нападения. Холла Ий преувеличенно вежливо заверил меня – словно между нами ничего не произошло, – что он понял и не стоит продолжать.

– Довольно часто, капитан Антеро, – пояснил он, – моряки любят плавать скрытно и бесшумно. На каждой галере у меня есть одна-две лодки, идеально приспособленные для этой цели. Я надеялся использовать их для нападения на ликантианские корабли в гавани, но проклятая цепь мешает нам. Может быть, вы... Ну ладно, не будем загадывать, боги любят разочаровывать. Каждая лодка может нести десятерых, на лодке один рулевой и четверо гребцов. Если бы вы могли

распределить своих *солдат*, — он не мог удержаться от того, чтобы ехидно не выделить это слово, — на десятки, чтобы они не шумели, как деревенская девка, зовущая гусей домой.

Я холодно кивнула. Адмирал оставался самим собой. Как бы все ни сложилось, этой ночью я увижу его в последний раз, поэтому на его поведение можно не обращать внимания — задача трудная, но выполняемая.

В лагере пиратов мы разделились на маленькие группы. Часть групп я отдала под командование сержанта Исмет. Исмет была самой странной женщиной в страже. Я смотрела на нее, и моя уверенность росла. С такими солдатами мы не можем проиграть.

Видите ли, Исмет была примером для нас всех — от зеленых рекрутов до офицеров. Она была олицетворением — если использовать это затасканное слово — духа маранонской гвардии. Некоторые говорили, что Исмет — земное воплощение Маранонии и поэтому она не постарела за годы службы. Ее смуглая кожа, смуглее даже, чем у жителей северных тропиков, только добавляла таинственности к ее личности. Никто не знал, откуда она родом. Она просто появилась однажды и сказала, что хочет вступить в стражу. На вопросы о ее происхождении она ничего не ответила, только сказала, что или станет стражницей, или заморит себя голодом. Возник скандал, но в ее словах никто не посмел усомниться. Легенда рассказывает обо всем этом не очень подробно, но, видимо, моя предшественница на посту командира стражи была

мягкосердечной или тогда не хватало рекрутов – в общем, ее взяли. Мне почему-то кажется, что кто-то заглянул ей в глаза и *понял*. Исмет показала тогда, что владеет всеми видами оружия. Она приняла присягу и уже через месяц не считалась новичком. Ее несколько раз продвигали по службе, пока она не стала сержантом, от более высоких чинов она отказалась, несмотря на посулы, просьбы и угрозы. Это было два поколения назад. Исмет ни разу не была в отпуске, никогда не искала развлечений вне казарм, ее романы никогда не длились больше недели. Она часто говорила, что стражница должна думать о трех вещах: о себе, о своем отряде и о Маранонии.

После того как мои солдаты были построены, я взяла своих легатов, охрану из четырех человек и направилась в шатер адмирала. Там уже ждал Гэмелен. Он сказал Холле, что хочет говорить только с нами. Пират что-то угрожающе пробурчал, но Гэмелен очень пристально посмотрел на него. Глаза воскресителя больше не казались бездонными – теперь они были горящие, желтые, как у льва, готовящегося прыгнуть. Пират закрыл рот и молча вышел наружу к вытасненным на песок кораблям. Скоро мы слышали, как он раздраженно выкрикивает приказания своим людям.

Гэмелен уже все приготовил для колдовства. Он долго расспрашивал Полилло о топоре, воткнувшемся в стену морского замка. Теперь он держал в руке уменьшенную копию оружия. Он зажег огонь в жаровне и приказал нам опустить-

ся перед ней на колени. Дым от благовонных трав заполнил палатку. Он не раздражал глаза, а, наоборот, ласкал их. Я чувствовала запах маргариток, горных роз и белых лилий. Маг негромко зашептал что-то, и дым разделился на три струйки, протянувшихся к нашим лицам. Из жаровни вытянулся четвертый дымок и коснулся руки Гэмелена, на ладони у него лежал миниатюрный топор – игрушка – точная копия орудия убийства, принадлежавшего Полилло. Гэмелен негромко произнес:

Слепой топор
Увидел цель.
Пусть зрение стали
Будет у девы
И очи ее станут зорче.

Выговаривая нараспев заклинание, он прохаживался по палатке и легонько касался своим топориком наших век. Полилло невольно зажмурилась – она больше, чем кто-либо, боялась магии. Однажды она призналась мне, что видела сон, где волшебство каким-то образом умерщвляло ее.

– Ну вот, – объявил воскреситель. – Теперь вы не должны ничего чувствовать, разве что видите мир немного... четче. – Он ласково улыбнулся. – Это простое, надежное заклинание, оно пригодится в свое время. И оно не очень сильное, не будет привлекать внимания... э-э... нежелательных личностей.

Мои легаты поднялись и отсалютовали, и я отпустила их. Гэмелен потянулся.

– Теперь, капитан, нам остается только ждать. Я, пожалуй, выпью стаканчик адмиральского вина. Вы присоединитесь?

– Я вообще-то не пью перед боем, – ответила я. – Хотя... охотно составлю вам компанию, тем более что хочу попросить вас об услуге.

– С нетерпением жду, – галантно ответил он. – Я мог бы долго разглагольствовать о том, что на вас – все наши надежды и так далее. Но после знака, поданного костями, речи не нужны. Как бы я хотел пойти с вами туда, навстречу опасности! Но мой возраст и... – Он взглядом показал на свои одежды мага.

– Я поняла – присутствие такого могучего волшебника обязательно будет замечено архонтами. Тогда уж можно идти на крепость парадным шагом под грохот барабанов.

Такой оборот разговора как раз подводил нас к моей просьбе, которая не понравилась ему. Он погладил бороду.

– Я удивлен, капитан, или Рали, если позволите. Или вы слишком цинично относитесь к своей собственной тактике, или...

– Я просто стараюсь устранить все неожиданности, – ответила я не совсем правдиво. – Это может каким-то образом повредить моему плану?

– Возможно, возможно, – проворчал он. – Любая магия на вас или ваших солдатах увеличивает вероятность вашего об-

наружения архонтами или их помощниками. Хотя... минутку. Я знаю одно заклинание. Очень старое. Очень простое. Его использовали ведьмы во времена моего деда. Оно настолько примитивно, что его не смогут почувствовать архонты, привыкшие к более изощренной магии. Все колдовство займет несколько минут. Если бы вы, Рали, были воскресителем, я бы легко научил вас ему. Но так как это невозможно... Да, амулет! – Он кивнул, довольный выдумкой. – Очень хорошо. Я могу соскоблить со своих гадальных костей немного порошка. Вчера они почувствовали энергию волшебства архонтов, и это может помочь вам. Кажется, все не так сложно. Да, да, – забормотал он, приходя в волнение. – Так и надо сделать. Я должен отставить в сторону, если позволите признаться, растущее чувство симпатии к вам, Рали, теперь вы ни больше, ни меньше – надежда Ориссы, не друг мне, но воин, которого я посылаю почти на смерть.

– Если бы я не выбрала риск в спутники жизни, – засмеялась я, – то сейчас бы сидела в Ориссе с мужем и детьми, носила бы платье и готовила обеды.

Гэмелен криво улыбнулся:

– Если я дам вам этот амулет, он не только окажет желаемый эффект. Он может привести вас прямо в сердце их могущества.

Я сказала:

– Но если вы правы и они собираются нанести Ориссе смертельный удар с помощью магии, разве не придется вы-

рвать это сердце так или иначе?

– Да, все придется уничтожить, но если волшебство не слишком чудовищно, лучше принести эти знания в ОриССу, где им будет найдено достойное применение. – Гэмелен покачал головой. – Но я помню, что Янош Серый Плащ говорил вашему брату: магия становится черной или белой в зависимости от того, как ее рассматривать. Эта циничная мысль не совсем понятна мне. – Он отпил вина. – Очень хорошо, капитан, дам вам кое-что. Когда вы решите использовать это, оно превратится в маленького хорька, который выслеживает зло, и вы неизбежно, если пройдете через тысячи опасностей, выследите свою жертву.

Я с трудом выдавила из себя улыбку.

– Хорьки всегда приносили счастье моей семье. Мой брат уверяет, что призрак этого зверька, который жил у него в детстве, спас его во время боя с Равелином.

– Это доброе знамение, – оживился Гэмелен. – Теперь мне больше не кажется, что я отправляю вас на смерть.

Улыбка на его губах не осветила его глаз. Я поняла, что он хочет подбодрить меня и себя заодно.

Когда солнце склонилось к закату, галеры столкнули в воду и подтянули к низкому молу, с которого мы взошли на борт. Так как путешествие предстояло недолгое, мы все набились на три пиратских корабля. Восемнадцать легких лодок – или, вернее, семнадцать плюс одна запасная – галеры вели на буксире, прикрывая бортом, чтобы не было замет-

но из замка. Мы плыли на восток – в сторону Ориссы. Гребцы неспешно шевелили веслами, как будто нас ждал долгий путь.

Я была на первом корабле – адмиральском флагмане – вместе с Корайс и Полилло. Мы стояли на мостике. Море спокойно сверкало красным и золотым в лучах заходящего солнца. Я старалась думать о волнах и о криках чаек, чтобы забыть, что ждало нас в недалеком будущем. Дельфин показал черную спину из волн и пропал. К нам подошел Холла Ий. Боюсь, я не очень старалась скрыть отвращение в голосе, когда спросила его, почему он решил принять участие в экспедиции. Разве такая ничтожная операция достойна адмирала?

Его глаза сверкнули, он понял насмешку, но заговорил со снисходительной вежливостью.

– Ах, капитан, вы не понимаете проблем, которые приходится преодолевать тем несчастным, которые становятся солдатами не ради славы, а ради более низменных целей. Если мы не будем участвовать в последнем победном сражении, наши достойные наниматели могут постараться сэкономить на нас. А это приведет к разным неприятностям. – Потом внезапно он заговорил более серьезно. – Кроме того, командиры вроде меня получают власть, если только они постоянно находятся на мостике боевого корабля. Таким образом, я убиваю двух зайцев разом.

Он поклонился и ушел вниз на палубу, где сидели гребцы.

– Если он будет постоянно здесь шататься, я могу случайно наступить на него или случайно выпихнуть за борт, – заметила Полилло. – Я слышала, некоторые моряки не умеют плавать.

Корайс показала в улыбке свои острые лисьи зубы.

– Займемся этим потом, дорогая. Когда будем на твердой земле, пригласим его на свидание на утес, пообещав удовлетворить все его самые дикие фантазии, а потом я встану за ним на четвереньки, а ты можешь от всей души толкнуть его.

Когда солнце село, мы свернули паруса, убрали мачты, так что из замка должно было показаться, что мы уплыли за горизонт. В темноте низкие силуэты кораблей были почти невидимы. Галеры развернулись в сторону Ликантии, и гребцы дружно налегли на весла. Мне было непонятно, как люди могут посвящать всю жизнь перемещению вперед-назад куска дерева, я решила, что гребцы – рабы. Но когда я спросила об этом Корайс, которая знала многое, та сказала – нет, они свободные. Галеры, оказывается, ходят на веслах, когда нужна большая скорость, а чаще используют только паруса.

За два часа до полуночи мы подошли ко входу в гавань Ликантии. Я видела в темноте очертания утесов, обступивших залив со всех сторон, и черный силуэт замка. Ночь была тихая, теплая – все благодаря колдовству Гэмелена. Ничего не могло случиться в такой тишине, часовые будут спать до конца своей смены, командиры не часто будут проверять караулы и так далее.

Мы пересели в лодки. Что бы там ни говорил Холла Ий о моих женщинах как о никудышных моряках, не было слышно ни одного звука, никто не потерял оружия, никто не свалился в воду. Мы тихо поплыли ко входу в гавань. Лодки идеально подходили для нашей миссии. Вместо весел с каждого борта у Них было по гребному колесу. «Гребцы», если их можно так назвать, сидели у колес и бесшумно вращали их. Не было ни всплесков весел, ни команд рулевого, характерных для обычных лодок. Однако правильно держать курс при таком способе передвижения было нелегко, колеса должны были вращаться с одинаковой скоростью, или мы принялись бы выписывать зигзаги по воде, как водомерки.

Пока мы плыли, я еще раз перепроверила свой план. Как мне казалось, его большим преимуществом была простота. Изошренная тактика редко выживает под дождем стрел. Я собиралась вместе со своими стражницами вскарабкаться по ликантианской цепи у входа в гавань на скалу, примыкающую к замку. Добравшись до замка, мы должны были постараться найти достаточно большое окно, чтобы можно было влезть. Потом надо было быстро и по возможности скрытно добраться до главных ворот замка. Генерал Джинна к тому времени подведет свой отряд к воротам снаружи. Когда ворота распахнутся, начнется общая атака.

План вовсе не был таким безнадежным, как казалось на первый взгляд. Множество неприступных крепостей было взято именно таким способом. Если мы погибнем, как все

предсказывали, что с того? Вдесятеро больше стражниц было убито в ходе безуспешных атак на замок. Джинна, этот самец, вряд ли будет жалеть, что избавился от «слабого» пола – так он нас называл.

Пришло время испытать свой меч, который я выковала сама, – хорошо ли он рубит или только гнется и выщербливается при ударе. И еще у меня была одна цель, ради которой я попросила Гэмелена об услуге, не объясняя, впрочем, зачем мне нужна его помощь.

Гавань внезапно открылась перед нами, как пасть чудовища. Мы поплыли вдоль цепи, находившейся под водой близко к поверхности, к замку. Теперь раздумывать было некогда. Мышцы, тренировка и осторожность – от этого зависела наша жизнь.

В этом месте мой писец недоуменно поднимает бровь, думая, что в свободное время стражницы тренируются лазить по огромным цепям. Наверное, он удивлен, что не видел таких упражнений на наших показательных выступлениях. Но сам процесс залезания на что-нибудь высокое не имеет больших различий, будь то гигантская цепь или искусственное препятствие на праздничном параде. Одна женщина становится у подножия, вторая залезает ей на плечи и помогает залезть третьей. Если не считать нескольких тысяч вражеских солдат над нами и того, что ржавые звенья были усеяны ракушками и обросли водорослями, все было как на тренировке. Полилло и другие стражницы, отличавшиеся силой,

составили живую лестницу, а остальные полезли вверх.

Наконец Корайс, Полилло, Исмет и я достигли последнего звена, которое прикреплялось к кольцу, вмурованному в стену замка. Я посмотрела вниз, остальные мои подруги ждали каждая на своем звене, напоминая этим украшения гигантского браслета. Я тряхнула головой. Видимо, от близости могучей магии мое воображение разыгралось как у подвыпившего ветерана.

Мы втроем принялись изучать стену башни, а Исмет наложила стрелу на тетиву и смотрела только вверх, на самый край стены, на тот случай, если вниз посмотрит часовой.

Заклинание Гэмелена звучало у меня в голове. *Пусть зрение стали... будет у девы...*

Мы внимательно осматривали каменный пояс, шедший вокруг башни. Там были бойницы для стрелков и световые отверстия. Несколько окон не имели ни ставен, ни решеток. Архонты, как многие другие слишком узкие специалисты, чересчур доверяли своему единственному могучему оружию – магии. Высоко наверху я разглядела еще несколько больших окон и решила, что там и была тюрьма, где сидел Амальрик. Но нам не надо было снова упражняться в лазании, потому что в двадцати футах правее и в пятнадцати футах над нами было почти такое же широкое окно.

Полилло радостно и тихо засмеялась, когда Корайс сняла с плеч мешок, где были веревки и абордажные крюки. Я знала, о чем она думала, – столько времени, столько крови,

а теперь мы влезем в замок, словно это гора Афена недалеко от Ориссы.

Полилло легко забросила кошку, и две стальные лапы прочно зацепились за подоконник. Дернув несколько раз, чтобы убедиться в надежности захвата, она приступила к единственной сложной задаче – надо было убедиться, что веревки не запутались (к крюкам прикреплялись две параллельные веревки, связанные перпендикулярными отрезками каната, как корабельные ванты). Полилло привязала свободные концы к последнему звену цепи и произнесла заклинание – мы все знали его наизусть. Несколько лет назад, до того как Амальрик и Янош заставили воскресителей рассекретить для солдат несколько заклинаний, с нами бы тут был профессиональный волшебник, но теперь мы обходились без него. Любой сержант, с разрешения воскресителей, мог использовать магию самостоятельно. Полилло говорила:

– Мои слова сказаны другим человеком, и я использую их с его дозволения. Стань твердой, стань прямой, стань как копьё!

Веревки мгновенно стали твердыми и прямыми благодаря заклинанию. Теперь к окну вела наклонная плоскость, по которой мог промаршировать батальон. Полилло оглянулась назад и прошептала:

– Я пойду первой.

Но я отодвинула ее и вступила на «мост», держа наготове меч. Быстро добравшись до окна, чтобы не дать врагу лишне-

го шанса заметить нас, я пролезла внутрь и по-кошачьи бесшумно спрыгнула на каменный пол. Оказавшись в комнате, я отступила от окна вбок в полумрак и там затаилась. Комната оказалась пустой. В дальней стене я разглядела дверь, засов оказался не задвинут. Стражницы одна за другой проникали в комнату. Тихонько приоткрыв дверь, я вышла в коридор, остальные бесшумно последовали за мной. В коридоре было совершенно темно, тихо и мрачно, но никто из нас не чувствовал страха. Благодаря Маранонии мы оказались в логове архонтов! Я уже ощущала вкус крови, предвещающий битву. Наши отцы разрушили этот замок во время первой войны с Ликантией, мы доказали, что достойны их. Теперь надо сделать так, чтобы не было Третьей Ликантианской войны.

Бесшумно, как текучая смерть, мы спускались по винтовой лестнице на нижний этаж замка. Вот на пути оказался ликантианец, второй, четвертый. Меч каждый раз делал свою работу до того, как они успевали понять, какой смертью умирают. Часть из них были воины, остальные – слуги, не важно. Мы вошли в большую комнату с высоким потолком, на стенах висели гобелены. Свечи в комнате еще не догорели. Я подумала, что мы попали в кабинет для аудиенций, но сейчас, далеко за полночь, никого не было, разумеется. До нас доносились далекие звуки, обычные для осажденной крепости: переключки часовых, глухие команды, изредка – топот сапог. Мирные обыватели обычно думают, что война – ужасно шумная вещь, и это так и есть, но осада – совсем

другое дело. Все было тихо, хотя свежий, не привыкший к военной жизни человек услышал бы еще кое-что – неумолчный гул или, вернее, далекий хищный рев, издаваемый двумя огромными армиями, ждущими битвы.

Я подала сигнал замереть. Все задержали дыхание. Если бы кто-нибудь увидел нас в тот момент, то несомненно решил бы, что мы молимся. Но мы не молились. Маранония – добрая и разумная богиня, она знает, что время молитвы – до и после битвы, но не во время ее. Я мысленно представляла себе карту замка, составленную со слов пленников. Да, да. Должно быть, где-то рядом выход во внутренний двор, а оттуда, пройдя сквозь резервные линии обороны замка, можно выйти к воротам. В худшем случае мы находимся на этаж выше.

Полилло и Корайс ждали моего решения. Их глаза сверкнули, когда я коснулась рукой сначала гребня на своем шлеме, а потом – поочередно – на их... Это значило: *теперь вы командуете в соответствии с ситуацией...* Все было оговорено заранее, мы долго тренировались. Я взмахнула мечом.

В атаку!

В этой последней команде не было нужды. Мои легаты и рядовые стражницы были, естественно, удивлены такой неожиданной переменой планов, но они были храбрыми солдатами, поэтому беспрекословно подчинились. Слитный глухой топот множества ног, как будто шел один человек – и я осталась в комнате одна. Одна, если не считать сержанта

Исмет. Я не успела прийти в ярость, как она показала два пальца, напоминая мне, что мы всегда, *всегда сражались парами*. Она протянула руку ладонью вверх: *жду ваших приказаний*.

Я улыбнулась. Даже здесь, в замке кошмаров, нашлось время для веселья. Ах ты, глупая капитанша, прослужившая всего лишь пятнадцать лет, неужели ты думала, что сможешь командовать сержантом? Не выйдет, думала я. Мы будем сражаться вместе и вместе умрем.

Теперь пришло время для колдовства Гэмелена. Я вытащила из кошелька амулет – всего лишь две связанные между собой полоски кожи, на которые маг соскоблил пыль со своих игральных костей. Я дотронулась амулетом до своего носа, затем коснулась амулетом каменного пола. Потом я пригнулась... Ничего.

Хотя нет! Появился новый запах, сладкий, неприятный, похожий на запах мертвечины. Я вспомнила, как Гэмелен говорил, что, может быть, придется увеличить энергию амулета. Я оглянулась. Если я права и это действительно комната для аудиенций, и архонты использовали ее, они должны были стоять... там, на низком каменном возвышении. Я подошла туда и снова коснулась амулетом камней, а потом еще потерла его о гобелен.

Я пригнулась снова. Теперь запах был сильнее. Я невольно сморщилась. Теперь я знала, куда идти, и обернулась к Исмет. Она стояла там, где должна была стоять, в трех

шагах позади, в трех шагах сбоку, и следила за дверями, не обращая внимания на мои действия.

Мы вышли из комнаты. Нам надо было подняться на четыре этажа, но не по той лестнице, по которой мы пришли, а по другой. По ней можно было шагать широко и не красться – на ступеньках лежали толстые ковры. Я постоянно останавливалась, но амулет вел меня, и запах становился сильнее.

Вдалеке я слышала крики и лязг стали. Бой начался. Я с усмешкой подумала, скольких успели уложить мои стражницы, прежде чем их обнаружили. Замок ожил, удары гонга будили солдат. Я слышала крики: «Измена! Они внутри!» Визжали женщины.

Коридор привел нас на балкон, откуда был виден огромный внутренний двор. На нем могла поместиться целая армия, если бы не сторожевые башни и наскоро возведенные укрепления второй линии обороны. В этом дворе архонты приносили свои чудовищные жертвы, с помощью магии заставляя несчастного медленно разрезать себя на куски. Так они хотели разделаться с моим братом, но его спасло защитное заклинание. Ну а теперь во дворе шел бой. Ликантианцы с факелами в руках бежали к своему оружию и доспехам. Лязг мечей доносился с противоположной стороны. Я едва не засмеялась от радости, видя, что мои женщины уже почти достигли своей цели и были в нескольких шагах от ворот. Стоит только открыть их, и наша армия ворвется внутрь.

Но их обнаружили в самый неподходящий момент. Ли-

кантианцы в самом слабом месте обороны держали особенно много воинов. Наружные ворота узким проходом соединялись с внутренними, по краям проход был ограничен высокими стенами с бойницами. Стражницы успели открыть внутренние ворота, но тут их заметили, и пришлось обороняться. Теперь мои подруги бились у наружных ворот, отражая атаки ликантианцев, стремящихся загнать их внутрь, в проход, где их быстро уничтожили бы лучники со стен.

Но тут случилось кое-что похуже. Я услышала сверху громкое шипение – словно от разъяренной гигантской змеи.

С земли поднялись два смерча, совершенно черные, раза в три-четыре выше человека. Они врезались в толпу сражающихся, подняли стражниц и ликантианцев и ударили их о стену. Я почувствовала новую волну тяжелого запаха магии архонтов и бросилась внутрь коридора. Нам нужно было подняться еще на один этаж. Мне пришлось бросить своих сестер в час величайшей опасности, но нам с Исмет смерть грозила в не меньшей степени.

Я еще раньше тайно решила, что у нас будет два плана. Один – для моих стражниц, а второй – для меня, или, как теперь выяснилось, для меня и Исмет. Я решила – думаю, что вам затея покажется сумасшедшей, – в одиночку напасть на архонтов. Я держала все в секрете, иначе бы меня просто засмеяли. Но я уже тогда понимала, как много может сделать воин, решивший отдать свою жизнь ради последнего подвига. В современной войне, когда мужчины говорят об огром-

ных армиях и десятки воскресителей участвуют в битвах, мои идеи кажутся чепухой. Может, это и так, но я вручила тогда свою судьбу Маранонии, и вот что из этого вышло.

Шипение усилилось, когда я подбежала ко входу в зал архонтов. У дверей не было ни одного охранника, это меня удивило сначала, но кто осмелится беспокоить архонтов?

Из-за двери я слышала обрывки слов: «брат... опасность... всего лишь женщины!» Мне хотелось остановиться на минутку, перевести дыхание, собраться с мыслями, но на это времени не было. Я слышала из зала еще какие-то непонятные фразы: «изнутри», «опасность», когда толкнула дверь и вбежала в апартаменты архонтов.

Я увидела дымчатое стекло, золото, призмы и свитки, горящие конусы с запахом ладана, скелеты и чудовищ, но не стала их рассматривать, потому что у смертного может быть только один шанс, чтобы напасть на магов, да и то если использовать быстроту и неожиданность.

Двое высоких мужчин с хищными, недобрыми лицами резко повернулись ко мне, один показал на меня пальцем, словно выставил копьё. Передо мной появилось что-то серо-черное, оно бросилось на меня и выбило меч из моей руки, но я рванулась к архонту и ударила его наотмашь ребром щита, попала ему в живот и услышала совершенно человеческий крик боли и ярости. Я покатила по полу, увлекая за собой архонта. Его руки были сильнее, чем у любого другого мужчины, с которым мне приходилось бороться. Он опроки-

нул меня на спину, и его страшные пальцы сомкнулись у меня на горле. Слава богам, он не знал, как сдавливать сонные артерии, но я все равно задыхалась. Мир стал черным, и последним усилием я ударила сомкнутыми пальцами, целясь в глаз архонта. Он взвизгнул, я почувствовала на пальцах что-то влажное и сбросила его. Мы оба мгновенно вскочили на ноги, по его лицу текла кровь и слизь... но некогда рассматривать, и я бросилась на него, ударила кулаками с двух сторон в виски. Архонт изогнулся в конвульсии и упал на спину. Он умер раньше, чем коснулся пола.

В стороне я увидела свой меч, подбежала к нему, подняла, потом – назад к поверженному архонту. Придавив его ногой, как поступают с ядовитой змеей, я рубанула его по шее. Меч отделил его голову и с лязгом и искрами отскочил от каменного пола. Да, один мертв, по крайней мере сейчас, но оставался еще второй. И я развернулась, замахнувшись мечом, готовая продолжать бой.

В этом не было нужды. В зале были только я и сержант Исмет.

– Убежал, – сказала она. – Он протягивал руки к тебе, собираясь что-то наколдовать, но я швырнула в него кинжалом. Он попал ему в грудь и отскочил, как будто на архонте был панцирь.

– Куда он сбежал? В какую сторону?

Исмет показала на маленькую открытую дверь. Там было темно, как в норе. Гэмелен предупредил меня о чем-то по-

добном.

– За мной! – приказала я.

– Минутку. Надо доделать дела.

Прежде чем я открыла рот, чтобы рывкнуть «Отставить!», Исмет подняла свой кинжал, опустилась на колени возле обезглавленного трупа и сделала разрез орла. Она встала с колен, держа в руке сочащееся кровью сердце. А потом мы бежали по темному коридору за вторым архонтом.

Этот туннель был специально подготовлен для отступления. По обеим сторонам то и дело попадались альковы и ниши, удобные для засад, но там никого не было. Часто встречались ловушки и разные хитрые устройства для убийства пришельцев, но они не были заряжены. Я лихорадочно размышляла: почему архонт не остался, чтобы помочь брату? Страх? Паника? Вряд ли человек, который правил так долго и так кроваво, испугался бы. Я не знала ответа, и мы продолжали погоню, постоянно ожидая ловушки.

Туннель вел вниз, становясь все уже. Теперь его стены не были выложены камнем, он был пробит в цельной скале. Нам оставалось только молиться, чтобы туннель не превратился в нору, по которой можно только ползти, откуда не было выхода, кроме магической двери. В таком случае мы бы погибли здесь, в ужасном подземелье.

А потом туннель кончился, и я увидела луну и звезды. Я высунула голову. Под нами в десяти футах плескались волны. Над нами на скале возвышался замок. Мы прошли через

толщу горы и оказались над гаванью Ликантии. И я нигде не видела архонта. Тут я вздрогнула от оглушающего всплеска. Гигантская цепь, закрывающая вход в гавань, опускалась!

Исмет закричала: «Смотри!» – и я увидела, как взвиваются флаги над ликантианским кораблем, на котором, как мы думали, не было экипажа. Я знала эти флаги. Нижний был длинный, двуххвостый, с красной пантерой. То был флаг нашего кровного врага, Нису Симеона! А верхний флаг – государственный флаг Ликантии, черный двухголовый лев, держащий в лапах перекрещенные меч и скипетр. Каким-то образом архонт добрался до него. Там были и другие корабли, я слышала, как Исмет бормочет «девять», но на них я почти не смотрела. Маленький флот проплывал мимо меня к выходу из гавани. Я застонала, видя, как уходит архонт.

В тот момент к моим глазам словно приставили магическое стекло, я могла видеть прямо перед собой двух мужчин возле рулевого. Первый был Нису Симеон. Я никогда не видела его раньше, но узнала по обезображенному ожогами лицу, которое когда-то было прекрасным, как у женщины. Это мой брат и Янош Серый Плащ нанесли ему эти раны. А за Симеоном стоял архонт!

Я услышала рев, долетевший с корабля, и поняла, что меня тоже заметили. В меня выпустили несколько стрел, но Исмет втащила меня в туннель, и стрелы безвредно застучали по камням. Я бессильно смотрела, как уплывают корабли. Если бы мы догадались заблокировать выход пиратским

флотом! Но кто знал, что все так обернется.

Рев стал громче, из глубины вод высунулось щупальце. Оно обвилось вокруг моей талии и сильно дернуло. Я потеряла равновесие, оступилась, схватилась за выступ в стене, и тут рев перешел в торжествующий вой. Я сопротивлялась изо всех сил, но меня оторвали от спасительного выступа, как ракушку, предназначенную для морского пикника. Я посмотрела вниз, на взбаламученную воду, – там извивалось еще с десятков щупалец, ждущих добычи. И желтый клюв чудовища сухо щелкал, глаза светились холодным огнем.

Мимо моей головы сверкнул кинжал и вонзился в воду. Чудовище окуталось облаком черной мути, и щупальце разжалось. Когда чернота рассеялась, в воде уже никого не было видно.

– Никогда не промахиваюсь больше одного раза, – донесся сзади голос Исмет.

Мы обе оказались забрызганными каплями чернил спрута, которого архонт вызвал из глубин.

– Он ушел, – сказала я.

Девять кораблей Симеона быстро удалялись от берега, ветер раздувал их паруса.

Исмет ничего не ответила, но показала вверх.

Я посмотрела туда. Над бастиянами замка поднималось золотое знамя Ориссы.

Один из них спасся, подумала я. Но что может сделать маг, даже такой, как архонт, – без своего замка, без амулетов,

без волшебных свитков?

Война была окончена. Орисса победила, Ликантия потеряла поражение.

Власть архонтов уничтожена.

Глава четвертая

СЕРДЦЕ КОЛДУНА

Такого великого праздника, как после падения Ликантии, никогда не бывало прежде. И не имело значения, что одному из архонтов и Нису Симеону удалось бежать, – ведь на рассвете солдаты увидели развевающееся над Ликантианским замком у моря знамя Ориссы. Теперь они могли вылезти из своих окопов и свободно гулять под грозными зубчатыми стенами, которые низвергали на них смерть в течение многих месяцев. Солдаты были пьяны от радости. Они кричали, пели, кружили в бешеном танце. Все наши идолы были извлечены на свет и украшены гирляндами, богатыми трофейными нарядами и драгоценностями. Замок был разграблен. Здесь же нашли много напитков, и праздник становился все безудержнее. Богам приносились жертвы: коровы, петухи, свиньи, молодые собаки.

Мысль о том, что и на следующий день, и через день будет жизнь, переполняла души, дисциплина унеслась прочь в вихре радости. Мы, офицеры, мудро решили не пытаться обуздать их восторг, разве только следить, чтобы не пострадали жители и пленные.

Мои девушки праздновали победу так же неистово, как и остальные. Полилло ворвалась в лагерь с трофейными бочонками бренди на плечах. Она вскрыла их топором, и ян-

тарный напиток хлынул в глотки моих сестер. Корайс и Исмет разумно оставались трезвыми, чтобы следить за поведением друзей. Такое беспредельное счастье, смешанное с бренди, могло стать слишком одуряющим для неосторожных, а демоны зла всегда готовы взяться за дело даже по самому ничтожному поводу. Сколько любовных ссор разрешалось с помощью оружия! А на наших руках и так было много крови.

Что касается меня, то я вдруг почувствовала, что стала самой необыкновенной из людей – героем. Молодой новобранец мечтает об этом. Усталые мышцы дрожат во сне после дня, когда оружий сержант отправляет его с одного нелепого задания на другое: он видит сон о том, как в один прекрасный день он стоит величественный, но скромный и тысячи голосов выкрикивают его имя, а когда он проходит мимо, старые солдаты приглушают голоса. Я видела такие сны, когда была молодой. Но в тот день, когда венок славы лег на мою голову, я не почувствовала радости. Быстрый корабль принес в ОриССу весть о победе, включавшую также красочные описания моих подвигов и подвигов маранонков. Обезображенная битвой земля эхом отзывалась на приветственные крики. Где бы я ни проходила, толпы солдат расступались передо мной. Некоторые тянули руки, чтобы прикоснуться к моему мундиру, как будто он был сшит из священной материи, а не из грубого солдатского полотна. К моему шатру приносили горы подарков, и вскоре их стало так много, что я

была вынуждена поставить охрану, которая вежливо отправляла дарителей назад. Десятки мужчин предлагали мне свою руку и сердце, умоляли меня, чтобы я позволила одному из них стать отцом моего ребенка. Женщины, даже те из них, кто когда-то смотрел на меня свысока, теперь поверяли мне свои сокровенные тайны и горячо молили разделить со мной мой шатер. Было объявлено, что один из дней в году будет назван в мою честь со всеми специальными жертвоприношениями и церемониями, которые обычно проводятся в таких случаях.

Мне это не казалось приятным, писец. И сейчас не кажется. Все это как-то фальшиво, смертельно скучно и может превратить счастливого простого смертного в демона тщеславия. Герои принадлежат могиле. Это единственное место, которое может спасти их от самих себя и им поклоняющихся.

Самой плохой стороной моего неожиданного обращения в святыне было усиление ненависти Джинны ко мне, как только он увидел, что корона, которую он так страстно желал, была отнята у него. Каким-то образом появились слухи, что Гэме-лен заставил Джинну следовать моему плану. Через несколько часов после того, как сдались последние ликантианцы, стали раздаваться насмешки в адрес Джинны. Длительную кровавую осаду стали называть «Глупость Джинны», и находились такие, кто с ненавистью проклинал его за столь долгие страдания, вызванные его нелепыми приказами, стоив-

шими стольких тысяч жизней.

Надо отдать должное ликантианцам, это были очень сильные и жестокие противники, и архонты были близки к тому, чтобы взять верх над нашими воскресителями. Тем не менее было очень много вопросов, на которые Джинна обязан был ответить, – не здесь, конечно, а по возвращении в Ориссу, где он должен был предстать перед Магистратом. Было ясно, что только неожиданное вмешательство какого-нибудь сильного божества могло спасти его от позора. И вот невероятное везение Джинны полностью изменило ему в ту ночь. Началась неистовая буря, утопившая наш лагерь в море грязи. Дождь стоял стеной. Море бушевало, волны, в три раза превышавшие рост самой высокой женщины, бились о скалистый берег. Джинна потребовал, чтобы я немедленно явилась к нему. Не в его шатер, а в замок у моря, в ту самую комнату, где я убила одного архонта.

Я вошла в просторную залу, держась за подаренный Гэмеленом амулет как за единственную надежду на помощь. Меня утешало только то, что больше не было этого ужасно! о запаха, который выдавал присутствие здесь архонтов прежде. Защищая глаза от яркого белого пламени волшебных факелов, зажженных колдовством Ориссы, я стала осматриваться. К моему удивлению, здесь не осталось и следа от битвы, закончившейся всего несколько часов назад. Казалось, что Гэмелен и его воскресители разложили все по своим местам и в прежнем порядке. Послушники с белыми повязка-

ми на головах собирали последние кусочки разбитого стекла. Осколки отдавали послушникам с желтыми лентами, которые посыпали их душистым пеплом и шептали над ними заклинания, вследствие чего кусочки соединялись вместе в сосуды, пузырьки, хрустальные кубки, украшенные магическими символами. Маги и их помощники очень медленно двигались вокруг, расставляя предметы на столы, скамьи и полки ручной работы. Всем этим движением управляли несколько повязанных красными лентами старших колдунов, которые черпали свои указания из пергаментных карт этого помещения, составленных Гэмеленом или одним из его помощников. В комнате рядом с большой золотой урной я увидела Джинну и его свиту. Они наблюдали за Гэмеленом, который устанавливал какой-то странный механизм на переносной алтарь. Как только я вошла, Джинна быстро поднял голову, и взгляд его недобрых глаз, метнувшись по комнате, остановился на мне. Он подал сигнал, похожий на предупреждение. Прежде чем я успела понять его намерение, он язвительно сказал:

– А, капитан Антеро! Герой дня. Пожалуйста сюда. Нам нужна ваша помощь.

Я была уверена, что Джинну переполняли зависть и ненависть, но когда я подошла ближе, я вздрогнула, увидев восторг в его глазах. Я не знала, к чему его можно отнести. Мне вспомнилась наша старая кошка, когда она держала крысу в лапах.

– Генерал, – сказала я, – в чем дело?

– Похоже, что мы выиграли битву, – сказал Джинна со странным удовольствием в голосе, – но не войну.

– Разрешите мне, господин генерал, – произнес его при-
служник капитан Хакс. Затем он обратился ко мне: – Мы бо-
имся, что все ваши самонадеянные действия не привели ни
к какому результату.

Я взглянула на Гэмелена.

– Архонт? – спросила я.

Гэмелен мрачно качнул головой.

– Генерал послал адмирала Холлу Ий за ним, – сказал
он. – Но архонт вызвал этот ужасный шторм и вынудил нас
прекратить погоню.

Он продолжил заниматься механизмом, который пред-
ставлял собой очень сложное сооружение с паутиной тру-
бок, проволоки и стеклянными ретортами, заполненными
разноцветными жидкостями. Под воздействием магических
сил жидкости кипели, и над ними струился цветной пар, не
имевший запаха.

Я пожала плечами.

– Шторм скоро прекратится, – сказала я. – И мы его пой-
маем. Ни одна земля не согласится принять его, потерявшего
свою армию и родину. Наши шпионы очень скоро его разы-
щут.

Но как только я это произнесла, я почувствовала, как у
меня по спине пробежал холодок, и я невольно коснулась

амулета Гэмелена. Старый колдун заметил мое движение и покачал головой.

– Мы не можем доверить наше будущее случайности и шпионам, – сказал он. Маг широко развел руками, указывая на убранство комнаты. – Мы восстановили до мельчайшей детали обстановку этой комнаты непосредственно перед твоим появлением. Все вплоть до таракана, исследовавшего содержимое мешка колдуна.

Гэмелен поднял маленькую, богато отделанную кожаную сумку, покрытую магическими символами. Он развязал золотой шнурок, достал щепотку праха и поднес ее к одной из стеклянных реторт.

– Это – один из компонентов колдовства. Он состоит из молотых костей и стеблей нескольких растений. И представляет собой жизни костей и растений, с которыми никто из нас никогда не сталкивался.

Он бросил щепотку праха в кипящую жидкость. Затем откупорил реторту и протолкнул в отверстие свернутый трубкой кусок меди. Медь покатила по лабиринту труб и стекла, из которых состоял механизм. Гэмелен повернул небольшое молитвенное колесо, прикрепленное к устройству. Мы слышали нежный звук колокольчиков, колесо начало свою автоматическую песню. Тогда я знала о магии очень немного, но почему-то у меня не было сомнений, что эта машина, каким-то образом соединенная с молитвенным колесом, была привезена из Далеких Королевств, открытых

моим братом и Яношем Серым Плащом.

Гэмелен не стал ничего объяснять. Он повернулся к нам с таким видом, как будто машина не имела никакого отношения к нашему разговору.

– Скажите ей и остальное, – потребовал Джинна. – Скажите ей.

Без вступления Гэмелен начал говорить:

– У нас есть неоспоримое доказательство того, что архонтам оставалось всего несколько дней до завершения создания страшного оружия, которого мы все так боялись. Хуже всего то, что архонты были готовы к возможному поражению и имели дубликаты всех инструментов и записей. Все предметы были помещены в особые сундуки, в которые невозможно проникнуть ни естественным путем, ни колдовством. Когда наш друг бежал на кораблях господина Симеона, эти сундуки уплыли вместе с ним.

Я не выдержала и гневно произнесла, обращаясь к Джинне:

– Есть шторм или нет, мы должны прямо сейчас отправиться в путь и поймать его. Что заставило Холлу Ий повернуть назад? Симеон не намного опередил его. И я не сомневаюсь, что этот пират видывал бури и посильнее.

– Адмирал Холла Ий сделал все, что было в его силах, – сказал Джинна. – Но у него не было никакой возможности ускорить погоню.

– Просто он хотел получить больше денег, я полагаю. – Я

даже не старалась скрыть своего отвращения.

Джинна кивнул.

– Естественно. Мы сражаемся за идеалы. Он сражается за деньги. Кроме того, ему нужно больше кораблей, припасов, он нуждается в подкреплении, чтобы достойно завершить погоню поимкой архонта.

Неожиданно мне пришло в голову, что генерал ведет себя как-то несерьезно. Какую цель имела эта встреча? Почему он терял время, рассказывая все это мне? Ведь я была лишь одним из его офицеров. Вместо разговоров о планах на будущее, Джинне следовало бы быстрее отдать необходимые распоряжения, так как экспедиция должна быть отправлена немедленно. Чем большее расстояние отделяло корабли архонта и Симеона от нас, тем труднее становилась задача догнать их. Пока мы разговаривали, командующий Ориссы должен был готовить своих людей к продолжению преследования на кораблях Холлы Ий, так же как мне следовало собрать своих женщин и отправиться маршем домой на случай, если архонт каким-либо образом будет угрожать Ориссе. Эти разговоры о смертоносном оружии и изворотливых колдунах напомнили мне о долге маранонской гвардии перед Ориссой. Постепенно становилось ясно, к чему клонил Джинна.

В качестве вступления Джинна произнес ележным голосом:

– Вам будет приятно узнать, капитан, что я решил оказать

честь маранонской страже и поручить ей эту жизненно важную миссию.

– Это безрассудно, генерал, – резко ответила я. – Мои солдаты устали во время битвы больше кого бы то ни было в нашей армии. Или вы уже забыли сегодняшнюю битву?

– Конечно нет, дорогой капитан, – сказал он сквозь зубы. – Ваша и их храбрость в самой большей мере заставила меня принять это решение.

Я немедленно поняла, что он имел в виду. Ход его мысли был прозрачен, как вуаль танцующей куртизанки. Убрав меня со своего пути, он присвоит завоеванную моими стражницами славу.

– Ив самом деле, – продолжил Джинна. – Эта миссия имеет такое огромное значение, что только одной женщине под силу с ней справиться. Героине Ликантианской войны – капитану Рали Эмили Антеро.

Я поняла, что проиграла, но сделала еще одну попытку.

– Я была бы рада оказать вам эту любезность, генерал, – сказала я как можно спокойнее, – и мы все благодарим вас за столь особенную честь, но обязанность маранонской стражи быть дома. Фактически мы собирались выступить уже завтра утром, и я хотела узнать ваши приказания на этот счет.

– Я уже вам дал их, – сказал Джинна. – Только вы отправляетесь не домой. Как я сказал, эта задача только для героев. И героям ее выполнять. У меня нет сомнений, что магистры согласятся со мной, когда я произнесу тост в вашу честь на

празднике победы в Ориссе через несколько недель.

Хакс и другие захихикали.

Следующие слова Джинны имели совершенно категоричный тон:

– Вы и ваша гвардия должны присоединиться к адмиралу Ий на рассвете. Ваше задание – настичь архонта. Вы найдете и убьете его. Вы должны не щадить ни сил, ни денег, ни жизни, пока вы не найдете и не убьете его! Более того, я приказываю вам не возвращаться до тех пор, пока ваша цель не будет достигнута. Я ясно выразился?

Это было изгнанием, которым мои стражницы и я были наказаны за наш успех.

Можешь себе представить, писец, как я была ошеломлена. История, описывающая эти события, не упоминает мотивы Джинны, не так ли? Добро пожаловать в мир, где живут женщины. Здесь очень тесно, в мире мужчин гораздо больше пространства, чем у меня и моих сестер. Здесь очень холодно и неуютно, писец. Топливо для наших огней всегда строго ограничено, ты понимаешь? Можно подумать, что оно нужно только для сохранения детской гордости в наших глазах, способности выигрывать постельные партии, поддержания домашнего очага, воспитания детей и мытья кухни. Мрачная картина. Тебе не нужно много света, так как ты просто отражение мужчины.

У меня не оставалось выбора. Мне хотелось крикнуть, что моя стража – это сухопутное войско и была таковым со дня

своего образования. У нас не было никакого опыта хождения по морю. Я хотела проклясть его за попытку украсть нашу славу, которую всего за час до этого презирала. Я хотела молить его – не за свою жизнь, но за жизни моих сестер. Сколько из них надеялись теперь на возвращение к благословенным берегам Ориссы! Но я не могла этого сделать. Приказы были ясны, и не имело значения, что они безумны.

Я не дала ему ни малейшей радости обнаружить мое смятение. Я не щелкнула каблуками и не отдала ему честь. Он не заслуживал такого уважения. Уважение – вот в чем я могла ему отказать.

Поэтому я просто кивнула.

– Отлично, генерал. Если я должна сделать это, то я настаиваю на одном условии.

– Что это за условие, капитан Антеро? – усмехнулся Джинна. Он не осмелился возразить, что я не имею права ни на чем настаивать. Несмотря ни на что, генерал сам назвал меня героиней всей кампании. Кто бы посмел отказать герою!

– Я требую командование этой экспедицией передать мне, сэр. Холла Ий должен быть предупрежден четко и определенно, что любая моя воля должна быть беспрекословно исполнена. Естественно, что я не собираюсь этим злоупотреблять. Вопросы мореплавания я оставляю на его усмотрение. Но что касается самой погони и спорных вопросов, мое мнение должно быть главным.

Джинна неприятно усмехнулся.

– Адмирал и я уже все обсудили, капитан, – сказал он. – Я четко объяснил ему, какую роль он должен играть в этом походе.

Хакс и другие хихикали еще противнее.

– Генерал, я требую, чтобы вы повторили все, что я сказала, адмиралу.

– Если вы считаете это необходимым, капитан, – ответил Джинна, – я буду рад сделать это. – Он повернулся, чтобы уйти. – Я созову всех через час.

Тут я услышала голос Гэмелена.

– Одну минуту, генерал.

Джинна остановился. Он взглянул на старого волшебник? и увидел, как мрачно его морщинистое лицо. Неужели Гэмелен хотел вмешаться? У меня появилась дикая надежда, но Гэмелен немедленно разрушил ее.

– Необходимо, чтобы один из воскресителей принял участие в этой экспедиции, – сказал он.

– Выберите того, кто вам больше нравится, – ответил генерал.

– Да, я это сделаю, – надменно произнес Гэмелен, давая ясно понять Джинне, что выбор воскресителя его и только его право. – Я выбираю себя.

Джинна открыл рот от удивления.

– Но это же... но вы же...

– Слишком стар? – фыркнул Гэмелен. – Вот поэтому я и

должен это сделать. Работа, которая останется здесь, доступна и более молодым магам. И только мой опыт может сравниться с искусством архонта. Я уверен в том, что эта экспедиция сможет достичь своей цели только с моим участием.

Я увидела восторг в глазах Джинны: двух врагов одним махом. Он не мог даже и мечтать об этом.

– Да благословит вас Тедейт, – пропел он.

Гэмелен не ответил. Он снова занялся механизмом с таким видом, как будто уже и забыл о присутствии генерала. После долгого замешательства Джинна тряхнул головой и удалился. Его свита толпилась вокруг него, как скальные ящерицы, только что вылупившиеся из яйца, облепляют свою мать при появлении отца, собирающегося пообедать.

Я осталась. Мне казалось, что я начала понимать тайные замыслы старика.

– Спасибо, – сказала я.

– За что, моя дорогая Рали? За то, что я повесил на тебя еще и заботу о такой старой развалине, как я? – Он тряхнул нечесаной бородой. Уютное тепло струилось из его желтых глаз.

– Именно так, – сказала я. – До тех пор, пока вы не высказались, это мероприятие представлялось мне совершенно безнадежным.

– Ты сомневалась в себе?

– Не совсем, – сказала я. – Но даже если и были шансы, то я не думаю, чтобы командующий предполагал мое возвра-

щение. Я думаю, что его волнует только его репутация и карьера, а не безопасность Ориссы.

Желтый огонь в его глазах стал еще заметнее.

– Мне тоже так показалось, Рали, – ласково сказал он.

Только теперь я заметила, насколько близкими стали мои отношения со стариком. Как будто он видел во мне будущего друга. В таком случае я с радостью принимаю это предложение. Хотя как представитель своей семьи я чувствовала некоторую неуверенность. Семье Антеро обычно не везло с колдунами. Но тогда мы не стали это обсуждать. Гэмелен продолжал:

– Недоверие побудило меня настаивать на моем участии. Мы не должны давать архонту ни минуты покоя, или он будет иметь возможность доделать свое оружие. Чем больше мы будем доставлять ему неприятностей, тем меньше времени он сможет проводить за работой. К тому же его брат уже не может ему помогать. Мы обязаны не позволять ему обосноваться в каком-либо одном месте. Или эта наша победа потеряет смысл.

Видя, как я озабочена, Гэмелен рассмеялся. Смех колдуна – очень странная вещь. Я многих из них повидала на своем веку, но это столь естественное для человека явление не просто им достается. Некоторые издают звук, похожий на кваканье занимающихся любовью лягушек. Некоторые завывают, как волки на луну. Когда же он был чему-либо сильно рад (как позже я заметила, очень редкое для Гэмелена состо-

ание), то гудел, как огромная сова на охоте. Впервые с момента нашей встречи мне понравился этот звук.

– Кроме всего прочего, у меня есть еще одна причина, – сказал Гэмелен. – Я должен тебе признаться, она очень эгоистична.

– Что за причина? – спросила я.

– Я помню день, когда я благословил твоего брата и этого мошенника Серого Плаща отправиться на поиски дальних стран. Я сидел на своем троне, чувствуя себя не мудрым старым воскресителем, несущим на плечах тяжелое бремя ответственности и власти, а юным мальчишкой. Сказать по правде, я был готов обменять свой трон и все свои знания и авторитет на возможность отправиться с ними.

Теперь была моя очередь рассмеяться.

– Приключения? Вот ваша слабость, воскреситель?

Гэмелен снова загудел как сова.

– Я рожден для этого, Рали, – сказал он. – Но судьба распорядилась иначе. Мне не повезло, мой волшебный талант стал моим проклятием. Но это уже другая история, которой я тебе еще надоем во время путешествия.

Он потрянул головой и покрутил бороду, тая от удовольствия.

– Представь, говорить о таких вещах... путешествия, приключения, рассказы. Вот и снова я почувствовал себя совсем юным.

И в самом деле, он выглядел так, как будто за несколько

минут помолодел на годы. Щеки над его бородой приобрели румяный оттенок. Его глаза стали яснее. Он выпрямился. Он стал почти красивым. Если бы у моих подруг были другие увлечения, я думаю, что некоторые из них были бы готовы к борьбе за благосклонность этого старика. Клянусь, что, если какой-нибудь миловидной девушке захочется внимания мужчины во время путешествия, я посоветую ей посетить шатер колдуна.

Гэмелен заторопился.

– Ну вот, видишь, я действительно очень стар, – сказал он. – Я почти забыл о работе. – Он снова занялся аппаратом, втягивая носом ничем не пахнущий пар, поворачивая краники, чтобы одна жидкость по каплям вливалась в другую. По ходу дела он рассказывал о своих намерениях. – Спасибо тебе, – говорил он. – У меня есть средства, которыми мы вооружимся против секретного оружия архонта. Эти средства недостаточно сильны, чтобы полностью разбить его, но они ослабят его силы и облегчат нашу задачу.

Он положил украшенную витиеватым орнаментом шка-тулку на стол. Она была сделана из черного эбонита и богато инкрустирована. На ней не было видно ни швов, ни замка. Гэмелен провел над ней руками, прошептал что-то и сдвинул ее с боков большими и указательными пальцами обеих рук. Она открылась. Я заглянула внутрь, и меня чуть не вывернуло от увиденного. Там лежал большой кусок плоти. Это был коричневато-пурпурный орган со следами начавшегося

несколько часов назад гниения.

– Это сердце убитого тобой архонта, – сказал Гэмелен. Он взял его в руки со спокойствием человека, привыкшего иметь дело с мертвечиной, и поместил под большой медный кран, выдававшийся из машины. Он повернул вентиль. Толстые масляные капли яркого зеленого цвета стали медленно падать на сердце. Жидкость расплзалась по органу, окутывая его зеленым глянцем. Гэмелен запел:

Сердце из камня,
Чтобы брат боялся:
Нет ни любви,
Ни слез,
Ни жалости!
Сердце из камня,
Чтобы ненавидеть брата:
Нет ни радости,
Ни тепла,
Ни красоты!
Ненавидеть для ненависти,
Бояться для страха,
Камень к камню:
Брат, найди брата!

Сердце начало сокращаться, стали изменяться его цвет и форма. Оно становилось все меньше и меньше, сначала медленно, а затем я не успела и моргнуть, как от размера в кулак оно сжалось до величины птичьего яйца. Теперь оно бы-

ло таким же гладким и черным, как эбонитовая шкатулка. Гэмелен осторожно взял его хрустальными щипцами и поместил назад в шкатулку. Он снова сдвинул ее с боков и прошептал заклинание. Шкатулка захлопнулась. Гэмелен поднял ее, держа в ладонях. Он склонил голову, будто внимательно прислушиваясь. Затем кивнул, поднял глаза, и его кривые зубы сверкнули сквозь бороду.

– Работает, – сказал он очень довольным голосом, как будто до этого он сомневался.

Он протянул мне шкатулку. Я отшатнулась.

– Я не хочу прикасаться к этому, – сказала я с испугом.

– Я могу понять тебя, – ответил Гэмелен. – После того, что ты о нем знаешь... Но тем не менее сделай это для меня.

Я взяла шкатулку. Тотчас у меня зазвенело в ушах, как будто кто-то тронул струну какого-то инструмента.

– Что это? – спросила я.

Гэмелен снова издал звук, похожий на гудение охотящейся совы.

– Оно сообщает нам, что его брат все еще где-то поблизости. И нам остается теперь только настичь его и...

Тут восторг перед своей победой переполнил его. Гэмелен высоко закинул голову, и его крик эхом прокатился под сводами огромного зала архонтов:

– Я достал тебя, ты, подонок! Я достал тебя!

Глава пятая

В ПОГОНЮ НА КРАЙ СВЕТА

Мы тронулись в путь в первый день месяца урожая в год Оленя. Для жертвоприношения Гэмелен отобрал двух солдат, осужденных за изнасилование ликантианских женщин. Их пропустили между двух жерновов, как это предписывается правилами, но вместо обычного для этого обряда окропления земли кровью жертвы, Гэмелен смазал этой кровью носы кораблей и затем выбросил останки в море, в качестве подарка морским божествам. Все согласились с тем, что это было очень удачным началом плавания.

Возможно, так оно и было. Но прости меня, писец, если я своим богохульством запятнаю страницы твоей летописи, мне казалось, что старый хитрый воскреситель коварно использовал случайное совпадение, чтобы припугнуть адмирала Холлу Ий и его пиратов. Целая армия вышла провожать нас в путь, надев все доспехи, которые Гэмелену и некоторым другим офицерам удалось вырвать из жадных рук Джинны. Церемония так долго и тщательно готовилась, что мы не успели отплыть в утренний прилив. Гэмелен меня успокоил, что у него есть пара штучек, которыми он может вызывать прилив снова.

Наша флотилия состояла из пятнадцати галер Холлы Ий, которые были сработаны в виде устрашающих морских чу-

довищ, производящих впечатление даже на суше. Такой внушительный флот давал нам огромное преимущество перед убегавшим на торговых судах архонтом. Я разделила свой отряд, разместив стражниц на десяти кораблях, плюс еще один корабль занял наш штаб. Остальные четыре судна занимали только люди Холлы Ий. Я бы, конечно, предпочла иметь своих представителей на каждом корабле, так как мало доверяла Холле и еще меньше доверяла его команде, но, к сожалению, даже с новобранцами, привезенными Дикой, моя гвардия все еще была слишком малочисленной.

После большого количества речей и заклинаний – даже Джинна сподобился на вялую похвалу мне и моим девушкам – мы проследовали через ряды приветствовавших нас солдат. Они желали нам успеха и молились за наше счастливое возвращение. Некоторые из наших товарищей по осаде были настолько переполнены чувствами, что не стеснялись слез. Мы построились на площади перед кораблями, раздался грохот барабанов и пронзительные звуки рожков. Холла Ий приветствовал меня. Он был одет в свою самую лучшую – то есть в самую безвкусную – одежду. Медали покрывали буквально сплошным слоем его широкую грудь. Пока я отдавала ему честь, я искоса осматривала его знаки отличия. Многие из них принадлежали государствам, которым Холла Ий никогда не служил. Я даже сомневаюсь, что эти награды были куплены у торговца. Его мошенническая ухмылка мне совсем не понравилась. Но я решила не придавать ничему

значения и спокойно ждать дальнейшего развития событий. Моя голова была очень тяжелой после длительного недосыпания, все звуки и события я воспринимала в каком-то беспорядке.

– Стража! – крикнула я. Полилло и Корайс эхом повторили мой крик. – Подняться на борт! – Зазвенело оружие, и мои подчиненные стали взбираться на сходни.

Я слышала, как выкрикивает приказы капитан корабля, на котором мне предстояло плыть. Это был еще один жулик по имени Страйкер. Как только мы поднялись на борт, раздались звуки труб. Матросы с нездоровым любопытством разглядывали стражниц. Офицеры и солдаты смешались с моряками. Соленый аромат портового воздуха наполнился запахом застарелого пота. Гребцы с огромными руками и широкими грудными клетками встали у своих скамей и положили весла на воду. Матросы образовали пестрые группы, очень сильно отличавшиеся от остальных. В отличие от офицеров почти все были босыми, а их одежда представляла собой причудливую смесь лохмотьев с роскошью награбленных одеяний. Женские кашне и разноцветные туники вперемену с холщовыми бриджами или даже набедренными повязками. Их шеи, уши, носы, губы были увешаны сверкающими драгоценностями. У некоторых из них на обнаженном торсе я видела даже сверкающие кольца, продетые сквозь соски.

Вид этих дикарей усилил мои сомнения и недоверие ко

всему предприятию. Но тут моя гвардия продемонстрировала уровень подготовки. Они построились на палубах, и Гэмелен пропел свои благословения и молитвы, обращенные к Маранонии. Перед тем как отдать сигнал к поднятию флага, он оторвал кусок от своего рукава и бросил его на палубу. В воздухе появился сладкий запах дыма, красные, зеленые и голубые струйки которого потянулись в разных направлениях. Как только знамя было поднято, дым начал взбираться к нему, поднимаясь все выше и выше. Вдруг Гэмелен крикнул что-то, и с берега налетел сильный порыв ветра, натянувший знамя до предела. Разноцветное облако дыма отступило в западном направлении, и перед нами предстала наша богиня во всем ее великолепии. Все в ней, от золотых сандалий до копья и факела в руках, говорило о том, что это женщина-воин. Легкая кольчуга облегла ее белоснежную тунику, из-под заостренного шлема на плечи струились черные как смоль кудри. Я никогда не испытывала большей гордости, чем тогда под развевающимся над кораблем знаменем нашей богини. Я услышала всхлипывания Полилло и увидела, как Корайс вытирает угол глаза. Я и сама почувствовала щекотание в горле, как будто мне что-то мешало дышать.

Галеры были спущены на воду. Страйкер зашептал странным вкрадчивым голосом, слышимым за несколько ярдов:

– Можно мне отдать приказание к отплытию, капитан Антеро?

Я могла только кивнуть в знак согласия. Еще раз гряну-

ли трубы, снова послышались крики приветствий с берега, и команда корабля закружилась в сумасшедшем прощальном танце. Воздух наполнился неясными звуками приказов и равномерным грохотом весел.

Гэмелен сделал мне знак, и я поспешила к нему. Он протянул мне золотое копье, точно такое же держала наша богиня. Указав в сторону горизонта, он приказал мне бросить копье. Внезапно на меня навалилась усталость и мне стало страшно, – мне показалось, что я не смогу достойно выполнить свою задачу. Но Гэмелен крепко сжал мышцы моей правой руки, и я вдруг почувствовала себя очень сильной. Моя правая половина казалась мне натянутой тетивой, готовой к пуску. Я зафиксировала ноги и отклонилась назад для броска. Гэмелен запел:

Эй, копье!
Лети быстрее
В далекие дали,
Чтобы уже сегодня
Выполнить заветы
Наших богов.

Я вложила в бросок всю силу, и он доставил мне радость. Я размахнулась рукой так, что упала. Но при этом я приземлилась на палубу с ловкостью акробата или танцора. Я увидела, как золотое копье, стремительно прорезая воздух, удаляется в западном направлении. Траектория его полета была

гораздо выше и длиннее, чем мог бы достичь бросок простого смертного. Полет копья напоминал орла на охоте. Вскоре оно исчезло из вида.

Тут я почувствовала сильный толчок, и наша галера тронулась вслед за копьем. Мы удивительно быстро набрали огромную скорость и в сопровождении остальных галер понеслись в море.

С побережья снова донеслось раскатистое «ура!», и я повернулась, чтобы еще раз взглянуть на оставшихся там товарищей и на землю, которая быстро исчезала из виду.

Тут Полилло тронула мой локоть. Я вспомнила, что смертельно устала. Мои веки были очень тяжелы, я уже не могла с этим бороться. Полилло отвела меня в каюту, где я повалилась на гамак и тут же уснула.

Я видела себя снова в объятиях Трис. Это было накануне моего отъезда в Ликантию, мы простили друг друга и занялись дикой, почти яростной любовью. Теперь время близилось к рассвету и моя голова покоилась на ее мягкой груди. Я знала, что это был сон и что этот сон обманывал меня – мы не встречались, было гораздо меньше объятий и вообще это было уже так давно... Но это была сладкая ложь, и я покорилась ей. Я целовала ее похожие на бутоны розовые соски, ласкала стройные бедра, пока они не раскрылись для моих рук и губ. Мне показалось, что я слышу очень нежную музыку Омери, словно все было наяву. Это было реальностью, наполненной любовью, музыкой и романтическими вздохами.

Вдруг раздался звук сильного удара хлыстом, загрохотали копыта, по дороге пронеслась огромная железная колесница. Одна из стен нашего убежища обрушилась, и я предстала совершенно обнаженной перед восседающим на черной колеснице архонтом. Колесница была отделана острыми стальными шипами и лезвиями, в нее были впряжены два огромных черных коня с гигантскими орлиными крыльями. Вдруг разрушенная комната превратилась в палубу нашего корабля. Архонт насмеялся надо мной, стоя в своей колеснице. Холла Ий и его команда смеялись вместе с ним, показывая пальцами на мое голое тело и глумясь над моей женской любовью к другой женщине. Я увидела, что Трис в плену у архонта и ее руки связаны. Тут архонт натянул поводья, крепче прижал к себе Трис и крикнул лошадям. Я рванулась к ним, но было слишком поздно, лошади взвились ввысь, унося колесницу в небо. Я только услышала пронзительный крик Трис и хохот архонта. И больше ничего. Я проснулась Глаза закрыты. Мышцы дрожат после чудовищного кошмара. Вокруг слышны только шум моря и удары весел. Мой грубый гамак покачивался подо мной. Я почувствовала чье-то присутствие. Опасность? Я медленно открыла глаза.

Надо мной стояла Трис. На ней было легкое, как паутина, белоснежное платье. Она улыбалась мне. Вдруг ее глаза зажглись ненавистью, и я увидела, как в ее руке блеснул серебряный кинжал. Она бросилась на меня. Я попыталась увернуться, но гамак помешал мне. Клинок ужалил меня в руку.

Каким-то образом мне удалось высвободиться из гамака, и я упала на деревянный пол. Трис карабкалась ко мне. Я попыталась подняться, но не могла пошевелиться от усталости. Я так устала! Тут-Ничего. Глаза закрыты. Мышцы дрожат. Звуки моря и ветра. Гамак покачивается подо мной. Я чувствую чье-то присутствие. Опасность? Я снова открываю глаза. Корайс улыбается мне.

– Сладкие сны, капитан?

Тяжело вздохнув, я присела, свесив ноги через край гамака.

– Это было похоже на кошмар собаки после неудачной охоты, – сказала я.

Я почувствовала жжение в руке и увидела каплю крови, медленно собирающуюся под небольшой раной. Потрясенная, я смахнула ее.

– Какой-нибудь матрос потерял швейную иглу, – сказала Корайс и провела рукой по краю гамака, отыскивая ее.

– Да, – сказала я с заметным облегчением. – Так оно и есть.

Корайс с интересом посмотрела на меня.

– Разве это может быть чем-либо еще? – спросила она.

Действительно. Ничего другого и быть не могло. Или сон был вовсе не сном. А это невозможно – не так ли?

Я встала, чтобы приветствовать новый день, и через час настолько ушла в наблюдения за новой для меня необычной обстановкой, что совершенно забыла и о сне и о ране.

Первым делом следовало начать поиск следов архонта. Я собрала всех на борту корабля Холлы Ий. У меня было две причины для этого: во-первых, ему четко объяснили, что тут командовала я, и он был крайне этим недоволен, если не оскорблен. Этой встречей я пыталась подсластить его горькое разочарование. Во-вторых, у него была большая каюта. Если беседа станет слишком жаркой и дело дойдет до рукопашной, мне нужно пространство для нанесения ударов мечом. Конечно, я не думала, что это обязательно должно произойти, но если будет нужно напугать его жестом, например хватанием за рукоятку кинжала, он должен знать, что мне ничто не помешает пустить в ход оружие.

Как только я вошла в каюту адмирала, у меня рассеялись последние сомнения – передо мной пират и наемник. Его жилище выглядело таким же кричащим и непристойным, как гостиная куртизанки – все предметы обстановки были во вкусе уличной девки. Настенные портьеры и ковры резали глаз немыслимыми сочетаниями цветов. Комната была просто набита предметами, инкрустированными драгоценностями, назначение которых было самым разнообразным. Клянусь, что непонятной формы предмет, украшенный перьями и с усеянной редкими камнями ручкой, представлял собой аппарат для занятий сексом. Повсюду лежали покрывала и кружева самого высокого качества. Во всем чувствовалась непристойность и низкий вкус. Драпированные полочки были уставлены статуэтками, многие из которых самым вуль-

гарным образом изображали сексуальные сцены. По всей каюте были разбросаны огромные подушки, которые также были декорированы неприличными рисунками. Один из них был особенно хорош, он изображал двух женщин, занимающихся любовью. Одна из них была невероятно похожа на Трис. В центре каюты стоял широкий стол из темного полированного дуба. Вокруг стола были расставлены кожаные кресла, одно из которых отличалось огромной высотой. Понятно, что оно принадлежало адмиралу. Я прошла к нему и села. Не было смысла особенно радовать Холлу Ий. Он нахмурился, но я с видом полного безразличия и превосходства стала осматривать его владения. Я – дочь моего отца, и хотя я и выбрала солдатское ремесло, я владела и коммерческими уловками, чтобы получить то, что мне нравилось. Адмирал направился к месту по правую руку от меня. Оно было расположено как раз под украшенным витиеватой резьбой окном, и это было для него большим преимуществом, так как его лица во время беседы не было бы видно. Однако Гэмелен одним скачком скользнул в кресло первым. Он подмигнул мне, затем торжественно взглянул на Холлу Ий, с видом мертвенно-бледной статуи, встряхнул головой и обратил свое внимание на Фокаса, капитана корабля Холлы Ий, разворачивавшего большую карту. Чин, который, как и все остальное во флоте, был чем-то совершенно отличным от того, к чему я привыкла. Например, Холла Ий был адмиралом и командовал всеми кораблями. Но на корабле Фо-

каса он был фактически почетным гостем, а командовал кораблем Фокас. Точно так же и на нашем корабле – Страйкер был капитаном, Клисура был младше его по званию и выполнял обязанности штурмана, за гребцами следил Дюбан. В чем состояли обязанности Страйкера, помимо принятия благородных поз на юте и упорного усложнения моей жизни, я так и не поняла.

При виде карты Фокаса я тут же позабыла обо всем. Наше предприятие представилось совершенно невыполнимым. На запад от Ориссы и Ликантианского полуострова простиралась огромная территория, которую я даже не могла себе представить. Я видела подобные карты у моего отца и на уроках Амальрика. Правда, я никогда не могла представить свое положение по этой карте. Я могла найти знакомые названия портов и город, где жила моя семья. Но теперь по воле картографов эти порты и города превратились в маленькие значки, предупреждающие о возможных встречах с демонами зла или обозначающие гиблые места, испорченные чарами черной магии. Но основной причиной моего потрясения было само море. Оно было таким огромным, что, казалось, готово поглотить те маленькие кусочки суши, которые еще сумели устоять перед его величием. Море простиралось до самого края западного участка карты. Земля здесь не была изображена, просто дальше этого места никто не плавал. Расстояние было пугающим.

Фокас нацарапал знак на холсте – всего лишь на ширину

пальца на запад от Ликантии. Объяснений не потребовалось – было и так понятно, что это наше положение на тот момент, практически у самой восточной точки карты.

– Они нас опережают на два дня, – мрачно сказал Холла Ий. – Море и ветер все это время были очень благоприятны для них. Тем не менее они не могли уйти дальше этого участка...

Он поместил два пальца напротив нашей позиции. Фокас отметил эту точку, а адмирал, отступив в сторону, обрисовал круг. Где-то внутри этого круга находится наш враг. Но *мы* не можем точно знать, плывем ли мы в правильном направлении или нет. Если нет, то архонт уносится от нас с каждой минутой все дальше и дальше.

– Я думаю, можно быть уверенными, что он все еще(плывет на запад, – сказал Гэмелен. – Колдовство, которым я пытался ускорить наше преследование или задержать их бегство, наталкивалось на противодействие заклинаний, которые могли исходить только от нашего старого друга. И это влияние исходит из той части горизонта, куда мы движемся.

– В этом случае выбор западного направления представляется единственно логичным, – сказала я.

Фокас засмеялся.

– По жребию выходит запад, – сказал он язвительно. И? указав на карту, добавил: – Больше всего вам нравится смотреть на запад.

– Соблюдай приличия, – отрезал Холла Ий.

Фокас побледнел. Адмирал был в бешенстве. После встречи с Джинной я знала, что с подачи Гэмелена и других симпатизирующих мне офицеров Джинна возложил всю вину за бегство архонта на Холлу Ий. Он был обязан заблокировать выход из порта. Более того, Джинна заявил ему, что премия за участие в военных действиях не будет выплачена до завершения экспедиции. Больше того, до нашего возвращения трофейная добыча из Ликантии не распределялась между наемниками. Я ожидала, что он взбесится, услышав последнее решение, но он только обменялся с Джинной странным взглядом и, казалось, вполне держал себя в руках. Возможно, что между ними была личная договоренность. Похоже, что Джинна обещал Холле Ий компенсировать все эти неприятности, в том числе за принятие на себя вины за бегство архонта. По правде говоря, Джинна как командующий заслужил самую низкую оценку в связи с этим провалом. Гэмелен смягчил напряженность.

– Предоставим нашему врагу разрешить эту дилемму, – сказал он.

Маг достал черную шкатулку с талисманом – сердцем архонта.

Холла Ий и Фокас забеспокоились при его появлении. Они слышали о талисмане, и вид предмета такой магической силы испугал их.

– Я бы попросил у вас компас, – сказал Гэмелен.

– Простите? – Холла Ий от изумления раскрыл рот, как

будто только что вынырнул на поверхность.

– Будьте любезны, компас, – повторил Гэмелен.

Моментально компас был найден. Гэмелен поместил шка-тулку на круг, нарисованный Фокасом, и сверху положил компас. Затем он попросил тишины – онемевшие от потрясения пираты и не нуждались в предупреждении. Гэмелен не пел и ничего не говорил, по крайней мере вслух, не призывал богов на помощь.

Гэмелен полностью сконцентрировал свой взгляд на шка-тулке. Его желтые глаза пылали как солнце, и казалось, вся комната осветилась его внутренним светом. Его тяжелые вздохи, перешедшие в низкое гудение, привели к вибрации шкатулки. Тут шкатулка засветилась своим светом. Стрелка компаса затряслась и бешено закрутилась, один раз, два, на третьем круге в какой-то момент она застыла на полпути, как будто ее остановила чья-то рука.

Гэмелен отступил назад. Свет в его глазах начал блекнуть, пока они не стали своего обычного желтого цвета. Он вытер пот со лба и указал на стрелку компаса, которая трепетала и, казалось, была готова двигаться дальше.

– Следуйте за ней, – сказал Гэмелен, – и мы настигнем нашего врага.

Компас показывал точно на запад. Ий говорил со мной, и я отвечала на все вопросы. Но все происходящее, казалось мне, находилось в каком-то тумане. Я не могла отвести взгляд от стрелки компаса и огромного расстояния на карте.

Я видела все знакомые места. Трос, богатый город, с которым торговали несколько поколений моей семьи. Савиа, известная своими винами. Тырган – город, где умели вытачивать острейшие клинки. Луанджи со своими богатейшими стадами, покрывавшими побережье на протяжении многих миль. За ним лежит Джейпур, портовый город, куда ежедневно прибывают караваны с шелками, пряностями и волшебными сокровищами из мест, о которых можно было бы подумать, что они существуют только в легенде, если бы не эти товары. Следующий город – Лаозия, где семья Джейхана держит в своих руках рынок слоновой кости и прекрасного черного дерева такой прочности, что оно превосходит даже сталь.

На противоположном побережье я увидела Редонду и рядом опоясывающие побережье практически непроходимые горы царства Валарои. За этими горами лежит огромная пустыня, где живут дикие племена наездников. Мы знаем о них только по их богатым коврам и сладко пахнущим маслам, которые мы жжем по случаю праздника. Далее на запад располагается Тигровая бухта, названная так не из-за зверей, а за окраску жемчужин, создаваемых моллюсками, обитающими в этих местах. Бусы из этих камней не имеют равных по красоте. Я знала эти места так же хорошо, как о них знает любой школьник. Но территории, расположенные за этой речкой – Жасминовые острова, Коралловое море, Имбирная река и Лимонное побережье, – все это мне было неизвестно.

Самый прекрасный момент, часто говорил мой брат, когда путешествие начинается. Потом следует скучный период дорожных размышлений, после этого остается только отмечать ежедневные происшествия. Моего брата стоит слушать в подобного рода вещах, так как он был первым человеком, дошедшим до Далеких Королевств. Хотя теперь у меня были хорошие шансы превзойти его.

В тот день в каюте Холлы Ий мои приключения начались на самом деле. В то мгновение я точно знала, что до окончания этого путешествия я увижу все эти места на карте своими глазами. Я перевела глаза на край карты, туда, где еще никто не бывал. И я подумала, что могу увидеть и эти места. Я не испугалась этой мысли, писец. И так как я обещала говорить только правду, должна признаться, что некоторое время я не помнила ни об архонте, ни об угрозе, которую он представлял. Я была полна каким-то приятным томлением. Я хотела узнать, я должна была узнать ответ на загадку, поставленную картой: что лежит вне ее пределов?

Впервые в жизни я поняла, какое счастье и какое проклятие быть путешественником, как Янош Серый Плащ и, увы, мой брат, хотя он себя таковым не считал.

Смущенная открытием в себе таких новых желаний, которые я и не предполагала в себе обнаружить, я взглянула на Гэмелена. Казалось, какая-то тень упала между нами. Эту тень я уже где-то видела, и с запахом, который вдруг ударил мне в нос, я когда-то уже встречалась. Мне показалось, что

я слышу женский шепот. Я сильно тряхнула головой, тень исчезла, и ко мне вернулось нормальное зрение. Я увидела Холлу Ий и Фокаса, поглощенных планом. Но старый колдун не отрываясь смотрел на меня.

– У тебя было видение? – спросил Гэмелен. Я покачала головой, отвечая отрицательно. Но запах сандалового дерева, стоявший в комнате, указывал на то, что это была неправда.

Мы следовали за архонтом, постоянно сверяясь с показаниями волшебного компаса. Когда стрелка отклонялась, мы тут же меняли курс. Когда она возвращалась в прежнее положение, мы делали то же самое. Мы не знали, были ли эти изменения связаны с тем, что наш враг чувствовал, что мы догоняем его, или же это были просто беспричинные изменения курса. Но никто не сомневался, что погоня была настоящей. Архонт был впереди – это мы точно знали; в нескольких милях или в нескольких днях пути.

К сожалению, восторг от погони становился все меньше с каждым днем, и постепенно мы вошли в обычный ритм морской жизни.

Время шло, и я начала понимать, что эти корабли станут нашим полем битвы, а я о них знала так же мало, как о битвах на льду. Я решила стать специалистом в области мореходства. В любой момент, если будет угодно Тедейту, корабли архонта могли появиться перед нами. Самым скучающим человеком на судне был некий помощник капитана – ранг, как я вскоре поняла, аналогичный сухопутному квартирмей-

стеру. Отличием было только то, что квартирмейстер, кроме болтовни о веревках и чайниках, может заняться еще твоим размещением на постой, этот же молодец занимался только рассуждением обо всем – от канатов до абордажных сабель, – кроме соленого океана вокруг нас.

Для тех, кто хотел бы узнать побольше о мире, в котором мы теперь находились и в котором нам предстояло провести еще неопределенно долгое время, а некоторым из нас и остаток жизни, сообщаю некоторые детали.

Наши галеры были известны под названием «длинные гонцы» и предназначались, как гордо сообщил мне помощник капитана, для самых различных целей – от подъема вверх по рекам до захвата и разграбления торговых судов, набегов на морские порты или совершения долгих морских рейдов в далекие страны. Даже при проходе по мелководью, рассказывал он нам, хотя мы и сами это заметили, эти корабли качает, при любом ветре и любом море. На самом деле их качает даже когда они стоят в доке, поэтому у хорошего галерщика должен быть очень крепкий желудок. Со стороны приступы морской болезни выглядят чрезвычайно смешно, пока это не случится с тобой самим. Корайс поинтересовалась, остаются ли ощущения столь же сильными, если их испытывать через каждые двадцать восемь дней. Но я не ответила на шутку своего легата.

Каждая галера была около ста футов в длину и двадцати футов в ширину. Осадка судна была не более трех фу-

тов, что помощник капитана называл плавучестью. На каждом корабле было по три офицера: капитан, штурман и надсмотрщик за гребцами. Ниже их стояли помощники, которые являлись чем-то вроде наших сержантов. «Помощниками» называли также корабельных мастеровых – плотников, столяров и других. Команда гребцов составляла пятьдесят человек, которые в некоторых случаях брали по два весла, и тогда эффект их работы удваивался. Было еще пятнадцать хорошо обученных матросов, которые считали себя элитой и не притрунулись бы к веслу, даже если бы корабль несло на скалы. Кроме того, корабль мог принять почти любое количество солдат для перевоза во время войны, но в мирное время, под которым Холла Ий подразумевал пиратство, только около двадцати пяти моряков – солдат с некоторыми мореходными навыками – принимали участие в плавании в качестве ударной силы.

Каждая галера имела главную палубу, которая была открытой, и нижнюю – для сна и укрытия в плохую погоду. Погода должна была быть очень бурной, чтобы захотелось туда спуститься, так как эта палуба была очень тесной и темной. При росте больше пяти футов там можно было двигаться только в полусогнутом состоянии, иначе был очень хороший шанс удариться обо что-нибудь головой. Мы спали в гамаках, которые приносили вниз каждый день и складывали там. Ночью мы вешали их в самых разных местах, где было больше места. Верхнюю палубу можно было затемнить

в жаркую погоду парусиновым тентом, и самым приятным было лениво развалиться под этой яркой полосатой материей на легком ветерке, и требовались большие усилия, чтобы встать на ноги и снова приняться за выполнение упражнений с мечом или копьем.

Сверху и впереди, над лезвиеподобным носом корабля, на некотором возвышении была расположена еще одна палуба, откуда было удобно начинать атаку в случае битвы. В кладовой, расположенной под ней, хранились оружие, запасной парус, канаты, бочки с водой, пища и другие припасы.

На корме возвышалась еще одна палуба, называемая ютом. Отсюда производилось командование галерой и управление рулем с помощью длинного каната. Под этой палубой располагались роскошные отдельные каюты офицеров.

Длинная узкая палуба около трех футов шириной простиралась непосредственно над главной и соединяла две высокие палубы. Она называлась штормовым мостиком и служила не только проходом над ударяющимися о главную палубу волнами, но и для большей прочности корпуса корабля.

Каждая галера несла две мачты с треугольными парусами, под которыми обычно шел корабль. Если же ветер дул в лоб или было необходимо набрать скорость, паруса опускались и в ход пускались весла.

Камбузом служила постройка на нижней палубе. Пища готовилась одним человеком в огромных котлах, а затем пе-

редавалась в кубрики для дальнейшего распределения. В каждом кубрике жило по десять моряков, посуда которых хранилась в большом сундуке вместе с приправами – их каждый был волен выбирать и оплачивать из собственного кармана. Моряк был свободен в выборе кубрика, так же как соседи имели право принять или отказать ему.

Отхожее место представляло собой легкое сооружение, выдвигавшееся над кормой по необходимости. Купание – с ним дело обстояло следующим образом: как сказал помощник капитана, острый нос дает скорость, но благодаря волнам вам покажется, что вы половину времени купаетесь.

Вот и все. Каждая галера была приспособлена только для двух целей – скорость и война. Все остальное ее создателей не интересовало. Я проводила время в прогулках и зарисовках корабля до тех пор, пока не узнала всех деталей его конструкции. После этого меня заинтересовал другой аспект – как этот корабль управляется и используется в битвах. И это исследование продолжалось до окончания нашего похода.

Я собрала всех своих офицеров, и мы приступили к обсуждению ведения битвы с этих галер. Холла Ий и один из его подчиненных выступили, но из их речей мало что удалось почерпнуть. Морская битва ведется так, как если бы каждый корабль представлял собой фургон, набитый пехотой, атакующей другие фургоны, или, что более похоже, группы маленьких вражеских фортов, окруженных рвами. Поначалу мы должны нанести как можно больше поврежде-

ний при сближении с противником с помощью наших катапульт и даже волшебства – это дело нашего мага. Затем подходим максимально близко к неприятелю, и по сигналу наши стражницы прыгают на его корабль и бьются с его солдатами. Кто-то из нас одерживает победу, победителю достается корабль, если он еще способен держаться на плаву, а побежденный становится обедом акул, которые уже сейчас шли в кильватере за нами.

Существует несколько приемов: от тарана «вороньим клювом» до забрасывания abordажных сетей, обо всем этом я расскажу в свое время. Но в общем разница между штурмом корабля и штурмом крепости не очень большая. Пехота остается пехотой что на суше, что на море.

Мы с Корайс потом тихо обсуждали то, что нам удалось узнать. Нам казалось, что чего-то недостает. Вся тактика морской битвы напоминала драку двух слепых пьяниц. Мы пытались придумать что-нибудь новое, но не могли.

Как показало время, мы оказались правы, и читатель об этом узнает немного позже.

Если бы не разбойничий вид команды и постоянные упражнения в фехтовании, наше путешествие было бы даже приятным. Спокойное море посверкивало на солнце, легкий бриз надувал наши паруса, дни тянулись спокойно и лениво, а ночи были чрезвычайно романтичны. Попутный ветер делал греблю легкой. Мы не отставали от врага, но и не догоняли его. Вскоре стало понятно, что проиграет тот, кто

допустит первую ошибку. Гэмелен и архонт объявили между собой негласное перемирие, экономя силы для решающей схватки. Гэмелен постоянно ожидал внезапного нападения и уверял меня, что архонт поступает так же. Мы считали, что преимущество на нашей стороне – у нас было больше людей и припасов, рано или поздно должен был настать день, когда им придется пристать к берегу, чтобы набрать воды.

Мои женщины вели себя лучше, чем я рассчитывала. Те, кто тосковал по дому и семье, находили утешение в изучении мореходной науки. Дружба между стражницами укрепилась, многие нашли себе новых любовниц, некоторые оставались верны своим покинутым возлюбленным. Среди приближенных ко мне Исмет продолжала довольствоваться своей собственной компанией, Корайс позволяла себе только легкий, несерьезный флирт, а Полилло безумно, с тяжелыми вздохами ухаживала за маленькой блондинкой Невстрией, которая недавно тоже стала легатом. Сначала Невстрия была скромна и застенчива, потом в течение двух дней они пожинали плоды любви в любом мало-мальски уединенном уголке, а потом рассорились и поклялись никогда не разговаривать друг с другом. Последний раз я видела Полилло довольной, когда ей удалось перерезать глотки двоим ликантианцам с интервалом в пять минут. Что касается меня, я не могла позволить себе влюбляться в людей, которыми командовала, да и Трис всегда стояла между мной и любой другой женщиной.

В течение многих дней море оставалось спокойным. Каж-

дое утро мы видели перед собой пустынный горизонт, манивший нас вдаль, и каждый день заканчивался ярким алым закатом. Старые моряки говорили, что такое огромное красное солнце вечером обещает прекрасный день на завтра.

Глава шестая

РАССКАЗ ВОСКРЕСИТЕЛЯ

Проходили дни, и я все больше и больше сближалась с Гэмеленом. Поначалу это доставляло мне некоторый дискомфорт, так как я все еще питала недобрые чувства к воскресителям за их участие в убийстве моего брата Халаба. На самом деле Амальрик помирился с магами Ориссы и освободил нас от колдовской тирании, подарив им привезенные из дальних стран знания. Но я с ними не мирилась и сомневаюсь, что когда-либо пошла бы на это, если бы не Гэмелен. Я не из тех, кто легко прощает, особенно если была пролита кровь.

Все изменилось в день, когда мы увидели приближающуюся ледяную глыбу. Такое чудо редко встретишь в наших широтах, но иногда, как рассказывают путешественники, течение выносит их в эти моря с холодного юга, где они рождаются. Глыба была огромной, примерно размером с фермерскую усадьбу. Она имела острую вершину и зубчатую поверхность. С одной стороны теплая вода вымыла в ней огромную розовую полость. Все мы были поражены размерами айсберга. Группа смельчаков отправилась в небольшой лодке и вернулась с большим куском розового льда. Я положила немного льда в бокал вина, и оно весело заискрилось и забурлило.

Пока мы проплывали мимо, я перемещалась по палубе, чтобы лучше разглядеть ледяную громадину. Я была настолько поглощена, что чуть не перекувырнулась через Гэмелена, который что-то проделывал на перилах. После взаимных извинений в неуклюжести я увидела два ведра морской воды с несколькими толстыми рыбами. В руке Гэмелен держал крепкую веревку с прикрепленными к ней отвратительными крючками. Колдун быстро нагнул голову, когда я увидела их, но продолжил насаживать наживку.

Я расхохоталась.

– Так вы – рыбак? И, как видно, неплохой! Я думаю, что, когда маги рыбачат – правда, раньше мне не приходило в голову, что они вообще это делают, – они шепчут заклинания. Или льют какое-нибудь злодейское зелье в воду, для убийства рыб.

– Когда я был учеником, – ответил Гэмелен, – меня учили, что первое правило волшебника – никогда не пользоваться своим искусством без необходимости.

– Еда необходима, – заметила я.

Гэмелен покраснел. Даже несмотря на длинную седую бороду и морщины, он выглядел совершенно как мальчик. И если бы у меня была хоть какая-нибудь склонность к материнству – которой у меня, к великому возмущению Трис, не было, – я бы прижала его к груди. Он пожал плечами.

– Я бы не хотел, чтобы об этом кто-либо узнал, – сказал он, – но мне нравится рыбачить. По правде говоря, я когда-то

был рыбаком. Моя семья говорила, что, когда я вырасту, я стану лучшим рыбаком в Ориссе.

Я была удивлена так, как если бы он выхватил из рукава демона и назвал бы его сестрой.

– Рыбак? Вы?

Он улыбнулся и бросил веревку.

– Это действительно выглядит странным? – спросил он. – Как и все, я где-то родился и имею полный набор родителей и родственников.

– Но каким образом рыбак стал волшебником? Более того, верховным воскресителем Ориссы?

Наступила довольно долгая пауза. Я наблюдала, как веревка резвится возле льда. Затем он сказал:

– Мои водные приятели нашли там себе убежище. Как только я увидел этот лед, я знал, что рыбалка должна удался.

Я позволила ему сменить тему. Было ясно, что он чем-то смущен. Я сказала:

– А я думала, что холод должен был бы отпугнуть их.

– Я никогда не сталкивался со льдом, – ответил Гэмелен. – Но когда я увидел эту ледяную глыбу, я подумал, что рыбы должны найти счастье под ней. Не только потому, что там можно спрятаться, но и потому, что там легче с пищей. Не спрашивай, как я об этом догадался. Просто я знал, и все.

– Магия? – настаивала я.

– О нет. Просто я... неожиданно почувствовал себя рыбой. И я знал, что мне бы там понравилось.

Веревка вздрогнула, еще раз и еще. Я не успела и вздохнуть, как он уже боролся с ней. Я потянулась, чтобы помочь, но он действовал так умело, его руки выглядели такими уверенными и сильными, как будто он играл с ней. И я передумала. Через несколько минут на палубе лежала, издавая последние вздохи, огромная рыба.

– Ну вот видишь? – сказал Гэмелен.

– Я никогда не имею ничего против обеда, – ответила я.

– В таком случае, – сказал он, – почему бы тебе не составить мне компанию сегодня вечером? Обещаю, что обед тебе понравится.

Я приняла его предложение, понимая, что это больше чем приглашение поесть.

Этой же ночью я отправилась в маленькую каюту плотника, которую тот уступил воскресителю. В каюте было множество самых разнообразных странных амулетов, священных книг, пузырьков, кувшинов, мешочков с волшебным содержимым. Но самым интересным здесь мне показался запах рыбы, готовящейся над маленькой жаровней. Я очень проголодалась, и мы принялись за рыбу без всяких предисловий.

Когда мы закончили, я ослабила ремень и вздохнула:

– Если бы вы мне сказали, что в прежней жизни были главным поваром в какой-нибудь богатой ориссианской семье, я бы вам сразу поверила.

Я взяла последний кусок рыбы.

– Я вижу, у вас много талантов, воскреситель.

Гэмелен рассмеялся.

– Я готовил при помощи магии, – признался он. – Я соблазнил маленького демона из кухни одного волшебника за кучу меди. Мы с ним договорились, что я дам ему столько, сколько он сможет унести, а за это он приготовит рыбу.

– Я думала, что колдовство используют только а важных целях, – пошутила я.

Гэмелен улыбнулся сквозь бороду.

– Еда – это очень важно, – сказал он.

Я подняла бутылку бренди, которую принесла с собой.

– Если тут найдутся две кружки, мы сможем отведать и это произведение духов. После нескольких глотков вы, возможно, перестанете стесняться своего рыбацкого прошлого.

– Я не стеснялся, – сказал он, принеся бокалы и наполняя. Мы выпили. – На самом деле, – продолжал Гэмелен после нескольких глотков, – я считал, что беседа должна пройти в более спокойной обстановке. Так как это имеет отношение и к обстоятельствам твоей жизни.

Я удивилась.

– Моей жизни? Каким образом?

– У тебя есть дар, – безапелляционно произнес он.

– Ерунда, – сказала я, несколько рассердившись. Я не нуждалась в объяснении. – Все, что я умею, тяжело давалось мне в физических упражнениях.

– Можешь не соглашаться, если не хочешь, Рали, – ответил Гэмелен. – Я знаю, что это правда. Помнишь бросание

костей в палатке Джинны? Это было гораздо больше, чем просто навыки бойца и удача, которая позволила тебе убить одного из архонтов и заставить другого бежать. Говорю тебе, такое обычному человеку не под силу.

– Да я терпеть не могу колдунов, – гневно сказала я. – Включая и эту компанию, если разговор принимает такой поворот.

Гэмелен не обиделся.

– Твой брат Халаб обладал даром. Или ты и это станешь отрицать?

Я не стала спорить. По словам Амальрика, если бы Халаб остался жив, то он стал бы одним из самых великих воскрешителей в истории. Но воскрешители, до того как Амальрик смирил их, завидовали силе Халаба и постарались, чтобы он провалил смертельное испытание на колдовские умения.

– Он был единственным в моей семье, у кого был дар к магии, – сказала я.

– В самом деле? – усмехнулся Гэмелен. – Я чувствовал небольшие способности и у самого Амальрика. Вот тебе еще один.

Я яростно потрянула головой.

– Не верю. Кроме того, если это так распространено в семье Антеро, почему таких не было в прошлых поколениях? Таких же сильных, как Халаб?

– А ты уверена, что не было?

– Конечно. Никого в семье моего отца...

Гэмелен прервал меня.

– Я знаю. А что касается твоей матери и ее семьи?

Я промолчала. Я никогда не была уверена относительно матери. Иногда мне казалось, что она живет в некотором отдалении от нас. Как если бы она была на... более высоком уровне? А ее семья... Она редко говорила о своей родне. В той маленькой деревне, где ее встретил и полюбил мой отец...

– Я не знаю, – наконец сказала я. Но мой голос прозвучал так тихо, что я сама с трудом слышала себя.

– А я знаю, – сказал Гэмелен. – Вот почему мои братья волшебники с такой осторожностью относились и к твоей семье. Я гадал однажды и выяснил, что твоя бабушка была известной ведьмой, ее хорошо знали в окрестных деревнях, так же как прежде ее мать.

Я восприняла это как правду. Зачем ему врать? Но мне это не понравилось.

– Тем не менее, – сказала я, – все это не может означать, что и я была этим проклята.

– Ты будешь этим проклята, – ответил Гэмелен. – Если будешь продолжать бороться с этим. Твое поведение сейчас может привести только к трагедии. И не только для тебя. Но и для окружающих.

Я не отвечала. Что-то оборвалось во мне, я была полна смятения и страха. Я осушила бокал и снова наполнила его.

– Сейчас ты услышишь мою историю, – сказал Гэмелен. –

Так как ты должна узнать, что человек, которого ты видишь перед собой, это не тот человек, которым я стремился стать всей душой.

Я выпила... и начала слушать.

— Я родился в рыбацкой лодке, — начал он. — Все в моей семье были рыбаками. Они жили на благословенной реке с тех времен, когда Орисса была еще деревней.

Я знала о людях, которых он описывал. Они проводили всю свою жизнь на реке, выходя на берег только для ремонта лодок, продажи рыбы и покупки необходимых вещей. Ночью они привязывали свои лодки друг к другу, получался такой маленький город на воде, где люди переходили из лодки в лодку так же легко, как от дома к дому. Иногда, поздно ночью, я слышала их смех, звуки их любимой музыки. Они всегда казались такими свободными от забот, что в некоторые моменты я страстно желала присоединиться к ним и оставить город ради реки.

— Река в нашей крови, — продолжал Гэмелен. — Нет, она и есть наша кровь. Река поддерживает нас и бережет от бед. Это наша еда, наше питье, наше... все. И река всегда полна чудес — временами опасных чудес, так что там не бывает скучно. Никогда не известно, что она таит в своих глубинах. Для этой жизни я был рожден. Такой жизни я желал для себя более всего на свете. И до сих пор я продолжаю мечтать о ней.

Он выпил и задумался.

– Но у меня был дар, – сказал он. – Сначала его никто не замечал. Но еще когда я был совсем маленьким, если я до-трагивался до самой запутанной сети, клубки распадались и сеть становилась такой же, как в день, когда ее только сде-лали. Были и другие знаки, мелкие поначалу. Моя семья и друзья обнаружили, что, если они теряли какие-либо пред-меты, нужно было только спросить меня и я немедленно на-ходил их. Иногда, когда у меня были минуты детской ярости, огонь в очаге мог подняться до пугающих размеров. Предме-ты расшвыривались без чьего-либо видимого участия. Стек-ло могло разбиться безо всякой причины. На дне лодки мог-ли вдруг раздаться какие-то стуки, как будто кто-то сигна-лил оттуда.

– Ну вот видите! – вскричала я. – Ничего подобного со мной никогда не случилось! Так что я не более чем простая смертная.

Гэмелен, не обращая внимания, продолжал. Сначала его семья гордилась, особенно, когда выяснилось, что его при-косновения могли излечивать маленькие раны. Его странный дар плюс многообещающие способности рыбака, всегда воз-вращающегося с уловом и знающего рыбные заводы в труд-ные времена, сделались предметом зависти друзей и знако-мых. В восемнадцать лет его будущее было обеспечено. Отец намеревался дать ему собственную лодку, и все были соглас-ны, что Гэмелен в один прекрасный день станет первым. За-тем он влюбился.

– Я помню Райану как самую красивую девушку, о которой только может мечтать мужчина. Мы верили, что никогда не бывало таких влюбленных, как мы, и могли поклясться, что боги, создавая нас, задумали, что никто из нас не будет целым человеком, пока мы не объединимся навсегда.

Пока он задумался, я снова наполнила бокалы. Затем он сказал:

– Я думаю, большинство людей посчитало бы это обычным проявлением нашего возраста. Но я так не думаю. Скоро выяснилось, что боги солгали. У них были другие планы.

Я подумала о своей давно ушедшей Отаре и чуть не зарыдала, вспомнив, что такое любовь и что такое быть любимой такой полной любовью.

– В один прекрасный день произошла катастрофа. Одна городская девушка, катавшаяся на лодке со своей семьей, свесила руку в воду, в то время как идиот, управлявший их судном, слишком приблизился к торговому кораблю. Руку оторвало. Моя лодка первой откликнулась на ее крики. Я до сих пор помню ужас и боль на ее лице в потоке крови. Она кричала мне: «Но мне только шестнадцать!» Я увидел оторванную руку, схватил ее и прижал к ране. Затем я стал молиться, о, как я молился! Я не знал кому, но все, о чем я мог думать, это была несчастная девушка, в которой жизнь угасала. Я услышал крик, затем рыдания, открыл глаза и увидел, что она снова здорова. Рука на прежнем месте, и такая же, как и была. Ее семья благодарила меня и просила сказать мое

имя. Чудо потрясло меня, я был испуган и, впрыгнув в лодку, помчался прочь так быстро, как только позволял парус.

Через несколько дней Гэмелен впервые встретился с воскресителем.

— Для мальчика с головой, набитой всякими глупыми представлениями, этот человек был не очень привлекательным, — сказал Гэмелен. — Я ожидал увидеть нечто похожее на то, какой я сейчас сам. Старый. Бородатый. С глазами, замораживающими все живое, попадающее на пути.

Я взглянула в странные желтые глаза Гэмелена. Сейчас они были такими же добрыми и теплыми, как огонь в кухонном очаге.

Гэмелен поймал мой взгляд.

— Они слабеют, — сказал он.

Я рассмеялась, затем успокоилась. История становилась все более интригующей, и я забыла о собственных проблемах.

— Но вернемся к моему первому воскресителю, — продолжил Гэмелен. — Он был молод, красив и богат, и он был братом спасенной девушки. Его звали Юлоор, он имел не очень большие способности, но огромные амбиции. Он хотел наградить меня за помощь сестре, поддержав меня перед Советом воскресителей. Вскоре я буду носить рясу колдуна и буду уважаем всеми в городе. Но мне этого не хотелось. Я знал, что, однажды покинув реку, я никогда не смогу туда вернуться. Юлоор выслушал меня, но сказал, что это не большая

жертва, что моя семья будет иметь большие выгоды, если я на нее пойду. Гораздо более важен мой святой долг перед жителями Ориссы, я не должен растрачивать свой талант, дающийся столь не многим. Он обхаживал меня и мою семью до тех пор, пока я сам не поверил, что у меня нет иного выхода. Поступить по-другому – это обречь себя и семью на беды и страдания, вызываемые присутствием во мне чудесного духа, который будет рвать и грызть меня изнутри, чтобы выйти на свободу. В конце концов я согласился.

– Я полагаю, Юлоор видел в вас выгоду для себя, – сказала я. – Истинный подарок здесь был сделан ему.

– Совершенно верно, – сказал Гэмелен. – Он стал моим учителем, и, пока я поднимался вверх в познании и обретении силы, он поднимался со мной. Он умер не так давно. Он был счастливым человеком.

– А как же Райана? – спросила я.

– Она была потеряна для меня, – ответил он. – Наш брак был запрещен. Кроме всего прочего, как может воскреситель жениться на рыбачке?

– Вы даже не спорили? – воскликнула я. – Не боролись? Гэмелен вздохнул.

– Но это было безнадежно. Мне было ясно сказано, что произойдет с ней, если я буду продолжать проявлять неповиновение. Я думаю, что эта потеря – одна из причин того, что я смог достичь столь многого. Я больше никогда никого не любил. Поэтому меня ничто не отвлекало от занятий, по-

ка они не поглотили меня целиком и во мне ничего не осталось от рыбака. Только колдун...

Я сказала:

– И вот такую жизнь вы хотите предложить мне? Я счастлива быть тем, кем являюсь.

– Так ли это, Рали? – спросил он.

Я вспомнила сон об измене Трис. Поэтому я не смогла ответить «да».

– В любом случае счастье рядом, – сказал Гэмелен. – Ты должна следовать своей судьбе, или будешь страдать от последствий.

– Последствий? – взвилась я. – Это то, о чем говорил ваш лживый друг Юлоор?

Гэмелен вздохнул:

– Эта часть его слов совсем не была ложью.

– Я – солдат, – сказала я тихо. – Ничего более. – Мои слова прозвучали невнятно. Я была пьяна. И вовсе не от алкоголя.

– Ты подумаешь об этом? – спросил Гэмелен.

– Это все, что я сделаю, – сказала я. Я была полна злости и ненависти.

– Завтра мы продолжим наш разговор, – сказал Гэмелен.

Я ничего не ответила. Но я думала, что если у меня действительно есть волшебная сила, то завтра никогда не наступит.

На самом деле оно наступило, писец, но день прошел совсем не так, как представлял себе каждый из нас.

Каждый день, после полуденного наблюдения, Гэмелен отправлялся на лодке к галере адмирала, чтобы уточнить курс флота архонта. Навигационные приборы сверялись с магическими действиями Гэмелена, и таким образом устанавливались точные координаты. Сигнальные флаги объявляли курс, и каждый корабль делал необходимые поправки.

В тот день, однако, обычный порядок был нарушен. Мы с Корайс обсуждали успехи новобранцев, как вдруг с наблюдательного поста раздался крик. Я оглянулась и несколько удивилась, увидев, что визит Гэмелена к Холле Ий неожиданно сокращен и его маленькая лодка направляется к нашему кораблю. Мы с Корайс лениво подошли к перилам, чтобы посмотреть на происходящее. Казалось, что стряслось нечто необыкновенное – Гэмелен нетерпеливо показывал на наш корабль и торопил своих гребцов.

– Колдун спешит, – задумчиво произнесла Корайс. – Это редко сулит что-нибудь хорошее.

Я услышала крик Полилло и увидела в пятидесяти ярдах от носа лодки Гэмелена огромную птицу с жесткими крыльями, борющуюся с морским ящером за огромную рыбу. Гэмелен был вне опасности, поэтому я сразу заинтересовалась битвой между двумя столь невероятными противниками. Вся команда была поглощена этим зрелищем.

Ящер был в два раза больше меня, но птицу это не смущало. Она держала рыбу в тяжелом загнутом клюве и была близка к тому, чтобы взвиться вверх со своей добычей. Жи-

вотные крепко держали рыбу с обоих концов и тащили ее в разные стороны.

– Ставлю на птицу один серебряный, – закричала Полилло.

Но никто не откликнулся, положение крылатого существа всем казалось более благоприятным, каждый кричал и подбадривал его. Мы с сожалением вздохнули, увидев, как птица неожиданно отпустила рыбу.

– Два серебряных против одного. – Полилло подняла ставки, а ящер, крепко зажав рыбу в пасти, отплыл назад. Меня оглушили крики желавших сыграть. Я видела по широкой усмешке Полилло, что она уверена в уме и смелости птицы. Действительно, пока ящер лежал, ошеломленный неожиданной победой, птица снова взвилась над ним и вспорола его белый живот своими крючковатыми когтями. Ящер завизжал, свернувшись в клубок, и забился в агонии. Птица тут же схватила рыбу и унеслась в небо под радостные крики одних и тяжелые вздохи поставивших против нее.

– Я сразу знала, кто победит! – радовалась Полилло, ныряя в толпу своих новых должников. – Посмотрим, что за цвет у ваших монет, друзья. Только белый металл. В моем сердце нет места для меди.

Битва внесла оживление в наши ряды, как будто мы сами в ней участвовали.

– Ну что ж, это хороший знак, если я что-нибудь в этом понимаю, – сказала Корайс.

Я хотела согласиться. Но свойственная мне осмотрительность – в некотором роде цинизм – останавливала меня. Возможно, это был действительно хороший знак. С другой стороны, если посмотреть с точки зрения морского ящера, это могло быть предостережением.

Шелест широкой мантии вернул меня обратно, и я повернулась навстречу Гэмелену, ковыляющему в нашу сторону настолько быстро, насколько позволяли его старые ноги. Он причалил к нашей галере в середине битвы и поднялся на борт с минимальной помощью или даже вовсе без нее.

– Прости... – начала я, но колдун остановил мои извинения нетерпеливым жестом.

– Флот архонта встал, – сказал он.

Я вытаращила глаза и издала обычный для привыкшего к рутине и забывшего о своей профессии офицера глупый; звук, выражавший изумление.

– Я не знаю, как долго они будут стоять и в чем причина, – сказал Гэмелен, – но все говорит о том, что он затаился или попал в штиль.

– Может быть, он где-то запасается водой и провиантом, – рискнула предположить я. – У них было мало времени для подготовки к бегству.

Гэмелен кивнул, его борода ошетинилась, а желтые глаза вращались, как два солнца.

– То же предполагаем и мы с адмиралом, – сказал он. Он развернул небольшую грубую морскую карту, никогда не ви-

денную мной прежде.

– Капитан Фокас нашел ее среди других карт. Она показывает, что лежит за пределами обычной карты, хотя капитан сказал, что сомневается в ее правдивости, так как он приобрел ее в винном погребе, а не в специальной лавке.

Мы с Корайс склонились над картой. Гэмелен ткнул пальцем в маленькую группу островов у самой западной точки карты.

– Вот здесь его флот должен находиться сейчас. Есть там провизия или нет, никто не знает. Холла Ий говорит, что еще неизвестно, существуют ли сами острова.

Я увидела маленький символ рядом с островами, предупреждающий, что составлявший карту полагался на слухи, а не на факты. Тем не менее у меня застучало в висках.

– Если острова не существуют, что же еще смогло заставить флот остановиться посреди океана?

Колдун радостно покручивал бороду.

– В самом деле, что же еще? – спросил он.

Корайс рассмеялась.

– Если опять увижу спешащего колдуна, больше не буду предвещать беду.

– Не дразни богов, – предупредила я, шутя лишь отчасти. – Прежде всего мы должны настичь его, а затем сразиться с ним.

Полилло, подошедшая сзади, вмешалась в разговор.

– Я слышала, кто-то сказал «сразиться»? Или мне пока-

залось?

– Нет, мой друг, – ответила я. – Тебе не показалось. И в конце концов тебе придется сражаться.

– Хорошо, – ответила она. – А то мне уже стало казаться, что я попала в компанию трусов. Мой топор уже жаждет крови.

Сражение произошло не так уж скоро. Как я и предупреждала Корайс, сначала нам нужно было настичь архонта. Гребцы работали изо всех сил, вокруг нашего флота звучала постоянная барабанная дробь, весла мелькали так часто, что были едва видны. Флотилия скользила по морю с огромной скоростью, казалось, вода сама несла нас. Мы плыли так в течение двух дней, затем, после нескольких часов отдыха, еще два дня.

Напряжение было столь высоким, что никто не заметил, как мы вошли в не обозначенные на картах моря.

На пятый день мы увидели противника.

Глава седьмая

МОРЕ В ОГНЕ

Как мы ни выкладывались до этого, теперь мы работали еще сильнее, и через два часа убегающий флот ликантианцев появился на горизонте. Мне даже казалось, что я могу различить паруса отдельных кораблей. Люди столпились на палубе – я, Корайс, Полилло, а также капитан Страйкер и Гэмелен. Вскоре прибыл и Холла Ий на совещание. Воздух наполнился волнением и напряженностью.

– Они уже заметили нас?

Вопрос Корайс предназначался Страйкеру, но ответил Гэмелен:

– Да, они уже знают. Но не благодаря зрению, а благодаря колдовству. Я уже чувствовал пальцы архонта, протянутые в нашу сторону.

Холла Ий нахмурился, увидев дрожь одного из моряков, которая была вызвана отнюдь не прохладным бризом. Гэмелен понимающе кивнул, и мы прошли назад вдоль штормового мостика, чтобы не было слышно нашего разговора.

– Как скоро мы подойдем к ним? – спросила Полилло.

Холла Ий пристально рассматривал измерительный прибор, чтобы прикинуть время по расстоянию, которое тень фок-мачты прошла по палубе, пока мы собирались, чтобы посмотреть корабли.

– Если ветер будет оставаться благоприятным, – сказал он, – и с той же стороны... и они будут продолжать двигаться все тем же курсом... два, может быть, три дня.

– Если бы я командовал тем флотом, – сказал Страйкер, – и знал, что битвы не избежать, так как они не могут спрятаться от нас, я бы начал обдумывать свою линию в битве и маневрировать в зависимости от погоды.

– Я бы сделал так же, – сказал Холла Ий. – Но если ты уже начал бежать, трудно остановиться. Страх всех нас заставляет делать странные вещи.

– Вы уверены, адмирал, – сказал Гэмелен, – что они испуганы? Что они бегут от нас, а не к чему-либо?

Холла Ий хотел было огрызнуться, но раздумал. Он выглядел несколько озабоченно.

– Но они же идут все тем же курсом, не так ли? – сказал он. – И прежде шли им.

– Вот об этом-то я и думал, – сказал Гэмелен. – Хоть я и не моряк.

– Вы чувствуете что-нибудь, господин Гэмелен? – спросил Страйкер.

– Пока нет, – сказал маг. – Я трачу большую часть своей энергии, пытаясь установить, какие колдовские фокусы относительно битвы заготавливает архонт, и создать противодейственные заклинания. Однако я попытаюсь найти какие-нибудь лазейки и узнать что-нибудь об этом.

Он пошел по палубе и скрылся в своей тесной каюте. По-

лилло тряхнула головой.

– Я не люблю переживать из-за колдунов, и не хотела бы быть Гэмеленом. Представь себе: враг, которого ты не можешь ни увидеть, ни услышать, ни убить его мечом.

Корайс приобняла Полилло.

– Не волнуйся, сестра. Уже один архонт жарится в аду, который тоже так думал, пока Рали не научила его другому.

Настроение Полилло изменилось, и она улыбнулась. Пока мы говорили, наши глаза не могли оторваться от крошечных точек у линии горизонта.

В ту ночь мы вошли в чужие моря. Солнце уже погрузилось в океан, но небо все еще было светлым. Когда опустились сумерки, мы увидели, что свет исходил по другую сторону от флота ликантианцев. Он был красным, как если бы там было бушующее над морем пламя. Я слышала о фосфоресцирующих морях и спросила Страйкера, имеет ли это отношение к происходящему.

– Я никогда не слышал о морских огнях такой силы, чтобы осветить целое небо, – сказал он.

– А что, ты думаешь, это может быть? – спросила я.

Страйкер плюнул через борт.

– Я перестал думать, как только мы отправились в это путешествие, капитан, – сказал он. – Иначе, когда мы достанем этого черного колдуна, я буду плохим бойцом от страха.

По мере того как шло время, свет в небе становился все ярче, и к полуночи, когда я заставила себя взобраться в га-

мак, я различила на небе четыре языка пламени.

Вздвогнув, я проснулась перед рассветом. Меня разбудило ужасное зловоние и крики на палубе. Сначала я подумала, что нас атакуют каким-то магическим способом, и выкатилась из гамака, царапая по полу рукой в поисках меча. Но это было не так. Воздух, море, целый мир воняли, как грязевые и серные ванны в пригороде Ориссы, куда нас водил отец, когда я была еще ребенком. Я поспешила на палубу, едва не расшибив себе голову в этом отвратительном низком люке. Вероятно, я проснулась одной из последних, так как большинство членов команды уже было там.

Солнце еще не встало, но все вокруг утопало в плотном желтоватом свете, позволявшем все отчетливо видеть. Море покрывала коричневая дымка, и хотя мы должны были приблизиться к ликантианцам на несколько лиг, их корабли все еще были точками, наполовину скрытыми во мгле. То, на что все смотрели, было далеко не сигналом с наблюдательного поста. Неизвестная земля была перед нами; это она была источником запаха и жуткого света в ночи. Я считала вершины низких гор, словно выраставших из самого моря, – три, нет, пять вулканов. От каждого из них тянулся столб дыма. И снова и снова вспышки и тусклое пламя. Корайс и Полилло присоединились ко мне, но ничего не говорили.

Я увидела Гэмелена и Страйкера, стоящих на юте, и поднялась к ним. Оба выглядели встревоженными.

– Все выглядит так, – сказала я Гэмелену, – как будто ва-

ши мысли о том, что они бегут к чему-то, были правильными?

Страйкер решил ответить.

– Кажется, так, капитан. Вы полагаете, что они ищут там убежище? Или друзей, способных им помочь? – Он почесал затылок. – Им пришлось бы шить себе одежду из железа, чтобы жить здесь. Так что это не имеет смысла.

Гэмелен вмешался.

– Но это место определенно является их целью, – сказал он. – Наши друзья не слепые, они могли бы изменить курс раньше, если бы думали, что плывут в ловушку.

Я вспомнила, что мне рассказывал Амальрик.

– Однажды мой брат сказал, что клан Симеонов совершал путешествие на запад, но никто не знал, как далеко.

Гэмелен встряхнул бородой.

– Так далеко? Без карты? Я думаю, более вероятно, что эти моря незнакомы Нису Симеону так же, как нам, но архонт использовал свои колдовские средства, чтобы узнать, что там.

– Я надеюсь, вы сделали то же самое с помощью своего искусства, – полушепотом сказал Страйкер. – И лучше было бы предупредить нас об этом проклятом море.

Гэмелен взглянул на наемника, его глаза горели. Его голос прозвучал холодно-холодно.

– Как я сказал прежде, мне нужна была вся моя сила для отслеживания архонта и его кораблей. Они бросали множе-

ство заклинаний в нашу сторону, чтобы запутать нас и заставить поменять курс или даже вообще сделать наше положение безнадежным. Что касается этих извержений... самая большая опасность для нас создается прямо сейчас, на главном корабле архонта. Даже сейчас Симеон и его матросы шлифуют свое оружие для битвы, а архонт готовит свои магические фокусы.

Затем его зубы блеснули сквозь бороду и он сказал:

– Сосредоточьтесь на своих обязанностях, капитан, а я займусь своими.

Страйкер дрогнул под презрительной усмешкой колдуна, затем опомнился.

– Извините, что высказался вне очереди, господин Гэмелен, – сказал он, повернулся и прошел на главную палубу.

Гэмелен ничего не сказал, только пристально посмотрел ему вслед.

– С каким колдовством мы столкнемся? – спросила Корайс, ломая возникшую напряженность.

– Я точно не знаю, – сказал Гэмелен. – Но мы все можем это себе представить, посмотрев вокруг. Не только на эти странные моря, но и на ухудшающуюся погоду.

В самом деле, мы были так поглощены ревом и кипением, которые эти яростные горы извергали из своих глубин, что не обратили ни малейшего внимания на все остальное.

Солнце уже должно было подняться, но небо было темным из-за серых, быстро темнеющих облаков. Ветер хле-

стал по гребням наших шлемов и доспехам. По морю гуляли длинные буруны, с огромными промежутками между волнами, такое я видела только в устье реки Ориссы во время зимних штормов.

– Он может напустить на нас любые заклинания, вызвать неразбериху, отчаяние – все, что угодно, – сказал Гэмелен. – Архонт должен или уничтожить нас, или так нас ослабить, чтобы мы не могли больше его преследовать.

– Да, ему ничего другого не остается, – твердо сказала Поллито.

Гэмелен одобрительно улыбнулся.

– Мы все должны набраться такой же решимости, как у вас, легат. Помните, что у нас есть огромное преимущество: войско архонта – это солдаты и матросы, которые случайно оказались на борту кораблей Симеона в момент их отплытия. Напротив, наша гвардия так же сильна, как меч, что вы носите в своих ножнах.

Гэмелен и я обменялись взглядами. Я поняла, что он говорил правду о нашей подготовленности к битве, но я также поняла, что он не упомянул еще о двух истинах: первое – о том, что могло лежать в сундуках архонта, загруженных в замке в Ликантии, и второе – о готовившихся архонтом ловушках. Самый опасный враг – загнанный в угол.

Двумя часами позднее с наблюдательных постов донеслись сигналы тревоги – мы плыли прямым курсом на рифы. Страйкер отдавал приказы к изменению курса и к под-

нятию сигнальных флажков для остальных кораблей. Затем он крикнул команду, полностью опровергавшую первые.

– Это не скалы, – сказал он. – Или, по меньшей мере, не такие, как вы думаете.

Он не стал давать дальнейших разъяснений, и снова люди собрались на палубе. Как только мы приблизились к рифам, я вздрогнула, увидев, что скалы кажутся поднимающимися и опускающимися вместе с волнами.

Страйкер приказал принести сеть, опустил ее и поднял одну из скал. Это был здоровый камень размером с него, и Полилло почти вскрикнула от восхищения огромной силой офицера, которую тот никогда прежде не демонстрировал. Прежде чем она смогла вымолвить хоть слово, Страйкер вынул камень из сети, повернул и бросил одной рукой в ее сторону.

Полилло раскрыла рот и отпрыгнула прочь. Камень ударился о палубу не сильнее, чем кошка, прыгнувшая с колен старой дамы. Полилло подняла камень и принесла мне. Он весил не больше подушки.

Страйкер объяснил:

– Это называется пемзой. Ее выбрасывают вулканы. Я видел пемзу и прежде – мы проплывали сквозь целые пласты таких вот камней. – Его лицо покривилось. – Конечно, это тоже было рядом с вулканом, оттуда эти штуки вырывались как из нарыва.

Он посмотрел вперед. Теперь вулканические острова бы-

ли ближе, и я могла различить около полудюжины. Мне хотелось знать, что произойдет, если один из этих вулканов проснется до нашего сближения с кораблями ликантианцев. Я решила, что это в руках богини, и стала молиться Маранонии, надеясь, что ее могущество распространится и на эти горящие моря.

Позднее в тот же день мы увидели еще больше обломков: первые три бесцельно продрейфовали мимо, затем целая группа осколков, выброшенных с земли, которая была видна нам до сих пор только в виде своих пиков. Казалось, что каждая вершина относилась к отдельному острову. Затем мы увидели признаки живого – или того, что когда-то было жизнью. Мы увидели маленькую лодку, ее несло к нам течением. Я приказала своему отряду вооружиться и надеть доспехи. Как только мы подошли ближе, я увидела, что лодка была рыбацким челноком. Я решила захватить этих людей и узнать у них побольше об этих морях. Их было четверо, и все спокойно сидели на своих местах. Мне показалось странным, что никто из них не встал и не подал нам сигнала или не попытался уплыть от нас. Они даже не меняли свой курс, и их несло на нас, так что нам пришлось повернуть в сторону.

Мы были на расстоянии броска копья от них, когда я поняла, почему рыбаки были столь спокойны, – ничто на земле не могло уже взволновать их. Они полулежали, полусидели на дне лодки, их лица были повернуты к небесам. Они

были мертвы, но я не видела никаких следов насилия – трупы казались свежими, как будто люди погибли недавно, не было ни признаков гниения, ни мумификации. Как только их лодка подошла к носу нашего корабля, я увидела нечто ужасное: у них не было глаз. Пустые, с кусками запекшейся крови глазницы были обращены в покрытое облаками небо, пытаюсь увидеть сквозь туман солнце.

– Чайки, – сказал один из моряков. – Эти твари любят это дело. Иногда... когда люди еще не мертвы, просто слишком слабы, чтобы справиться с ними.

Я содрогнулась.

Тяжелый запах становился все сильнее и сильнее при нашем приближении к вулканам, там были корабли архонта. Когда наступили сумерки, я оценила расстояние и решила, что мы подойдем к ним уже на следующий день. Я позволила себе такую роскошь, как надежда, надежда убить Нису Симеона собственными руками. Это было бы концом Симеонов, моя семья наконец будет отомщена за множество их злодеяний, самыми ужасными из которых были заключение и пытки Амальрика и затем попытка его убийства.

Море оставалось все таким же бурным, промежутки между волнами становились все меньше, а ветер превратился почти в ураган, так что Холла Ий просигналил нам плыть к рифам.

– Бурное море – это благо для кораблей архонта, – сказал мне Страйкер. – Такие галеры, как наши, могут перенести

любой шторм. Но буря не дает нам двигаться вперед. Если мы не перевернемся или не налетим на мель, то нас понесет в сторону или назад, в зависимости от ветра.

Когда он увидел, что я с интересом его слушаю, он добавил:

– Не бойтесь, капитан, будет завтра буря или спокойное море, у нас больше шансов, чем у него.

Я приказала стражницам быть готовыми к ночной тревоге и расставила отряд на посты с наблюдателями на носу галеры. Я не думала, что архонт повернет и направится к нам для ночной атаки, но было бы глупо не быть готовыми к этому.

Я была на нижней палубе, обдумывая свои планы битвы в десятый или сотый раз – совершенно бесполезное занятие, которое производит каждый командующий, пока не начнется бой, – когда юнга сообщил мне, что Гэмелен ждет меня на палубе. Когда я поднималась наверх, я увидела двух матросов, спокойно разговаривающих у перил. Они стояли спиной ко мне. Я замедлила шаг и прислушалась.

– Черт меня возьми, – сказал первый, – если я не думаю, что мне следовало остаться в Джейпуре и согласиться быть пойманным стражей. В этом случае мне не пришлось бы пять лет провести в этой мясорубке. Я знал людей, которые прошли сквозь это! Вместо того... – Он сплюнул в море. – Нас отправили в погоню без копейки награды, но зато с этими девицами, которые забавляются со своими копьями сами и друг с другом. Мы преследуем этого колдуна, который ско-

рее всего пошлет всех нас в ад завтра же, а если мы и схватим его... даже если мы схватим его, говорю тебе, нам будет нужно еще очень долго возвращаться домой, а эти ублюдки из Ориссы уж постараются оставить нас без нашей кровью добытой награды.

– Тебе не кажется, – сказал другой, – что адмирал тоже думал об этом? Если эти суки убьют архонта и у нас в руках окажется золото, которое должны везти его корабли... Также не забывай, что он везет какие-то волшебные штучки, которые уж конечно стоят чего-нибудь и могут быть проданы кому-нибудь... из ада. Может быть, колдунам из этих Далеких Королевств они покажутся интересными, хотя бы для того, чтобы никто больше не мог владеть ими. Не пой заупокойную, дружок, еще рано. Завтра все мы будем купаться в шелках.

Первый хмыкнул, но прежде чем он ответил, я задела ногами о перила, как будто только что подошла. Эти двое повернулись, увидели меня и торопливо ушли. Я ничего не сказала, но подумала, что, очень возможно, нам придется пройти через две битвы вместо одной на завтрашний день, и поклялась подготовить своих солдат к столкновению с предательством. Вероятно, слова пиратов были лишь изъяснением их подлых желаний, но я не сомневалась, что Холла Ий и в самом деле изменит свои планы, если это будет сулить ему больше выгоды.

Я быстро нашла Гэмелена. У него была маленькая палат-

ка, натянутая прямо перед грот-мачтой. Даже в наполненном серой воздухе я чувствовала запах ладана, исходивший от четырех жаровен, защищенных от брызг и расставленных по углам палатки. У мага было плохое настроение, когда я вошла. Он сидел скрестив ноги на ковре, постеленном прямо на палубе. Перед ним лежали его жезл, несколько маленьких пузырьков и пять красных костяшек, которыми он гадал. Четыре ароматные свечи висели на шелковых шнурах, привязанных к крыше палатки. Но что больше всего задержало мой взгляд – открытая эбонитовая шкатулка и черный алмаз, которым стало сердце архонта.

– Я гадаю, – объявил он без вступления, – чтобы узнать планы архонта на завтра. Я чувствую то же неизвестное колдовство, как и в момент последнего штурма Ликантии, но у меня нет никакой возможности узнать, что бы это могло быть.

– Одно понятно – это направлено против нас, – сказала я.

– Странно, но это не совсем так. Что-то готовится, так же как эта буря была подготовлена, но тут нет фокуса. Я не знаю, с чем сравнить, в общем, это похоже на циклон, собирающийся в воздухе, – он невидим, пока не коснется земли. Я хотел бы заглянуть в душу архонта так же легко, как деревенская ведьма смотрит в сердце своего клиента.

– Вы интересовались вчера, – сказала я, – намеренно ли архонт выбрал это место для своей последней стоянки. Что вы чувствуете на этот счет сейчас?

– Да... и нет. Я чувствую черную цель, но я не уверен, целиком ли это его план или он просто воспользовался предоставившимся случаем. Во всяком случае, я не чувствую угрозы от этой земли, что было бы естественным, если бы это было просто магической засадой. – Он расстроенно покачал головой. Затем сказал: – Но я послал за тобой потому, что архонт видит в тебе своего самого большого врага. Он боится тебя.

Я не выразила никакого протеста, чтобы изобразить скромность. Черт возьми, он и должен меня бояться!

– Я полагаю, что он намерен расправиться с тобой в самом начале битвы, – сказал Гэмелен. – Ты и сержант, которая вырезала сердце его брата. Я уже говорил с Исмет и дал ей столько защитных средств, сколько было возможно. Я думаю, что опасность ей угрожает не больше, чем кому-либо из нас, но она, безусловно, огромна. Тебе нужен еще больший щит. Садись напротив меня.

Я сняла свой меч и села, так же скрестив ноги, как и он. Гэмелен вытянул костлявую руку и продекламировал:

Сокол охотится высоко,
Его жертва спокойна,
Хорек не двигается,
Его след потерян.

Когда он закончил, то сказал:

– Я думаю, что архонт мог угадать заклинание хорька, ко-

торое я дал тебе перед последней битвой, чтобы сделать тебя охотящимся зверем, поэтому я отнял его.

Я благодарно кивнула, хотя в моем сердце я чувствовала потерянность – Гэмелен до сих пор не понял, что значили для моей семьи эти маленькие животные и как их духи помогали нам. Если это заклинание исчерпало себя, я собиралась попросить его о другом, дающем мне сходство с другим хищным зверем.

– Что-нибудь другое должно помочь, – сказал он. Он взял маленький золотой серп и положил его против останков сердца архонта. – Вытяни руки ладонями вверх. – Он дотронулся серпом до моих запястий, там, где бешено бился пульс. – Я уже приготовил травы и гадал.

Затем он снова запел:

Нет уже песен, которые можно спеть,
Нет уже слов, которые можно произнести.
Кровь за кровь.
Пусть сейчас умрет кровь этого человека
И станет красным паром,
Чтобы глаза этого человека, все еще живого,
Покрылись облаком из нее.
Пусть его глаза видят,
Но идут дальше,
Не замечая.

Закончив, он произнес нормальным голосом:

– Это все, мой друг. Боюсь, что основную защиту завтра дадут тебе твой меч и твои сестры.

– Более того, – сказала я, – ни один воин не может пожелать большего, чем благословение Маранонии и Тедейта. – Я стала вставать, но тут неожиданная идея остановила меня. – Гэмелен... Я не воскреситель. Но... вы говорили несколько минут назад, что архонт вероятнее всего не направлялся в эти моря в начале бегства, но теперь рассчитывает на какие-то преимущества. Будут ли это – могут ли это быть – вулканы, к которым мыдвигаемся?

Я увидела, как побледнело лицо Гэмелена, даже несмотря на мерцающий свет свечей.

– Магия земли, – прошептал он, больше для себя, чем для меня. – Здесь, где она растет из сердца мира? – Он долго думал, затем тряхнул головой, стараясь успокоиться. – Нет, Рали. Даже при помощи волшебных искусств, привезенных из Далеких Королевств и поведенных нам твоим братом, я не думаю, чтобы архонт это смог. Чтобы прикоснуться к, этим силам, нужно быть не просто великим воскресителем, работающим на пределе своих возможностей, но нужно пойти на такую жертву, огромную жертву, что нельзя и представить... Но в какую-то минуту я в этом усомнился. Спасибо, Рали. Ты дала мне кое-что важное сейчас. Не только напоминание о том, что моя голова такая же старая, как и мои кости, но также и то, что я провожу слишком много времени, копаясь в своих мыслях, и недостаточно интересуюсь чужими. Пожа-

луйста, Рали, рассказывай мне о своих представлениях, не важно, насколько мало значения ты им придаешь. Архонта, возможно, просто вынесло в эту бухту, но, как известно, существует огромная разница между выслеживанием зверя в его берлоге и отдыхом на его шкуре перед зимним камином.

— Это вы мне рассказываете? — засмеялась я, вспомнив, как первый раз вышла на огромного бурого медведя с копьем и чем это закончилось. Мне повезло, что попало достаточно толстое дерево, способное выдержать вес юной девушки, но недостаточное для огромного животного, неожиданно превратившегося в охотника. — И мне понадобится все, что я смогу взять с собой. — Я остановилась. — Удачи вам завтра, Гэмелен. Удачи всем нам.

Я вышла в полную отвратительного запаха ночь, зная, что ни мне, ни кому-либо еще не уснуть, пока архонт не умрет.

Поздно ночью мы изменили курс. Прямо перед нами был первый из огромных вулканических конусов, поднимающихся со дна океана. В красном свете мы увидели огромные буруны, разбивающиеся об основание горы. Оказалось, что другой земли, помимо вулкана, не было. Попытавшись измерить глубину возле него, мы не достигли дна.

Ночное небо было достаточно светлым, чтобы увидеть все десять кораблей ликантианцев. Они тоже поменяли курс, прижимаясь к вулканам. К моменту, когда конус вулкана остался у нас за кормой, уже рассвело, и видимость была очень хорошей.

Впереди, расположенные на одном уровне по отношению к океану, высились еще три вулкана, все они были не такими высокими и не такими пугающими, как тот, что мы только что обошли. Это были не изолированные вершины, они были соединены между собой низкими отрогами, которые шли в сторону горизонта на расстоянии, которое мы только могли видеть. Наконец-то архонт был полностью и по-настоящему в ловушке.

С рассветом корабли архонта и Симеона были выстроены в боевом порядке и опустили паруса – либо ожидали сигнала к атаке, либо подпускали нас ближе. Рассвет был темным – воздух был таким пасмурным и плотным, как в центре лесного пожара. Мне казалось, что я слышала грохотание вулкана позади нас, но более вероятно, это был звук моря, накатывающегося на рифы.

Море было серым, взбудораженным, почти настоящий шторм. Ветер переменялся, теперь он дул не сбоку, а прямо в лицо. Мы опустили мачты на корабли, это всегда делается, когда галеры готовятся к бою, для того чтобы обезопасить гребцов в случае, если мачта опрокинется, а также чтобы обеспечить полную эффективность работы весел. Все скамьи были заняты людьми, звучали боевые барабаны. Глухие звуки разносились ветром от корабля к кораблю, ритм не только помогал ударам гребцов, но и горячил кровь перед надвигающейся битвой. Он заставлял напрягаться мышцы моряков Холлы Ий, но моим девушкам вряд ли было нуж-

но подбадривание. Теперь наконец долгая борьба между Ликантией и Ориссой будет закончена, и не имеет значения, насколько могуществен колдун – последний архонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.